

**БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ИММАНУИЛА КАНТА**

На правах рукописи

Воробьёв Илья Аркадьевич

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ РОССИЯН В
ПОЗДНЕВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ**

Специальность 07.00.03. — Всеобщая история
(Новая и новейшая история)

Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Сергеев В.В.

Калининград — 2017

Оглавление:

Введение	3
Глава I. Русская эмиграция в Англию в последней трети XIX века	28
§ 1. Этапы русской эмиграции в Англию	28
§ 2. Численность русской колонии	40
§ 3. Классификация и социальная характеристика русской эмиграции	44
§ 4. Правовые аспекты эмиграции в Англию	48
Глава II. Повседневная жизнь русских эмигрантов в поздневикторианской Англии	56
§ 1. Жилищные условия русской эмиграции и основные районы её расселения	56
§ 2. Бытовые аспекты адаптации русских эмигрантов	83
Глава III. Деятельность русской эмиграции	97
§ 1. Организационная деятельность эмигрантов	97
§ 2. Трудовая деятельность эмигрантов. Финансовое положение колонии	108
§ 3. Издательская деятельность эмигрантов	119
Глава IV. Отношение английских властей и общества к русским эмигрантам	132
§ 1. Британские власти и российская эмиграция	132
§ 2. Английское общество и российская эмиграция	145
А) Участие российских эмигрантов в деятельности английских общественных организаций	146
Б) Отношение английского общества к трудовым мигрантам из России	150
В) Рестрикционизм и связанные с ним общественные организации	157
§ 3. Образ русского эмигранта в английском общественном сознании	160
Заключение	173
Список использованных источников и литературы	179
ПРИЛОЖЕНИЕ А	190

Введение

Научная значимость темы исследования. Миграционные процессы, достигшие в XX в. невиданного размаха и остающиеся в настоящее время в числе наиболее важных мировых процессов, приобрели характер массового и социально значимого явления в конце XIX столетия. Со второй половины XIX в. эмиграция начала охватывать новые слои российского общества. К выезду из России, который ещё в середине XIX столетия считался, главным образом, привилегией дворянского сословия, начали стремиться разночинцы, а с конца века — пролетариат и крестьянство. В общий эмиграционный поток, формировавшийся по большей части за счёт представителей национальных меньшинств — евреев и поляков, начинает втягиваться всё больше русских. В этот поток были включены эмигранты разных категорий — политические, религиозные, трудовые. Конечной целью основной массы выезжающих являлись страны Северной Америки, однако значительное количество их оседало в Западной Европе, в том числе и на Британских островах.

Постоянное увеличение числа иностранных иммигрантов, хорошо прослеживающееся по данным английских переписей, вызывало, в свою очередь, всё большую обеспокоенность британских правящих кругов и английского общества. В конечном итоге рост социальной напряжённости, обусловленный, в немалой степени, ростом потоков иммигрантов из России, вынудил британские власти принять в 1905 г. новое миграционное законодательство, осложнявшее въезд в страну из-за рубежа.

Таким образом, тема данного диссертационного исследования относится к истории Англии и к истории России. Российская иммиграция оказала определенное влияние на социально-экономические и общественно-политические процессы в обеих странах, а также на англо-русские отношения.

Существенные сдвиги, наметившиеся в исторической науке, вызвали небывалый интерес к российской послереволюционной эмиграции. Дальнейшее расширение исследовательского поля неминуемо должно привести к более детальной научной разработке круга вопросов, которым в настоящее время уделено недостаточно внимания. Нет сомнений в том, что исследование истории русской дореволюционной эмиграции способно расширить и дополнить методологию, а также источниковую базу изучения т.н. «эмиграции первой волны» (послереволюционной эмиграции) — даже при том, что эти две различные генерации эмигрантов обладали различными качественными и количественными характеристиками, имели совершенно отличные друг от друга условия возникновения и т.п.

Актуальность темы исследования определяется его научной значимостью. В настоящее время наблюдается устойчивый приток в Российскую Федерацию иммигрантов из стран бывшего Советского Союза — проблема адаптации в российском обществе этих людей, обладающих иными социальными и культурными установками, чрезвычайно актуальна. В этом отношении выявление общих механизмов социокультурной адаптации на примере адаптации русских эмигрантов в поздневикторианской Англии представляется весьма полезным. Актуальность данной темы определяется также тем, что в данный момент продолжается отток населения из России. Оказавшись за рубежом, наши соотечественники сталкиваются во многом с теми же проблемами, которые вставали перед российскими эмигрантами в Англии 1870-90-х годов.

Англия до настоящего времени остаётся страной, в которой ищут убежища эмигранты разных национальностей, в том числе и из России. Современная русская диаспора на Британских островах является одной из самой многочисленных в дальнем зарубежье. Поэтому исследование взаимодействия русской эмиграции с британскими властями и обществом последней трети XIX в. представляет немалый интерес, так как позволяет проследить постепенную трансформацию небольшой колонии в многочисленную диаспору, генезис её социально-экономических характеристик, сдвиги в духовной жизни, эволюцию мировосприятия и т.д.

Следует также учитывать и изменения, наметившиеся в исторической науке за последние десятилетия. Антропологизация исторического знания и, как следствие, рост интереса к роли человеческой субъективности в историческом процессе ставят перед исследователем новые задачи — всестороннего анализа целого комплекса проблем, связанных с адаптацией эмигрантов в иной социально-культурной среде.

Степень научной разработанности проблемы. До недавнего времени история российской эмиграции практически не разрабатывалась отечественными исследователями. Современному этапу постановки проблемы предшествовали годы крайне политизированного подхода к истории русской эмиграции. В дореволюционной историографии российская эмиграция практически не рассматривалась — такое положение вещей было обусловлено в том числе и цензурными ограничениями, снятыми лишь после Первой русской революции. В работах дореволюционных историков освещались лишь отдельные аспекты эмиграции, притом большинство трудов носили характер прикладных исследований. Следует отметить ряд трудов по правоведению, содержащих обзор существовавшего в конце XIX столетия миграционного

законодательства Российской империи¹. Предмет исследования — «русская Англия» — долгое время не рассматривался в качестве целостного явления общественной и политической жизни. К истории русской колонии в Англии обращались обычно косвенно, в рамках других научных тем и направлений: в первую очередь историки российского революционного, социалистического и коммунистического движений, исследователи отечественной общественно-политической мысли, специалисты по межгосударственным отношениям, культурологи, социологи миграций и т.д.

Лишь сравнительно недавно, с конца 1980-х годов, «Русское Зарубежье» стало превращаться в популярный объект многочисленных исследований. Однако внимание как советских, так и российских историков главным образом было приковано к послереволюционной, «белой» эмиграции, в то время как широкий круг вопросов, связанный с дореволюционной эмиграцией либо вовсе не освещался, либо освещался крайне фрагментарно. История русской эмиграции в Англии в силу различных причин никогда не являлась приоритетной темой исследований.

Советские исследователи уделяли преимущественное внимание русской революционной эмиграции в Англии середины XIX в., что было связано с осмыслением деятельности в Лондоне А.И. Герцена. Их работам свойственна известная степень политизированности, а также акцентированность на общественно-политическую деятельность эмигрантов и её влияние на российское революционно-освободительное движение. В качестве примера можно привести круг исследований, посвящённых А.И. Герцену и Н.П. Огарёву и их общественно-политической деятельности в лондонской эмиграции 1850-х — первой половины 1860-х годов². В некоторых из этих работ на примере А.И. Герцена была предпринята начальная постановка вопроса о социальной адаптации русских эмигрантов. Тем не менее, сама по себе русская эмиграция в Англии рассматривалась в качестве своего рода «попутного сюжета» в истории российского национально-освободительного движения.

¹ Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 3 т. — СПб: Типография М. Стасюлевича, 1875. — 1 т. — 448 с.; Роговин Л.М. Устав о паспортах. — СПб.: Законоведение, 1913. — 335 с.; Абрамович К. Устав о паспортах. Со всеми изменениями, дополнениями и разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярами Министерств. — СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1905. — 199 с.; Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: в 3 т. — М.: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. — 1 т. — 492 с.

² Клевенский М. Герцен-издатель и его сотрудники // Литературное наследство. Т. 41–42. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. — С. 572–620; Клевенский М. Герцен-издатель и его сотрудники // Там же. — С. 572–620; Ланской Л. Р. Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена // Литературное наследство. Т. 63. Герцен и Огарёв. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. — С. 793–831; Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1851–1858. Кн. 2 / под ред. С. Д. Гурвич-Лищинер, И. Г. Птушкиной. — М.: Наука, 1976. — 416 с.; Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859–1864. Кн. 3 / под ред. С. Д. Гурвич-Лищинер, И. Г. Птушкиной. — М.: Наука, 1983. — 704 с.; Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. — М.: Мысль, 1984. — 317 с.

Русская эмиграция последней трети XIX в. реже становилась предметом научного интереса. Две статьи Н.В. Ивановой, опубликованные во второй половине 1960-х годов, посвящены отдельным аспектам взаимодействия русской революционной эмиграции в Англии с представителями английского общества, а также отношению британских властей к эмигрантам 1880–90-х годов — постановка данной научной проблемы была предпринята впервые³. Следует также отметить фундаментальный труд Е.А. Таратуты «С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель»⁴. Данная монография содержит богатый материал, воссоздающий широкую панораму жизни русской колонии Лондона 1880–90-х годов. Не ставя напрямую задачи выявления механизмов социокультурной адаптации русских эмигрантов, автор, однако, обозначила очень многие из них, наметив вектор для последующего исследования. В.Л. Семёнов в докторской диссертации «Связи С.М. Степняка-Кравчинского с деятелями общественного движения Англии»⁵ тщательно исследовал большую часть известных английских контактов русского эмигранта, а также произвёл скрупулёзный анализ историографии вопроса.

Деятельности наиболее видных представителей русской революционной эмиграции в Англии посвящён ещё ряд работ⁶. К сожалению, их жизнь в Англии во всех работах чаще всего обозначена пунктирно, в качестве фона общественно-политической деятельности эмигрантов, подчинённой задачам российского революционного движения.

Некоторые из вопросов складывания и функционирования лондонской колонии освещались в работах общего плана. Труд А. Я. Кипермана «Разночинская революционная эмиграция»⁷ освещает историю рождения, складывания и функционирования революционной эмиграции в 1861–1895 годах. В его же статье «Главные центры русской революционной эмиграции 70–80-х годов XIX в.»⁸ рассматриваются основные особенности русской

³ Иванова Н. В. Из истории русско-английских культурных связей в 80–90-е годы XIX века // Учёные записки Курского педагогического института. Выпуск 26. — Курск: Изд-во Курского педагогического института, 1966. — С. 142–163; Иванова Н. В. Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей в 80–90-е годы XIX века // Учёные записки Курского Педагогического института. Выпуск 43, часть 1. — Курск: Изд-во Курского педагогического института, 1967. — С.81–114.

⁴ Таратута Е. А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. — М.: Художественная литература, 1973. — 544 с.

⁵ Семёнов В. Л. Связи С. М. Степняка-Кравчинского с деятелями общественного движения Англии: Автореф. дис. канд. истор. наук. — Пермь, 1973. — 26 с.

⁶ Антонов В.Ф. Русский друг Маркса Герман Александрович Лопатин. — М.: Соцэкгиз, 1962. — 93 с.; Пирумова Н. М. Бакунин. — М.: Молодая гвардия, 1970. — 399 с.; Пирумова Н. М. Пётр Алексеевич Кропоткин. — М.: Наука, 1972. — 224 с.; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. — М.: Молодая гвардия, 1977. — 352 с.; Итенберг Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении. — М.: Наука, 1988. — 301 с.; Тхоржевский С. Испытание воли. Повесть о Петре Лаврове [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова [сайт]. URL: http://az.lib.ru/l/lawrow_p_l/text_0030.shtml (дата обращения 20.08.2017).

⁷ Киперман А. Я. Разночинская революционная эмиграция. — Тамбов: Тамб. ГПИ, 1980. — 158 с.

⁸ Киперман А. Я. Главные центры русской революционной эмиграции 70–80-х годов XIX в. // Исторические записки. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1971. — 88 т. — С. 257–295.

революционной эмиграции во всех её европейских центрах, в том числе и в Лондоне. В этой статье учёный, не заостряя внимание на вопросах, связанных с жизнью лондонской колонии, сформулировал принципы методологии изучения социокультурной адаптации эмигрантов.

В 1980-х годах изучение истории дореволюционной эмиграции практически не получило продолжения. Можно отметить лишь учебное пособие В.В. Комина и М.М. Червяковой «История российской революционной эмиграции»⁹, не представляющее, к сожалению, интереса для изучения социокультурной адаптации русских в Англии.

Достаточно необычно на этом фоне выглядит монография Н.А. Ерофеева «Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг.»¹⁰. На конкретном историческом материале автор попытался максимально подробно раскрыть сложный и многогранный процесс складывания этнических представлений русских путешественников и эмигрантов о национальном характере и повседневной жизни англичан второй четверти XIX в., затронув при этом ряд вопросов, связанных с адаптацией русских в Англии. Хронологические рамки работы Ерофеева охватывают период от восстания декабристов до начала Крымской войны. Тем не менее, ее следует рассматривать как свидетельство интереса советских историков к «русской Англии» как таковой, без привязки к деятельности революционной эмиграции.

Рубеж 1980–90-х годов стал переломным моментом в отечественной историографии по истории российского зарубежья в целом. Рост интереса к этой проблематике привёл к постановке новых исследовательских вопросов. Одним из них стал вопрос адаптации и ассимиляции российских эмигрантов в странах-реципиентах. Впервые научная разработка данной проблемы началась в Институте российской истории РАН.

До середины 1990-х годов отечественными историками не было создано единого системного подхода для рассмотрения многообразной проблематики адаптационных процессов российской эмиграции. Поворот в этой области наметился после проведения нескольких научных конференций, инициированных Институтом российской истории РАН под руководством академика Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. Итогом стала публикация ряда сборников научных статей¹¹. Подготовка этих сборников способствовала выработке

⁹ Комин В. В., Червякова М. М. История российской революционной эмиграции : учебное пособие. — Калинин: Изд-во Калининского государственного университета, 1985. — 88 с.

¹⁰ Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. — М.: Наука, 1982. — 332 с.

¹¹ Проблемы изучения истории российского зарубежья : сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 1993. — 103 с.; История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. : сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 1996. — 173 с.; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. : сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 1997. — 191 с.; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.) : сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 1999. — 270 с.; Национальные диаспоры в

методологии изучения проблем адаптации различных категорий российских эмигрантов. Был предпринят анализ имеющихся источников по истории российской эмиграции: документов архивов, эмигрантской печати, материалов переписей, мемуаристики и т.д. Также был изучен опыт функционирования эмигрантских организаций и их взаимодействия с государственными органами зарубежных стран, проанализированы закономерности зарождения и функционирования национальных диаспор. Тем самым был внесён заметный вклад в дальнейшее изучение разных аспектов истории российской эмиграции.

1990-е годы, несмотря на активные методологические дискуссии и появление первых диаспоральных исследований, почти не были отмечены выходом работ, посвящённых непосредственно российской эмиграции в Англии. Одним из таких немногочисленных примеров является работа В.Н. Дегтяревской «Политическая эмиграция в Великобритании в середине XIX века», изданная в 1994 г. в Ярославле¹². К сожалению, иные хронологические рамки работы, а также упор на политическую сторону деятельности эмиграции не позволяют отнести эту работу к числу исследований, значимых для данной диссертации.

К концу 1990-х годов наметился постепенный переход от изучения политической эмиграции к более широкой проблематике — исследованию всего русского зарубежья в целом. Так, Н.Л. Пушкарёва в своей статье предложила новую периодизацию российской эмиграции, выделив в истории эмиграции несколько волн¹³. Необходимо также отметить монографию В.Я. Гросула «Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века»¹⁴. В ней представлен не только обзор международных связей российских политических эмигрантов в период от окончания Крымской войны до начала XX в., но и история становления российских эмигрантских колоний по всему миру, в том числе в Англии. Значительное внимание автор уделяет семейным связям эмигрантов, а также их взаимодействию с зарубежными правительствами и парламентскими кругами. Его монография «Русское зарубежье в первой половине XIX века»¹⁵, увидевшая свет в 2008 г., посвящена зарождению русского зарубежья в целом.

России и за рубежом в XIX–XX вв.: сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 2001. — 332 с.

¹² Дегтяревская, В.Н. Политическая эмиграция в Великобритании в середине XIX века. — Ярославль: Изд-во Ярославского государственного университета, 1994. — 112 с.

¹³ Пушкарёва Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. — 1999. — №1. — С. 53–69.

¹⁴ Гросул, В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-ой половине XIX века. — М.: РОССПЭН, 2001. — 407 с.

¹⁵ Гросул, В. Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. — М.: РОССПЭН, 2008. — 701 с.

Усиление интереса к послеоктябрьской эмиграции вызвало появление многочисленных исследований русской эмиграции в межвоенной Англии. Следует назвать монографию О.А. Казниной «Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века»¹⁶, в которой автор рассматривает русско-английские связи уже после 1917 года. Тем не менее, приведённые ею факты отражают специфику истории русской эмиграции в Англии более ранних периодов. Летом 2000 г. в Москве состоялась международная конференция «Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.)». Ее материалы были опубликованы в сборнике статей¹⁷. В некоторых из них содержатся сведения о положении русской эмиграции в викторианской Англии и затрагиваются вопросы социокультурной адаптации эмигрантов.

Ольга Алексеевна Казнина в своих статьях «Англия глазами русских»¹⁸ и «Всесветная держава. Англия глазами русских»¹⁹ продолжила изучение процесса складывания этнических представлений и стереотипов, начатое в советское время Н.А. Ерофеевым. Проблематике этнических представлений посвящена и работа А.Н. Зашихина «Глядя из Лондона». Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX — начало XX в.»²⁰, представляющая из себя сборник очерков, в которых исследуется восприятие британской общественной мыслью жизни России и русских.

Работа по сравнительному анализу взаимного восприятия и этнических представлений двух народов была весьма плодотворна продолжена и в текущем десятилетии²¹. Следует особо выделить работу С.А. Козлова: опираясь на накопленный общеисторический опыт и используя дихотомический подход, он пришёл к выводу о необходимости уточнения, а в ряде случаев — кардинальной переоценке выводов относительно английской ментальности, содержащихся в классической монографии Н.А. Ерофеева²². Исследования, посвящённые взаимному

¹⁶ Казнина О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. — М.: Наследие, 1997. — 416 с.

¹⁷ Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917-1940-е гг.): Международная научная конференция, 29 июня — 2 июля 2000 г.: сборник статей — М.: Русский путь, 2002. — 446 с.

¹⁸ Казнина О. А. Англия глазами русских // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии 1646–1945 / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николюкин. — М.: РОССПЭН, 2001. — 648 с.

¹⁹ Казнина О. А. Всесветная держава. Англия глазами русских // Родина. — 2003. — № 5–6. — С. 167–170.

²⁰ Зашихин А. Н. "Глядя из Лондона": Россия в общественной мысли Британии, вторая половина XIX — нач. XX в.: очерки. — Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогического университета, 1994. — 206 с.

²¹ Левшин А.С. Русский национальный характер глазами англичан в конце XIX — нач. XX в. // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 1. — С. 24–28; № 2. — С. 15–17; Новикова Н. В. Россия и русские глазами британцев, Британия и британцы глазами русских // Российская история. — 2014. — № 2. — С. 209–212; Козлов С. А. Русские люди об англичанах в XIX — начале XX века. — М.: Новый хронограф, 2015. — 240 с.

²² Козлов С.А. Указ соч. С. 93.

восприятию англичан и русских, позволяют лучше понять те культурные и социальные условия, с которыми пришлось столкнуться российской эмиграции.

Современной отечественной историографии свойственно стремление под иным углом зрения взглянуть на известных представителей российской эмиграции, в частности, на П.А. Кропоткина, о чём свидетельствует выход статей В.Я. Гросула («Лондонская колония революционных эмигрантов и Кропоткин (70–80-е г. XIX в.)»²³), А.В. Бирюкова («П.А. Кропоткин и западноевропейские естествоиспытатели»²⁴), монография В.А. Маркина «Неизвестный Кропоткин»²⁵. В них освещены те аспекты деятельности Кропоткина, которым в предшествующее время не уделялось достаточно внимания.

Культурная, общественная и издательская деятельность русской эмиграции в Лондоне стала объектом исследования в статьях Е.Б. Рогачевской и А.Б. Ободовой²⁶. Современные российские историки обратились к тем фигурам, которым советская историография уделяла незаслуженно мало внимания. С. Митрофанов посвятил статью «Кто вы, Ольга Новикова?» деятельности этой влиятельной в Лондоне русской женщины, её связям с английскими общественными и политическими деятелями²⁷. Интерес к личности Новиковой не угас и в 2010-х годах. Н.В. Бородавкина в своей работе сделала акцент на восприятие личности Новиковой её английскими и русскими современниками, а в исследовании С.Н. Третьяковой на примере лондонского салона Ольги Новиковой была рассмотрена взаимосвязь личной и общественной жизни²⁸. Исследовательницы подчёркивают роль незаурядной личности Ольги Алексеевны, ставшей успешным посредником между двумя державами и одной из самых эффективных деятельниц российской неофициальной дипломатии.

²³ Гросул В. Я. Лондонская колония революционных эмигрантов и Кропоткин (70–80-е г. XIX в.) // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Выпуск 4. — М.: Институт экономики РАН, 2002. — 184 с.

²⁴ Бирюков А.В. П.А. Кропоткин и западноевропейские естествоиспытатели // Там же.

²⁵ Маркин В. А. Неизвестный Кропоткин: [1842–1921]. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. — 446 с.

²⁶ Рогачевская Е. Библиотека Британского музея как центр интеллектуальной и культурной жизни русской политической эмиграции // Русское присутствие в Британии: сборник статей / сост. Н. В. Макарова, О. А. Моргунова. — М.: Современная экономика и право, 2009. — 272 с.; Ободова А.Б. Общество друзей русской свободы и Фонд вольной русской прессы: формирование архивного наследия (1890–1914 гг.) // Отечественные архивы. — 2006. — № 6. — С. 24–32.

²⁷ Митрофанов С. Кто вы, Ольга Новикова? [Электронный ресурс] // Русский журнал [сетевой журнал]. URL: <http://old.russ.ru/journal/persons/99-03-08/mitrof.htm> (дата обращения: 20.08.2017).

²⁸ Бородавкина Н.В. Ольга Новикова глазами современников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. — 2012. — №2, том 12. — С. 58–64; Третьякова С.Н. Лондонский салон О.А. Новиковой: женщина в мире мужской политики [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Социальная история». — 2013. — Вып. 2. — С. 28–43. URL: <http://www.icshes.ru/elektronnyj-nauchnyj-zhurnal-sotsialnaya-istoriya/soderzhanie-vypuskov/stati/item/485-londonskij-salon-o-a-novikovoj-zhenshchina-v-mire-muzhskoj-politiki> (дата обращения: 20.08.2017).

Произошёл всплеск интереса и к истории толстовства — в центре внимания оказались не только ключевые фигуры этого учения, но и уникальный феномен распространения толстовства в Англии. Данный вопрос в той или иной степени отражен в ряде статей²⁹.

В последние годы появились работы по истории складывания «русского Лондона», систематизирующие отрывочные сведения о пребывании и жизни в английской столице видных деятелей российской науки, культуры, революционеров и политиков. Это исследования С.К. Романюка и Н.И. Комиссаровой, написанные в научно-популярном стиле³⁰. В 2009 г. увидел свет научный сборник «Русское присутствие в Британии»³¹, посвящённый вопросам наследия российской диаспоры, а также тому влиянию, которое русские эмигранты оказали на британскую культуру. Авторы статей на обширном историческом материале раскрыли ряд аспектов социокультурной адаптации россиян в Англии 1880–90-х годов, сделав упор на культурной жизни колонии и её взаимодействии с английским обществом.

Всплеск интереса к истории повседневности послужил толчком к выходу нескольких работ, посвящённых повседневной жизни викторианской Англии³². Они как нельзя лучше помогают судить о социальных и экономических условиях жизни, к которым приходилось приспосабливаться российским эмигрантам.

Определение аспектов изучения истории эмиграции является дискуссионным вопросом в российской историографии. Так, А.Я. Киперман настаивает на необходимости изучения тех факторов, которые способствовали социокультурной адаптации эмигрантов: относительные политические свободы и безопасность от возможной выдачи России; удобные и короткие пути сообщения, благоприятные условия для обеспечения надёжной и быстродействующей связи с родиной; возможность получения постоянного заработка, сравнительная дешевизна средств существования; полноправная политическая жизнь, развитое общественное движение в стране пребывания³³. Лондон в последней трети XIX в. удовлетворял большей части этих требований

²⁹ Бонч-Бруевич В. Вместо предисловия // Неизвестный Толстой в архивах России и США: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. — М.: Техна-2, 1994. — 528 с.; Буланже Н. Крестный путь духоборов // Парламентская газета. — 2003. — 5 декабря; Никифорова Т. «...Что может быть полезно людям». К истории собирания рукописного наследия Л.Н. Толстого [Электронный ресурс] // Октябрь. — 1997. — №11. URL: <http://magazines.russ.ru/october/1997/11/tolstoi.html> (дата обращения 20.08.2017); Попов А. Генерал от толстовства [Электронный ресурс] // Мирт. — 2011. — № 3(76). URL: <http://mbchurch.ru/publications/articles/15/6293/> (дата обращения 20.08.2017).

³⁰ Романюк С. К. Русский Лондон. — М.: АСТ, Астрель, 2009. — 479 с.; Командорова Н. И. Русский Лондон. — М.: Вече, 2011. — 368 с.

³¹ Русское присутствие в Британии: сборник статей / сост. Н. В. Макарова, О. А. Моргунова. — М.: Современная экономика и право, 2009. — 272 с.

³² Диттрич, Т.В. Повседневная жизнь Викторианской Англии. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 382 с.; Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. Эпоха Шерлока Холмса. — М.: Форум, 2013. — 480 с.

³³ Киперман А. Я. Главные центры русской революционной эмиграции. С. 294.

(за исключением, пожалуй, стоимости жизни — повсеместные жалобы на дороговизну являются общим местом в воспоминаниях эмигрантов).

Академик Ю.А. Поляков, в свою очередь, выделяет несколько иные направления в изучении истории русской эмиграции: определение правового статуса эмигрантов из России; дифференцированное изучение адаптации различных социальных и профессиональных групп эмигрантов; пути решения ими языковых проблем и преодоления психологического барьера, дискомфорта; выявление уровня их политической и общественной активности, культурной деятельности; учет отношения эмигрантов к своей родине и национальным ценностям, анализ всей суммы факторов, способствующих или препятствующих успешной адаптации³⁴.

Представляется, что подход Ю.А. Полякова, учитывающий наметившиеся в исторической науке современные тенденции, является более перспективным. Исследуя особенности социокультурной адаптации, необходимо рассматривать не только правовые, социальные, материально-финансовые аспекты, но и социально-психологические, эмоциональные особенности процесса, напрямую определявшие самосознание личности в новых для неё реалиях.

Исследование проблем социокультурной адаптации российских эмигрантов в поздневикторианской Англии невозможно без изучения зарубежной, в первую очередь английской, историографии. Большой вклад в изучение данного вопроса внёс Колин Холмс, результатом многолетней исследовательской работы которого стали две монографии: «Остров Джона Буля: иммиграция и британское общество, 1871–1971» и «Толерантная страна? Иммигранты, беженцы и национальные меньшинства в Британии»³⁵. Кроме того, перу историка принадлежит обширный библиографический и исторический обзор, предвещающий исследование о межнациональных отношениях в Англии в XX в.³⁶ Холмс систематизировал и обобщил данные по истории зарождения и развития различных диаспор — еврейской, ирландской, литовской и т.д., а также много внимания уделил отношению английского общества к иммигрантам. Исследователь не обращался отдельно к вопросу русской эмиграции, однако сделанные им выводы вполне отражают общие закономерности, которые были свойственны развитию и русской колонии. В частности, автор подчеркивает, что британские

³⁴ Поляков Ю. А. Адаптация и миграция — важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья ... С. 4–18.

³⁵ Holmes C. John Bull's island: immigration and British society, 1871–1971. — L.: Macmillan, 1988. — 302 p.; Holmes C. A Tolerant Country? Immigrants, Refugees and Minorities in Britain. — L.: Faber and Faber, 1991. — 127 p.

³⁶ Holmes C. Introduction — A bibliographical and historical essay // V. F. Gilbert, D. S. Tatla. Immigrants, minorities and race relations. A bibliography of theses and dissertations presented at British and Irish universities, 1900–1981. — N. Y.–L.: Mansell Publishing, 1984. — P. i–xxxiii.

власти не занимались решением проблем иммигрантов, в первую очередь экономических, что подталкивало диаспоры к самостоятельной выработке моделей и механизмов адаптации.

В ряде работ в центре внимания авторов находятся миграционные потоки из Российской империи. Большой интерес представляют исследования Дж. А. Гэррарда, Л. Гартнера, Б. Гейнера и Р. Браун³⁷, поскольку позволяют воссоздать образ восточноевропейского иммигранта, сформировавшийся в общественном сознании поздневикторианской Англии, представить те условия, в которых складывалась еврейская диаспора Лондона, а также русская колония, имевшая с ней большое количество точек соприкосновения.

Накопленный британскими учеными научный багаж в 1984 г. был обобщён в сборнике статей «С другого берега: Русские политические эмигранты в Британии, 1880–1917»³⁸, вышедшем под редакцией Джона Слэттера. В сборник вошли статьи видных историков российской эмиграции, как самого Д. Слэттера, так и Д. Бёрка, К. Холмса, Д. Сенеса и других.

Джона Слэттера следует, пожалуй, признать одним из наиболее плодотворных английских авторов, специализирующихся на изучении российской эмиграции. В его статье «Яков Прилукер и “Англо-русский”»³⁹, опубликованной в описанном выше сборнике, исследуется просветительская и издательская деятельность в Англии Я.М. Прилукера. Другому российскому эмигранту посвящена вышедшая чуть ранее статья «Бертран Рассел и письма Волховского, 1920–26 гг.»⁴⁰. Две другие статьи этого исследователя относятся уже к более позднему этапу его творчества. Это переведенные на русский язык в начале 2000-х гг. работы «Письма Кропоткина как исторический источник»⁴¹ и «Искандер со товарищи. Русские революционеры и британские радикалы»⁴². В первой статье исследовано эпистолярное наследие Кропоткина и выявлено большое количество его английских адресатов. Во второй —

³⁷ Garrard, J.A. *The English and Immigration. A Comparative Study of the Jewish Influx 1880-1910.* — London: Oxford University Press, 1971. — 244 p.; Gartner L.P. *The Jewish Immigrant in England 1870-1914.* — L.: George Allen & Unwin, 1960. — 320 p.; Gainer B. *The Alien Invasion: The Origins of the Aliens Act of 1905.* — L.: Heinemann Educational Books, 1972. — 305 p.; Brown R. *Racism and immigration in Britain* [Электронный ресурс] // *International Socialism.* — 1995. — № 2. URL: <https://www.marxists.org/history/etol/newspape/isj2/1995/isj2-068/brown.htm> (дата обращения: 20.08.2017)

³⁸ *From the Other Shore: Russian Political Emigrants in Britain, 1880–1917. Immigrants and Minorities* / Ed. by John Slatter. — L.: Fran Cass and Co Limited, 1984. — 172 p.

³⁹ Slatter J. Jaakoff Prelooker and «Anglo-Russian» // *From the Other Shore ...* P. 49–66.

⁴⁰ Slatter J. Bertrand Russell and the Volkhovsky Letters, 1920-26 // *Russell: the Journal of Bertrand Russell Studies.* — 1982/83. — Vol. 2 (2). — P. 7–19.

⁴¹ Слэттер Д. Письма Кропоткина как исторический источник // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Выпуск 4. Идеи П. А. Кропоткина и естествознание. Вопросы биографии П. А. Кропоткина — М.: Институт экономики РАН, 2002. — С. 158–178.

⁴² Слэттер Д. Искандер со товарищи. Русские революционеры и британские радикалы // *Родина.* — 2003. — № 5–6. — С. 81–84.

в центре внимания учёного находятся контакты российской революционной эмиграции с английскими радикалами левого толка.

В монографии американского историка Дональда Сенеса «С.М. Степняк-Кравчинский, лондонские годы»⁴³ тщательно и подробно описывается лондонский период жизни российского эмигранта. Предметом особого интереса автора явилась эволюция политических взглядов народника, а также его общественная активность. Несколько лет ранее исследователь посвятил одну из работ ближайшему соратнику Степняка-Кравчинского — Феликсу Волховскому⁴⁴. В ней он также уделил много внимания социальной адаптации эмигранта в Лондоне и его связям в английском обществе. Исследователь приходит к заключению, что британский политический климат способствовал постепенной трансформации взглядов русских эмигрантов в сторону определённой либерализации — такое изменение стало возможным благодаря постоянным контактам революционеров с представителями либеральной британской общественности. Вопрос контактов Степняка-Кравчинского и Волховского с английской творческой интеллигенцией затронут в статье Томаса Мозера «Английский контекст русских персонажей Конрада: Сергей Степняк и дневник Оливии Гарнетт»⁴⁵.

Отношение английских властей к политическим иммигрантам, в том числе и российским, находится в центре внимания в двух работах Бернарда Портера⁴⁶. Автор считает, что иммигранты (и русские не в последнюю очередь) являлись достаточно действенным идеологическим оружием в руках правительства Британии. Его либеральное отношение обеспечивало иммигрантам достаточно комфортные условия адаптации в стране. С другой стороны, Алан Кимбэлл в статье «Преследование российских революционеров за границей: лондонский процесс Владимира Бурцева в 1898 году»⁴⁷, подробно описав предысторию и ход «процесса Бурцева», а также отношение к нему английских властей и общества, сделал вывод о том, что к концу века позиция правительства в отношении иммигрантов начала меняться. Одну из причин автор видит в активизации российской агентуры и в желании царского правительства свести на нет активность лондонской колонии политэмигрантов. Не желая ссориться с Россией, британский кабинет был вынужден инициировать процесс против неугодного Петербургу

⁴³ Senese D. J. S. M. Stepniak-Krachvinskii, the London Years. — Newtonville: Oriental Research Partners, 1987. — 156 p.

⁴⁴ Senese D. Felix Volkhovsky in London // *From the Other Shore ...* P. 67–78.

⁴⁵ Moser T. C. An English Context for Conrad's Russian Characters: Sergey Stepniak and the Diary of Olive Garnett // *Journal of Modern Literature*. — 1984. — Vol. 11. — P. 3–44.

⁴⁶ Porter B. The refugee question in mid-Victorian politics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979. — 242 p.; Porter B. The British Government and Political Refugees 1880–1914 // *From the Other Shore ...* P. 23–48.

⁴⁷ Kimball A. The Harassment of Russian Revolutionaries Abroad: the London Trial of Vladimir Burtsev in 1898 // *Oxford Slavonic papers. New Series*. — 1973. — Vol. 6. — P. 48–65.

эмигранта. Исследователь подчёркивает, что именно политические соображения сыграли решающую роль в данном процессе.

В центре научного интереса английских историков традиционно остаются связи русских политических эмигрантов с английскими радикалами, а также общественными организациями различного толка⁴⁸. Тем не менее с конца 1980-х гг. у зарубежных исследователей проявился к интерес к культурной и просветительской деятельности русской эмиграции. Этой тематике посвящены статьи Р. Хендерсона, исследования Джона Слэттера и Энтони Кросса⁴⁹. Джон Слэттер и Энтони Кросс выявляют феномен «руссомании» — всплеска интереса англичан к русской культуре к концу столетия, когда героями художественных произведений становятся русские «нигилисты», революционеры-народники. По мнению авторов, появление таких тем и сюжетов в английской литературе было связано с деятельностью в Англии политических эмигрантов из России.

Работы британского историка Кэрол Пикер посвящены аналогичной тематике. В своей докторской диссертации исследовательница ставит вопрос о роли русских эмигрантов в англо-русском диалоге культуры, об их вкладе в популяризацию русской литературы в Британии, послужившую одной из причин «читающей революции», изменившей представление о русских в английском общественном сознании⁵⁰. В одной из своих научных статей Пикер подтверждает сделанные выводы на примере издательской деятельности отдельно взятого эмигранта — Я.М. Прилукера, которому удалось использовать русскую литературу в качестве мощного инструмента пропаганды и убедить англичан в их культурной близости с Россией⁵¹.

⁴⁸ Burke D. Theodore Rothstein, Russian Emigré and British Socialist // *From the Other Shore ...* P. 80–99; Grant R. British radicals and socialists and their attitudes to Russia, c.1890-1917: PhD thesis. — Glasgow, 1984. — 422 p.; Hollingsworth B. The Society of Friends of Russian Freedom: English Liberals and Russian Socialists, 1890–1917 / B. Hollingsworth // *Oxford Slavonic papers. New Series.* — 1970. — Vol. 3. — P. 45–54.; Galton D. The Anglo-Russian Literary Society // *The Slavonic and East European Review.* — 1970. — Vol. 48 (111). — P. 272–282; Kendall W. Russian emigration and British Marxist socialism // *International Review of Social History.* — 1963. — Vol. 8 (3). — P. 352–378; Saunders D. B. Stepniak and the London Emigration. Letters to Robert Spence Watson, 1887-1890 // *Oxford Slavonic Papers. New series.* — 1980. — Vol. 13. — P. 80–93.; Service R. Russian Marxism and its London Colony before the October 1917 Revolution // *Personality and Place in Russian Culture: Essays in Memory of Lindsey Hughes* / Ed. by S. Dixon. — L.: Modern Humanities Research Association, 2010. — P. 359–376.

⁴⁹ Хендерсон Р. Русская библиотека в Ист-Энде // *Русское присутствие в Британии* — М.: Современная экономика и право, 2009. — 272 с.; Cross A. The Russian Theme in English Literature. From the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography. — Oxford: Oxford University Press, 1985. — 278 p; Slatter J. Bears in the Lion's Den: The Figure of the Russian Revolutionary Emigrant in English Fiction, 1880–1914 // *Slavonic and East European Review.* — 1999. — Vol. 77 (1). — P. 30–55.

⁵⁰ Peaker C. Reading Revolution: Russian Emigres and the Reception of Russian Literature in England, c. 1890-1905. — Oxford, 2006. — P. 245.

⁵¹ Peaker C. We are not Barbarians: Literature and the Russian Émigré Press in England, 1890–1905 [Электронный ресурс] // 19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century. — 2006. — № 3. — P. 13–14. URL: <http://www.19.bbk.ac.uk/article/view/451> (дата обращения: 20.08.2017)

Зарубежной историографии последних двух десятилетий свойственно обращение к фигурам, до недавнего времени остававшимся «в тени». Не являясь политическими эмигрантами, эти русские, однако, оставили значительный след в истории англо-русских контактов на Британских островах. Одно из свидетельств такого интереса — защищенная в университете Северной Каролины диссертация М. Меллоун «Друг или *Femme Fatale*? Ольга Новикова в британской прессе, 1877–1925»⁵². Отмечая постепенно возраставший интерес английской прессы к эмигрантской деятельности Новиковой, исследовательница показывает, как настороженность и враждебность со временем сменились на нейтрально-благожелательное отношение к ней. Фигуре И.С. Тургенева посвящён сборник научных статей, увидевший свет в 1995 году⁵³. В статьях рассматриваются вопросы пребывания Тургенева в Англии в разные периоды времени, исследуются его английские контакты. Тургенев, а также ряд известных российских эмигрантов, стали главными героями очерков британского историка С. Дж. Янг, опубликованных на её личном сайте⁵⁴. Всё более привлекательной для зарубежных исследователей становится тема русской религиозной эмиграции, в первую очередь история толстовства в Англии⁵⁵.

При написании диссертации был привлечён целый корпус монографий по социальной истории поздневикторианской Англии⁵⁶. Данные исследования позволяют воссоздать рельефную и противоречивую картину истории повседневности, того комплекса общественно-политических, экономических и культурных реалий, в которых существовали различные

⁵² Mellon M. *Friend or Femme Fatale? Olga Novikova in the British Press, 1877–1925*: Master's thesis. — Chapel Hill, 2010. — 67 p.

⁵³ Ivan Turgenev and Britain / Ed. by P. Waddington. — Oxford–Providence: Berg Publishers, 1995. — 302 p.

⁵⁴ Sarah J. Young. Lecturer in Russian at SSEES [Электронный ресурс]. URL: <http://sarahjyoung.com/site/category/russians-in-london/> (дата обращения: 20.08.2017).

⁵⁵ Holman M. J. de K. *The Purleigh Colony: Tolstoyan Togetherness in the Late 1890s* // *New Essays on Tolstoy* / Ed. by M. Jones. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. — P. 194–222; Holman M. J. de K. *Translating Tolstoy for the Free Age Press: Vladimir Chertkov and his English Manager Arthur Fifield* // *Slavonic and East European Review*. — 1988. — Vol. 66 (2). — P. 184–196; Саломони А. Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905 гг.) // *Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли: сборник статей* / под ред. Б. Ананьича, Ю. Шеппер. СПб.: Европейский дом, 1997. — С. 112–127; Armytage W. H. G. *Heavens Below: Utopian Experiments in England, 1560–1960*. — L.: Routledge, 2006. — 480 p.

⁵⁶ Gray D. D. *London's Shadows: The Dark Side of the Victorian City*. — L.: Bloomsbury Academic, 2010. — 288 p.; *The Cambridge Social History of Britain 1750–1950* / Ed. by F. M. L. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — Vol. 1. *Regions and communities*. — 608 p.; *The Cambridge Social History of Britain 1750–1950* / Ed. by F. M. L. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — Vol. 2. *People and their environment*. — 392 p.; *The Cambridge Social History of Britain 1750–1950* / Ed. by F. M. L. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — Vol. 3. *Social agencies and institutions*. — 512 p.; Beegan G. *The Mass Image: A Social History of Photomechanical Reproduction in Victorian London*. — Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2008. — 302 p.; Altick R. D. *The English Common Reader: A Social History of the Mass Reading Public, 1800–1900*. — Columbus: Ohio State University Press, 1998. — 448 p.; Daunt M. *Wealth and Welfare: An Economic and Social History of Britain, 1851–1951*. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — 672 p.; Mitchell S. *Daily Life in Victorian England*. — London: Greenwood Press, 2009. — 356 p.; Musson A. E. *The Great Depression in Britain, 1873–1896: A Reappraisal* // *The Journal of Economic History*. — 1959. — Vol. 19 (2). — P. 199–228

классы британского общества 1870–90-х гг. — а вместе с ними и российские эмигранты, воспринявших бытовую культуру и жизненный уклад страны-реципиента.

В целом отечественными и зарубежными учеными проделана большая работа по введению в научный оборот новых источников, а также по изучению ряда важных вопросов истории русской иммиграции на Британских островах. Вместе с тем проявляется неравномерное распределение исследовательского интереса к разным аспектам данной проблемы. Определённая однобокость, свойственная советской историографии в освещении жизни русской эмиграции, преимущественно политической, лишь отчасти преодолена в современной российской историографии, начавшей разработку истории религиозной эмиграции, вопросов социокультурной адаптации и пр. Зарубежная историография, добившаяся значительных успехов в исследовании общественно-политической деятельности российской эмиграции и, в особенности, её взаимодействия с английским обществом, в то же время уделяет недостаточно внимания истории повседневности эмигрантской колонии. Этапы и периоды формирования русской колонии в Англии также исследованы не в равной степени детально. К примеру, 1840–1860-е годы освещены весьма полно и всесторонне, тогда как проблематика адаптации русской иммиграции в последней трети XIX в. изучена значительно хуже. К сожалению, она до сих пор не получила комплексного рассмотрения.

Объектом диссертационного исследования является русская эмиграция в Англии в последней трети XIX в.

Предмет исследования составляют процессы социокультурной, правовой и экономической адаптации русских эмигрантов на Британских островах в рамках обозначенного периода.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном исследовании русской эмигрантской колонии в Англии, возникшей в результате политической, трудовой и религиозной эмиграции из Российской империи.

Цель работы обусловила необходимость решения следующих **исследовательских задач**:

- рассмотреть процесс формирования и жизнедеятельности русской колонии в Англии в последней трети XIX столетия;
- исследовать социальный состав, политическую и общественную дифференциацию российской колонии в изучаемый период;
- изучить условия социально-экономической, общественно-политической и культурной адаптации русских эмигрантов в британском обществе в 1870-90-х гг.;
- выявить и охарактеризовать основные эмигрантские объединения русских в Англии;

— проследить динамику отношения британских властей и общества к различным группам российской эмиграции.

Хронологические рамки диссертационного исследования соответствуют периоду с конца 1860-х годов по 1901 год. Последняя треть XIX столетия соответствует позднему периоду викторианской эпохи (1870–1901), традиционно выделяемой в английской историографии наряду с ранним (1837–1848) и средним (1848–1870) периодами⁵⁷. Поздняя викторианская эпоха стала временем наивысшего расцвета Британской империи. В этот период окончательно сложилась ее политическая система, общественные институты и система моральных ценностей. Одновременно с этим в последней трети XIX столетия на долю британской экономики, поражённой Долгой депрессией, выпали тяжкие испытания. На фоне экономических трудностей произошло и обострение социальных противоречий — не в последнюю очередь за счёт заметного увеличения притока иммигрантов. Уже в последнем десятилетии XIX века проблема иммиграции стала одной из наиболее острых и болезненных как для власти, так и для общества. В этот же период времени наблюдался и рост эмиграции из Российской империи. Англия к 1890-м годам приобрела привлекательность в глазах представителей различных категорий русской эмиграции и стала местом складывания колонии выходцев из России.

Специфика объекта и предмета диссертационного исследования, а также поставленные в нем цели и задачи обуславливают потребность обращения к ряду теоретических вопросов.

Важным условием успешной исследовательской работы по эмиграционной тематике является четкость ее *понятийно-терминологической составляющей*. Одним из ключевых понятий является «*социокультурная адаптация*». Под ней следует понимать процесс и результат активного взаимодействия отдельных представителей этнической группы (в данном случае — русских) с конкретно-историческим типом социально-культурной среды (в данном случае — с социально-культурной средой поздневикторианской Англии). Такой процесс направлен на приспособление к условиям жизни данной среды с помощью различных социальных и культурных средств. Важно учитывать тот факт, что различные процессы социокультурной адаптации не протекают изолированно друг от друга, напротив, они находятся в тесной взаимосвязи. Поэтому в предлагаемом диссертационном исследовании затронуты и иные виды адаптации — правовая, экономическая и т.д.

⁵⁷ Durant A., Fabb N. *Literary Studies in Action* — L.: Routledge, 1990. — P. 108; Harrison J.F.C. *Late Victorian Britain, 1870–1901*. — Glasgow: Fontana Press, 1990. P. 90; Heyck T. *A History of the Peoples of the British Isles: From 1688 to 1914*. — L.: Psychology Press, 2002. P. 339; Mitchell S. *Daily Life in Victorian England*. P. 11.

Русские, в силу различных причин покинувшие Россию и поселившиеся в Англии, в данном исследовании будут обозначаться преимущественно термином «эмигранты». Однако в тех случаях, когда речь идёт об образе русских в английском общественном мнении или же об отношении к русским британских властей и организаций, будет использоваться термин «иммигранты».

Следует также разграничить употребление терминов «диаспора» и «колония». Проживавшие в Англии последней трети XIX столетия русские не составляли диаспору — по причине отсутствия развитых диаспоральных институтов, являющихся важной отличительной чертой любой диаспоры⁵⁸. Представляется, что можно говорить о складывании в поздневикторианской Англии русской «протодиаспоры». Этот термин, в частности, был использован в статье С. Градировского, посвящённой диаспоральной политике на постсоветском пространстве⁵⁹. В своей работе он назвал протодиаспорами группы русского населения в странах ближнего зарубежья; процессы структуризации в этих сообществах уже начались, однако свойственный диаспорам уровень организованности ими ещё не достигнут.

Однако в данном диссертационном исследовании совокупность русских эмигрантов, проживавших в Англии, предлагается обозначать более простым и ёмким термином «колония», обозначающим совокупность лиц одной национальности, вместе проживающих за рубежом. Термин «колония» уместен ещё и потому, что использовался самими российскими эмигрантами в письмах и мемуарах (применительно, главным образом, к лондонской колонии — именно в английской столице проживало подавляющее число российских эмигрантов).

Представляется важным разобраться с понятиями «*российская эмиграция*» и «*русская эмиграция*», так как от этого зависит методика подсчета численности эмигрантов. Понятие «*русская эмиграция*» является значительно более узким, чем «*российская эмиграция*». Известно, что в английском языке нет разницы между терминами «*российский*» и «*русский*», поэтому эмиграция из Российской империи обозначается с указанием на страну отбытия — «*Russian emigration*». Очень часто и отечественные исследователи неоправданно употребляют понятия «*русская эмиграция*» и «*российская эмиграция*» (придавая последнему национальное значение) как синонимичные.

⁵⁸ Подробнее см: Воробьёв И. А. Теоретические аспекты истории социокультурной адаптации русских в Англии в последней трети XIX века // Вестник БФУ им. И. Канта. Гуманитарные науки. История. — 2011. — Вып. 12. — С. 54–58.

⁵⁹ Градировский С. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой [Электронный ресурс] // Диаспоры. — 1999. — № 2–3. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/5002.shtml (дата обращения: 20.08.2017).

Нужно иметь в виду, что в Англию из Российской империи на протяжении всего XIX в. эмигрировали главным образом люди нерусского происхождения, не идентифицировавшие себя русскими и не владевшие русским языком как родным. В Англии в 1901 году насчитывалось 61 789 выходцев из Российской империи, однако почти все они, по данным Королевской комиссии по вопросам иностранной иммиграции, являлись российскими евреями⁶⁰. Эти данные весьма красноречиво свидетельствуют о том, что использование термина «русский» возможно применительно далеко не ко всем российской эмигрантам в Англии.

Вместе с тем, представители других национальностей, исторически наиболее близкие к русскому народу, даже находясь за рубежом, продолжали существовать в рамках русской культуры, говорили и думали на русском языке, и потому также должны включаться в категорию русской эмиграции в Англии. Достаточно привести лишь несколько примеров. Так, А.И. Герцен (чья мать была немкой), С.М. Степняк-Кравчинский (чей отец был белорусом, а мать — украинкой) или Е.П. Блаватская (принадлежавшая по линии отца к прибалтийскому немецкому роду) идентифицировали себя как русских. А Я.М. Прилукер, происходивший из ортодоксальной еврейской семьи, являлся одним из наиболее деятельных пропагандистов русской культуры в Англии. Важно отметить, что далеко не все эмигранты, даже находясь в поле русской традиции, исповедовали православие (это в полной мере касается и упомянутых выше персоналий). Следовательно, именно самоидентификация эмигранта, его существование в поле русской культуры и языка предлагается в данном исследовании считать первостепенными факторами, определяющими принадлежность к русской «колонии».

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка комплексного исследования истории русской эмиграции в Англии в течение трёх последних десятилетий XIX в. в контексте социокультурной адаптации эмигрантов. В работе исследуется конкретно-исторический опыт формирования колонии с учетом влияния широкого комплекса факторов. Особое внимание уделяется бытовым условиям, с которыми пришлось столкнуться представителям русской колонии, её повседневной жизни. Научная новизна отличает характеристику деятельности ряда эмигрантских организаций, которым не уделялось должного внимания в работах предшественников, а также представленную в диссертации классификацию российской дореволюционной эмиграции в Англии. Новым научным результатом является уточнённый образ «русского эмигранта», который закрепился в общественном сознании поздневикторианской Англии. Кроме того, для уточнения жилищных условий эмиграции впервые были привлечены так называемые «карты бедности» Чарльза Бута.

⁶⁰ Gainer B. The Alien Invasion. P. 4.

Следует отметить, что диссертационное исследование выполнено с привлечением разнообразных источников, часть из них впервые вводятся в научный оборот.

Неопубликованные источники представлены архивными документами из фондов двух федеральных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)⁶¹. Из фондов ГАРФ при работе над диссертацией были использованы материалы фонда 1721 основателя Бесплатной русской библиотеки в лондонском районе Уайтчапел А.Л. Теплова. Фонд включает многочисленные источники различного происхождения. Это письма, как официальные, так и частные; записные книжки; записи мемуарного характера; протоколы заседаний общественных организаций и их финансовые отчёты; программы различных мероприятий, освещающие жизнь русской эмигрантской колонии 1880-1910-х годов и, в особенности, деятельность самого Теплова. Материалы двух других фондов были использованы лишь частично. Это фонд 1762 П.Л. Лаврова и фонд 6753 Н.В. Кончевской, которые содержат обширную переписку П.А. Кропоткина со своими русскими и зарубежными корреспондентами, позволяющую воссоздать пёструю картину жизни самого Кропоткина и остальных членов русской колонии Лондона в 1880-90-х годах.

В РГАЛИ было изучено четыре фонда по истории русской эмиграции в Англии. Фонд 345 О.А. Новиковой помимо источников личного происхождения — дневниковые записи, переписка с общественными, политическими, культурными деятелями Англии — содержит значительную подборку статей из английских газет, отражающих деятельность Ольги Новиковой в Лондоне 1880-90-х годов, счета из гостиниц, программки и пр. Среди документов фонда 1158 С.М. Степняка-Кравчинского особую ценность представляют письма Степняка-Кравчинского английским общественным деятелям и членам русской эмигрантской колонии, дневниковые записи его супруги, а также подборка некрологов об этом русском эмигранте, опубликованных в английской прессе вскоре после его гибели в декабре 1895 г. Кроме того, привлекались материалы фонда 75 В.Л. Бурцева и фонда 1390 Дионео (И.В. Шкловского), включающих преимущественно эпистолярные источники (в том числе письма Степняка-Кравчинского и Кропоткина).

В диссертационной работе использовались различные виды опубликованных исторических источников. Первую группу источников формируют документы официального происхождения. Это статистические материалы переписей населения Англии и Уэльса 1881,

⁶¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1721, 1762, 6753; Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 75, 345, 1158, 1390.

1891 и 1901 годов⁶². Они содержат сведения о половом, возрастном, семейном, профессиональном положении эмигрантов, географии их расселения в стране. Организаторы выделили из общего массива собранной информации отдельные подборки статистических данных по всем крупным национальным группам, зафиксированным переписями, в том числе и по иммигрантам из Российской империи. Такие подборки данных представляют исключительную важность в силу того, что в остальное время эта группа населения редко становилась объектом детального изучения британских статистических служб.

Важную информацию по теме диссертационного исследования удалось получить благодаря документам фонда MEPO 2/260 Национальных архивов (National Archives) — официального правительственного архива Соединённого Королевства⁶³. Данный фонд содержит многочисленные материалы полиции Лондона, наибольшую ценность из которых представляют полицейские отчёты 1880–1900-х годов, позволяющие судить о состоянии дел в эмигрантской среде английской столицы того времени. Наконец, нужно отметить важность английского законодательства в области иммиграционной политики и натурализации — анализ этих законодательных актов позволяет судить о социально-правовых условиях, в которые попадали русские эмигранты сразу по прибытии в Англию⁶⁴.

Вторая группа опубликованных источников — это источники личного происхождения: письма, дневники и мемуары. Мемуаристика даёт представление о сложностях адаптации, позволяя взглянуть на этот процесс глазами членов русской колонии. В большинстве случаев это мемуары самих русских эмигрантов и путешественников⁶⁵. Отдельно следует назвать

⁶² British Parliamentary Papers. 1883. Census of England and Wales. 1881. General Report. [Электронный ресурс]. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1883. URL: http://www.visionofbritain.org.uk/text/chap_page.jsp?t_id=SRC_P&c_id=9&cpub_id=EW1881GEN&show=DB (дата обращения: 20.08.2017); British Parliamentary Papers. 1893. Census of England and Wales. 1891. General Report with summary, tables and appendices. [Электронный ресурс]. — L.: Her Majesty's Stationery Office. URL: http://www.visionofbritain.org.uk/text/chap_page.jsp?t_id=SRC_P&c_id=8&cpub_id=EW1891GEN&show=DB (дата обращения: 20.08.2017); British Parliamentary Papers. 1904. Census of England and Wales. 1901. General report with appendices. [Электронный ресурс]. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1904. URL: http://www.visionofbritain.org.uk/text/chap_page.jsp?t_id=SRC_P&c_id=9&cpub_id=EW1901GEN&show= (дата обращения: 20.08.2017).

⁶³ National Archives. MEPO 2/260 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.movinghere.org.uk/search/catalogue.asp?sequence=340&resourcetypeID=2&recordID=45053> (дата обращения: 20.08.2017).

⁶⁴ An act for establishing regulations respecting aliens arriving in this kingdom, or resident therein, in certain cases // Anno Regni Georgii III. Regis Magnae Britanniae, Franciae, & Hiberniae, Tricesimo Tertio. — L.: Charles Eyre and Andrew Strahan, 1793. — 168 p.

⁶⁵ Боборыкин П.Д. За полвека: Мои воспоминания // Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2 т. — М.: Художественная литература, 1965. — 1 т. — 567 с.; Боборыкин П.Д. Столицы мира: Тридцать лет воспоминаний // Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2 т. — М.: Художественная литература, 1965. — 2 т. — 670 с.; Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию: Из воспоминаний (1882–1924). — Берлин: Гамаюн, 1924. — 1 т. — 381 с.; Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. — М.: Современник, 1989. — 271 с.; Воден А.М. Из воспоминаний // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Часть 2. — М.: Издательство политической литературы, 1983. — 327 с.; Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988. — 544 с.; Лазарев Е.Е. Моя жизнь.

мемуары, в центре внимания которых не сам автор, а его соратники или друзья (примером могут служить воспоминания П.А. Буланже «Толстой и Чертков»⁶⁶) или же всё окружение в целом — как в мемуарах И.М. Майского⁶⁷. К ним примыкают воспоминания близких и друзей, посвящённых тому или иному эмигранту (книги В.П. Желиховской о Елене Блаватской, Уильяма Стэда об Ольге Новиковой, статья Бернарда Шоу о Степняке-Кравчинском)⁶⁸, а также подборка источников разного происхождения, систематизированная и изданная М.К. Мэф под заголовком «Личные мемуары Е. П. Блаватской»⁶⁹. Мемуарам, созданным, как правило, по прошествии значительного времени после описываемых событий, свойственен ряд отличительных черт, в частности, склонность авторов к преувеличению или преуменьшению тех или иных фактов, в зависимости от поставленных целей. Если, скажем, П.Д. Боборыкин, будучи достаточно обеспеченным путешественником, не акцентировал внимание на бытовых и прочих трудностях, с которыми столкнулся в Лондоне, то политические эмигранты, такие как В.Л. Бурцев или Е.Е. Лазарев, охотнее описывали лишения, которые пришлось преодолеть им самим и их соратникам.

Переписка общественных деятелей в ещё большей степени, нежели мемуаристика, помогает воссоздать повседневную жизнь колонии⁷⁰. Это, как правило, переписка личного характера, в которой наравне с разнообразными организационными и деловыми вопросами с большой достоверностью и искренностью освещаются самые различные (в первую очередь — жилищно-бытовые) аспекты адаптации. Яркими примерами служат корреспонденция Германа Лопатина и Петра Лаврова, письма Веры Засулич своим соратникам, переписка И.С. Тургенева, письма П.А. Кропоткина Ф.В. Волховскому и А.М. Атабекяну⁷¹. Не меньший интерес

Воспоминания, статьи, письма, материалы. — Прага: Легиография, 1935. — 312 с.; Тучкова-Огарёва Н.А. Воспоминания. — М.: Гослитиздат, 1959. — 382 с.; Шпанец В. Из воспоминаний дезертира // Русское богатство. — 1907. — № 4. — С. 120–142; № 5. — С. 22–45.

⁶⁶ Буланже П.А. Толстой и Чертков [Электронный ресурс]. — М.: Типография И. Д. Сытина, 1911. URL: http://az.lib.ru/b/bulanzhe_p_a/text_0020.shtml (дата обращения: 20.08.2017).

⁶⁷ Майский И. М. Путешествие в прошлое. Воспоминания о русской политической эмиграции в Лондоне 1912–1917 гг. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 326 с.; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата (1925–1945) / И. М. Майский. — Ташкент: Узбекистан, 1980. — 672 с.

⁶⁸ Желиховская В.П. Радда-Бай: правда о Блаватской [Электронный ресурс] // Теософия в России [сайт]. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/raddabai.htm> (дата обращения: 20.08.2017); Stead W. T. The M.P. for Russia. Reminiscence and Correspondence of Madame Olga Novikoff / W. T. Stead. — L.: Andrew Melrose, 1909. — Vol. 1. — 536 p.; — Vol. 2. — 532 p.; Прийма Ф. Забытая статья Бернарда Шоу о С. М. Степняке-Кравчинском // Русская литература. — 1967. — № 1. — С. 163–169.

⁶⁹ Мэф М. К. Личные мемуары Е. П. Блаватской [Электронный ресурс] // Теософия в России [сайт]. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/bioghrpb.htm> (дата обращения: 20.08.2017).

⁷⁰ Письма Рольстона к русским корреспондентам // Алексеев М.П., Левин Ю.Д. Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. — СПб.: Наука, 1994. — 328 с.; Тургенев И. С. Письма: в 13 т. / Иван Сергеевич Тургенев // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. / И. С. Тургенев. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1965. — 12 т., кн. 1, 2.

⁷¹ Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 1. Переписка 1883–1897 гг. / под ред. П. Ю. Савельева. — М.: Памятники исторической мысли, 2009. — 549 с.; Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 2. Переписка 1898–1903 гг. / под ред. П. Ю. Савельева. — М.: Памятники исторической мысли, 2009. — 574 с.;

представляет и переписка, которой присущ более официальный, сдержанный тон, — письма С.М. Степняка-Кравчинского своим английским и русским корреспондентам, позволяющие судить о финансовом положении политических эмигрантов, а также переписка английского учёного Уильяма Рольстона с многочисленными русскими корреспондентами⁷². Сравнительный анализ мемуаристики и эпистолярного наследия эмигрантов позволил избежать зависимости от субъективных мнений каждого автора и составить более объективное представление о предмете исследования.

Самостоятельное место и значение среди привлеченных в диссертационном исследовании источников занимают материалы английских периодических изданий последней трети XIX в. — статьи из газет «Таймс», «Дэйли Ньюс», «Манчестер Гардиан», «Пэлл Мэлл Газетт» и журналов «Вестминстер Ревью», «Контемпорэри Ревью», «Ревью оф Ревьюс», «Фортнайтли Ревью», а также публикации в эмигрантских изданиях «Люцифер» и «Свободная Россия». Обращение к материалам британской прессы важно для понимания степени общественного интереса к проблемам русской иммиграции в Англии и выявления реакции англичан на деятельность представителей русской колонии.

Специфическим источником, привлечённым при написании данной диссертации, являются так называемые «карты бедности» Чарльза Бута (они оцифрованы и доступны для ознакомления на сайте, посвящённом наследию Бута)⁷³. Чарльз Бут, лондонский общественный деятель, опубликовал в последнем десятилетии XIX в. «карты бедности» — итог систематизации огромного массива информации о жилищных условиях в Лондоне и о социальном облике обитателей столицы. В соответствии с собранной статистикой Бут разделил жилые дома Лондона на семь категорий, а затем промаркировал их на карте соответствующими цветами. «Карты бедности», являясь вершиной английской «эмпирической социологии» конца XIX в., наглядно отражали распределение классов и групп населения в британской столице. Данные Чарльза Бута позволяют судить о социально-экономической обстановке в местах

Лавров. Годы эмиграции: архивные материалы: в 2 т. / под ред. Б. Сапира — Dordrecht-Boston: D. Reidel publishing company, 1974. — 1 т. Лавров и Лопатин. (Переписка. 1870–1883). — 679 с.

⁷² Переписка // Степняк-Кравчинский С.М. В лондонской эмиграции. — М.: Наука, 1968. — 447 с.; Кропоткин-Волховскому, 8 июня 1900 [Электронный ресурс] // Библиотека Андрея Бирюкова [сайт]. URL: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters90.htm> (дата обращения: 20.08.2017); Кропоткин-Волховскому, 27 июля 1903 [Электронный ресурс] // Библиотека Андрея Бирюкова [сайт]. URL: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters90.htm> (дата обращения: 20.08.2017); Кропоткин-Атабеяну. 22 января 1892 [Электронный ресурс] // Библиотека Андрея Бирюкова [сайт]. URL: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters89.htm> (дата обращения: 20.08.2017).

⁷³ Charles Booth Online Archive. Booth Poverty Map & Modern map [Электронный ресурс]. URL: http://booth.lse.ac.uk/cgi-bin/do.pl?sub=view_booth_and_barth&args=531000,180400,6,large,5 (дата обращения 20.08.2017).

проживания русских эмигрантов и, соответственно, лучше представить себе их жилищные условия.

Русская эмиграция в Англии представляет собой объект междисциплинарного исследования, требующий соответствующего многообразия ***теоретических и методологических подходов***. Данное исследование было проведено на достаточно широкой методологической основе, с соблюдением принципов историзма, объективности и системности научного анализа. Для понимания причинно-следственных связей и закономерностей формирования и развития российской колонии в Англии был применён историко-генетический метод. Он позволил изучить процессы адаптации в динамике на протяжении всего избранного исторического периода. Кроме того, названный метод представляет важность при выявлении соотношения субъективного, личностного фактора (в данном случае ему соответствует совокупность усилий эмигрантов по адаптации, а также их собственные оценки и личный опыт адаптации) и объективных факторов (общие закономерности социокультурной адаптации, а также реакция и конкретные действия со стороны английских властей и общества).

Применение историко-системного метода позволило путём интерпретации и сопоставления фактов провести углубленный анализ социально-исторической системы, каковой являлась русская колония в поздней викторианской Англии. Использование сравнительно-исторического метода было необходимо для сопоставления процессов, протекавших в других диаспорах, сформированных выходцами из Российской империи (в первую очередь, в еврейской диаспоре). Использование этого метода помогло лучше понять специфику социокультурной адаптации собственно русских эмигрантов, рельефно проявлявшуюся на фоне адаптации представителей национальностей, имевших схожий социальный опыт в прошлом.

Кроме того, при написании диссертации были использованы некоторые методы изучения истории повседневности, в первую очередь биографический метод. Данный метод обладает значительным потенциалом для изучения процесса адаптации эмигрантов в новом социуме. Эмигрант, выступая носителем первичной информации, через изложение истории своей жизни приоткрывает завесу повседневной жизни всей колонии, предоставляя исследователю возможность взглянуть на процесс адаптации «изнутри».

На защиту выносятся следующие положения:

1. К концу XIX столетия российские эмигранты сумели интегрироваться в общественно-культурную и хозяйственно-экономическую жизнь английского общества, в массе своей успешно преодолев весьма болезненные и трудные начальные этапы социокультурной адаптации.

2. Социокультурная адаптация политических эмигрантов проходила легче, нежели в среде рабочей эмиграции. Политические эмигранты сумели наиболее эффективно адаптироваться, зарабатывая на жизнь интеллектуальным трудом и общественной деятельностью, которые приносили им не только доход, но и широкую известность. Положение трудовых эмигрантов было существенно хуже. Они являлись преимущественно людьми технических, рабочих профессий: инженерами, моряками, рабочими, а также клерками, торговцами и учителями.

3. Русская колония в Англии не отличалась целостностью и представляла собой пёстрый конгломерат эмигрантов, различавшихся по социальному происхождению, убеждениям, роду занятий. Наиболее деятельными были представители политической эмиграции, наиболее многочисленными — трудовые мигранты.

4. Английское общество настороженно относилось к русским трудовым иммигрантам, селившимся в местах проживания евреев из России. Такое восприятие, однако, являлось скорее следствием неприязненного отношения общества к массовой иммиграции в страну российских евреев, в диаспоре которых немногочисленные русские рабочие иммигранты попросту растворялись. Отношение к политическим и религиозным эмигрантам, напротив, было доброжелательно-нейтральным и не строилось на основании этнических предрассудков.

5. Британские правящие круги рассматривали пребывание в стране политических эмигрантов из России как выгодный фактор, дающий основания подчеркнуть свою приверженность давним традициям свободолюбия. Однако власти были готовы пойти на определённые притеснения эмигрантов ради дипломатического сближения с Россией. В то же время проблема русской трудовой эмиграции не рассматривалась властями отдельно, будучи включённой в обширный круг вопросов, касающихся роста иммиграции в страну российских евреев.

Структура диссертации определена целями и задачами исследования, а также логикой анализа исследуемого материала. Работа состоит из введения, двенадцати параграфов в составе четырёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Главы выделены таким образом, чтобы в каждой из них содержалось решение одной из поставленных во введении задач. Так, первая глава «Русская эмиграция в Англию в последней трети XIX века» посвящена анализу формирования и жизнедеятельности русской колонии в Англии, и включает четыре параграфа, в которых разбираются вопросы о численности колонии, предлагается социальная характеристика и классификация, исследуются правовые аспекты

эмиграции, даётся краткая история развития русской колонии. Вторая глава «Повседневная жизнь русских эмигрантов в поздневикторианской Англии» включает три параграфа, в которых исследуются жилищные условия и расселение русских эмигрантов, их повседневная жизнь и финансовое положение. В третьей главе «Деятельность русской эмиграции» выделено три параграфа, в которых раскрывается организационная, издательская и трудовая деятельность эмигрантов. В четвёртой главе, озаглавленной «Отношение английских властей и общества к русским эмигрантам», насчитывается три параграфа: в них описывается отношение английского правительства и общества к российской эмиграции, а также образ русских эмигрантов в общественном сознании Англии последней трети XIX в. Таким образом, структура диссертации обусловлена исследовательскими задачами, поставленными в диссертации.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при написании работ обобщающего характера — по культурологии, социологии, истории повседневности. Также они могут лечь в основу самостоятельных курсов. Кроме того, диссертация может представлять интерес для широкой читательской аудитории.

Апробация результатов исследования. Научные результаты диссертационного исследования были опубликованы в виде одиннадцати статей (из них три — в периодических изданиях ВАК) общим объемом 7,5 печатных листов. Структура и содержание диссертации обсуждались на заседаниях кафедры истории Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Глава I. Русская эмиграция в Англию в последней трети XIX века

§ 1. Этапы русской эмиграции в Англию

Внутренняя политика российских властей второй половины XIX в., направленная на укрепление основ монархии, способствовала вытеснению из страны инакомыслящих людей. Писатели, художники, учёные не только подолгу гостили в других странах, но и жили там. Духовный поиск толкал к исходу из страны тех, кто оказался в оппозиции к самодержавию. Англия, во многих сферах представлявшая в данный период времени почти полную противоположность России, неизменно влекла к себе русских эмигрантов.

История русского присутствия в поздневикторианской Англии неразрывно связана с именами нескольких наиболее видных и значимых деятелей. Первым таким эмигрантом, получившим широкую известность не только в России, но и в Англии, являлся, бесспорно, А.И. Герцен, проживавший в Лондоне с 1852 г. по 1865 г. В конце 1850-х — начале 1860-х годов его дом в пригороде Лондона Путни стал местом настоящего паломничества русских туристов. По большей части эти визиты были продиктованы простым любопытством или своеобразной модой. «Мы были в моде», — так, не без гордости, писал сам Герцен, с иронией добавляя: «В каком-то гиде туристов я был отмечен между достопримечательностями Путнея»⁷⁴.

Именно в начале 1860-х годов была заложена база для будущих поколений русской политической эмиграции, был приобретен немалый опыт социокультурной адаптации, взаимодействия русских эмигрантов с английским обществом. В то же время нельзя не отметить, что в те годы в английской столице, помимо самого Герцена с Огарёвым, постоянно проживало не более «двух-трёх эмигрантов»⁷⁵. По этой причине представляется весьма затруднительным говорить о существовании в 1860-х годах русской колонии в Лондоне. Малое количество русских людей, проживавших в Англии, буквально терялось в массе российских путешественников, устремившихся в эту страну после смерти Николая I.

Внезапная кончина Николая I и восшествие на престол Александра II пробудили в российском обществе надежды на проведение либеральных реформ. Вне всяких сомнений, внесённые царским правительством послабления в законодательство послужили толчком для увеличения потока туристов — 1860-е годы стали переломным десятилетием для этой категории русских эмигрантов. По замечанию публициста П.Д. Боборыкина, «дешевые паспорта и выкупные свидетельства позволили очень многим "вояжировать"»⁷⁶. Именно в эти

⁷⁴ Герцен А. И. Былое и думы. С. 444.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Боборыкин П. Д. За полвека: Мои воспоминания. С. 106.

первые годы правления Александра II многие русские, мечтавшие увидеть Европу и, в том числе, Англию, но не имевшие средств для получения заграничного паспорта, сумели выехать за границу легальным способом.

Либерализация политического строя России 1860-х годов способствовала увеличению числа российских подданных, сумевших легально выехать за границу. Во многом изменилась мотивация уезжавших, тот настрой, с которым они покидали свою страну. Для иллюстрации этой тенденции представляется уместным вновь обратиться к воспоминаниям П.Д. Боборыкина, молодость которого пришлась на те годы. «"За границу" кинулись к 60-м годам все, кто только мог. Рухнули николаевские порядки, когда паспорт стоил пятьсот рублей, да и с таким неслыханным подбором вас могли — и очень! — не пустить. Теперь это сделалось банально», — вспоминал публицист о том времени, — «А надо было в 40-х годах состоять русским "интеллигентом", как Герцен, Огарев, Тургенев и их друзья, чтобы восчувствовать, что такое значило: иметь в кармане заграничный паспорт. Люди герценовского поколения попадали за границу вообще с большей подготовкой, чем та масса, которая кинулась туда с 60-х годов. Конечно, в этой "массе" было уже гораздо больше, чем прежде, молодых людей, ехавших учиться с университетским дипломом, с более определенной программой дальнейших "штудий". Но сколько же тронулось тогда всякого шляющегося народа!»⁷⁷. Сам П.Д. Боборыкин отправлялся за границу осенью 1865 года с несколько иными целями — отдохнуть и «найти самого себя», для чего без особых, видимо, препятствий и «выправил себе паспорт (стоивший уже всего пять рублей)»⁷⁸.

С отъездом Герцена из Англии в 1865 г. русская колония в британской столице пришла в упадок. «С прекращением лондонского «Колокола», — писал П.Д. Боборыкин, — «исчезло там и ядро русской эмиграции с такой притягательной силой, как Герцен»⁷⁹. Поток туристов также постепенно иссяк. Остававшийся в Англии Н.П. Огарёв не мог, да и не собирался претендовать на статус «достопримечательности» для заезжих путешественников из России. Немалую роль сыграли и события, происходившие внутри Российской империи. Выстрел Дмитрия Каракозова 4 апреля 1866 г. повлёк за собой значительное усиление активности царского репрессивного аппарата. Ещё раньше наступила реакция в ответ на второе Польское восстание, поддержка которого А.И. Герценом весьма негативно сказалась на восприятии этого эмигранта в русском обществе. Постепенное сворачивание курса реформ и неуклонное наступление реакции в России вели к постепенному увеличению численности политических эмигрантов, однако

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 107.

⁷⁹ Там же. С. 509.

Лондон конца 1860-х годов уже не рассматривался изгнанниками в качестве интеллектуального центра российской эмиграции.

Постепенное нарастание общественного недовольства в России, проявившееся в создании с конца 1860-х годов ряда антиправительственных кружков, вынудило Александра II пойти на уступки охранительному курсу. Усиление репрессий со стороны полицейских органов, особенно в отношении «хождения в народ», всплеск которого был отмечен в начале 1870-х годов, вызвало возмущение общественности и положило начало террористической деятельности, в последующем принявшей массовый характер. Относительная слабость народников и прочих противников режима перед лицом репрессивного аппарата стала причиной их отъезда из страны. Впрочем, как будет показано ниже, лишь очень небольшая часть из этого потока осела в Англии.

Начал меняться социальный состав российской политической эмиграции: на смену либеральной оппозиции разных оттенков приходили разночинцы, настроенные в массе своей более радикально. Представители «новой» эмиграции не обладали многочисленными контактами Герцена и прочих деятелей «старой» эмиграции, что сильно осложняло их адаптацию за границей.

По мнению Ольги Казниной, положение русских эмигрантов в Англии не в последнюю очередь зависело от взлётов и падений в политических взаимоотношениях Британской и Российской империй. Период второй половины 1860–70-х годов стал одним из самых напряжённых за всю историю отношений двух стран. Не была ещё забыта Крымская война; возникли новые осложнения, вызванные польским восстанием 1863 года, поддержкой царским правительством администрации Линкольна в Гражданской войне в США, неурегулированностью англо-русских интересов на Балканах и в Средней Азии. Русско-турецкая война 1877–78 годов и последующее подписание Берлинского трактата также наложило свой отпечаток на характер русско-английских контактов, вызвало настоящую волну русофобии в Англии. Впрочем, в отечественной историографии утвердилось представление о том, что русофобия играла определяющую роль в восприятии России в Британии на протяжении всего XIX столетия⁸⁰.

Ощутимое снижение значимости Лондона как идейного центра российской политической эмиграции обусловило практически минимальное присутствие русских в Англии в первой половине 1870-х годов. И.С. Тургенев, посетивший Лондон в 1871 г., так писал о малочисленности русской колонии: «Здесь русских два человека с половиной — т. е. с

⁸⁰ Сетов Н.Р., Топычканов А.В. Русофобия — инструмент британской внешней политики. XIX век — взгляд с позиции политического реализма // Научно-аналитический журнал Обозреватель—Observer. 2014. — №10. — С. 99; Козлов С. А. Русские люди об англичанах в XIX– начале XX века. С. 97

Брунновым»⁸¹. Такое положение дел сохранялось вплоть до начала издания в Лондоне журнала «Вперёд!» П.Л. Лаврова в 1874 г.

П.Л. Лавров, переехав в Лондон в феврале 1874 г., стал своего рода предвестником постепенного возвращения британской столице того значения для русских эмигрантов, какое она имела в первой половине 1860-х годов. Его журнал «Вперёд!», первоначально выпускавшийся в Цюрихе, задумывался как своего рода рупор народничества. Начав издавать журнал в Лондоне, Лавров, конечно, надеялся повторить блестящий успех «Колокола». На первых порах, когда с Лавровым начал сотрудничать оказавшийся в Лондоне Пётр Ткачёв, в 1863 г. эмигрировавший из России, могло показаться, что Лондон вновь становится идейным центром русской эмиграции. Однако уже в 1876 г. Лавров понял, что ему не удалось сделать свой журнал центром революционных сил в России, и сложил с себя полномочия редактора. В мае 1877 г. он покинул Лондон.

Схожей была и судьба журнала «Набат», который начал издавать после разрыва с Лавровым П.Н. Ткачёв. «Набат», по аналогии с журналом Лаврова, первоначально выходил в Швейцарии, но с 1879 г. начал издаваться в Лондоне. Однако заговорщические методы Ткачёва воспрепятствовали популярности его журнала и, соответственно, широкому его распространению. Уже в 1881 г. издание «Набата» было прекращено.

Уровень признания и уважения в английском обществе, которого удалось достичь своей общественной и издательской деятельностью А.И. Герцену в конце 1850-х — начале 1860-х годов, на протяжении всей последней трети XIX в. оставался недостижимым для русских эмигрантов, движимых идеей воссоздать заграничный печатный орган. Тем не менее, каждая новая попытка создать в Англии печатный орган вроде «Колокола» придавала мощный импульс русской эмиграции, привлекая наиболее видных её представителей в Лондон.

До того как покинуть Россию, политические эмигранты нередко подвергались преследованию и даже тюремному заключению. Из-за полного отсутствия возможности получения заграничного паспорта легальными путями их выезд из России осуществлялся чаще всего противозаконно, по чужим или поддельным документам. Заграничные паспорта Российской империи не только не предусматривали фотографий, но и не содержали описания внешности своих владельцев, что серьёзно упрощало незаконный выезд из страны. Пётр Лавров эмигрировал из России с помощью Германа Лопатина в 1870 г. по заграничному паспорту, выданному на имя отставного штабс-капитана Скирмунта⁸². Сам Герман Лопатин до того, как

⁸¹ Тургенев И. С. Письма. Т. 12, кн. 2. С. 84.

⁸² Антонов В. Ф. Русский друг Маркса. С. 78.

помочь с эмиграцией из России Лаврову, был арестован из-за причастности к «нечаевскому делу». Осуществив побег и передав поддельный паспорт Лаврову, он в том же 1870 г. раздобыл себе ещё один паспорт на чужое имя и эмигрировал в Париж. С августа по ноябрь того же года он уже находился в Лондоне. Аналогичным образом были вынуждены действовать и другие видные эмигранты, в частности, С.М. Степняк-Кравчинский, который также под чужим именем выехал из России весной 1875 г. П.А. Кропоткин, «снабжённый паспортом одного из приятелей (им был «чайковец» Александр Левашев⁸³), в 1876 г. проехал Финляндию и добрался до отдалённого порта в Ботническом заливе, откуда переправился в Швецию»⁸⁴.

Можно заметить, что с момента отъезда эмигрантов из России и до их приезда в Англию, как правило, проходило несколько лет. Это объясняется несколькими причинами. Для политических эмигрантов, ещё до бегства из России перешедших на нелегальное положение, переезд в Европу становился вынужденной мерой. Необходимость достать где-то заграничный паспорт являлась лишь одной из первостепенных задач. Часто не располагая необходимыми финансами, политические эмигранты были вынуждены рассчитывать на своих друзей и соратников. Та же причина — отсутствие средств — диктовала и вполне определённое направление эмиграции. Русские политические изгнанники 1860-х и даже первой половины 1870-х годов предпочитали селиться в Швейцарии или Франции. Лишь в единичных случаях их первым прибежищем в Европе становился Лондон (как в случае с П.А. Кропоткиным, который, впрочем, в своё первое пребывание в Англии не прожил там и года). Британская столица отпугивала высокой стоимостью жизни, а также своей географической удалённостью.

Кроме того, многие политические эмигранты считали, что лучше всего они смогут послужить делу революции, находясь в самой России. К примеру, Герман Лопатин, покинув Лондон в ноябре 1870 г., вернулся на родину, где был арестован. Впрочем, ему удалось совершить побег и нелегально пересечь границу в 1873 году. Через пять лет он вновь вернулся в Россию и снова был схвачен. Следующий свой побег он сумел совершить только в 1883 г.⁸⁵. Сергей Кравчинский также вернулся в Россию после своего заграничного турне, в ходе которого побывал и в Лондоне. Однако в 1878 г. ему пришлось покинуть родину навсегда⁸⁶.

Выше были перечислены в основном факторы, которые препятствовали переезду русских эмигрантов в Англию. Следует учитывать, однако, важное обстоятельство, которое, напротив, привлекало политических эмигрантов из России — в Лондоне проживали Карл Маркс и

⁸³ Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 366.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Антонов В. Ф. Русский друг Маркса. С. 49, 69.

⁸⁶ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 194.

Фридрих Энгельс. Издание первого тома «Капитала» в 1867 г. повлекло за собой полемику относительно высказанных в этом труде идей. Уже в 1870-х годах многие русские эмигранты были знакомы со взглядами Маркса. По мере того, как в Европе росла популярность автора новой общественно-политической теории, увеличивалось число русских эмигрантов, желавших лично познакомиться с ним. Таким образом, можно констатировать, что в 1870-х годах Лондон ещё не сумел вернуть себе роль важнейшего идейно-организационного центра эмиграции — хотя определённые подвижки всё же наметились. Британская столица становилась лишь местом временного пребывания русских политических эмигрантов, которые в данном десятилетии всё ещё не слишком охотно стремились в Англию.

К началу 1870-х годов формируется круг русских, имевших обыкновение выезжать из России на длительный срок — по выражению Боборыкина, «не по политическим причинам, а по чисто личным мотивам». Это была совершенно особенная категория путешественников, о которых ещё будет сказано в дальнейшем.

Классическим примером путешественника такого рода являлся уже упоминавшийся П.Д. Боборыкин. К этой же категории следует отнести и И.С. Тургенева — в отличие от большей части путешественников, его пребывание за границей было практически перманентным; с 1862 г. он фактически перестал жить в России, лишь время от времени возвращаясь в родную страну. Этот известный не только в России, но и за её пределами писатель впервые посетил Англию в середине 1850-х годов, особенно много бывал в ней в начале и в конце 1870-х годов. Последний раз заграничный паспорт был выдан Тургеневу московским генерал-губернатором 24 августа 1881 г. Этот документ позволил писателю осуществлять заграничные поездки ещё два года (впрочем, Англию писатель до смерти в августе 1883 г. больше не посещал)⁸⁷. Тургенев предпринимал наезды в Англию лишь время от времени, как правило, с целью отвлечься от будней континентальной Европы — например, на охоте (по воспоминаниям американского писателя Генри Джеймса, «Тургенев иногда пересекал Ламанш ради прославленных куропаток»⁸⁸).

Совершенно особенный пример путешественника являла собой О.А. Новикова. С осени 1867 г. эта женщина, происходившая из знатной русской семьи, стала ежегодно зимовать в Лондоне, где у неё постоянно был забронирован номер в одном из фешенебельных отелей, как правило, в «Кларидже»⁸⁹. Вся её общественная деятельность в британской столице была направлена на создание среди английской общественности положительного образа Российской

⁸⁷ Бодрова Л.Н. Документы И.С. Тургенева в Российском государственном архиве литературы и искусства // Иван Сергеевич Тургенев и Москва : сборник статей / сост. Т. Е. Коробкина, Г. Н. Муратова. — М.: Русский путь, 2009. С. 123–124.

⁸⁸ Цит. по: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883). С. 416.

⁸⁹ Stanislawski M. Zionism and the fin de siècle: cosmopolitanism and nationalism from Nordau to Jabotinsky. — Berkeley: University of California Press, 2001. P. 37.

империи. О.А. Новикова активно заводила знакомства в лондонском высшем свете; вот, к примеру, как она описала один из своих приемных дней: «Я приняла двадцать восемь посетителей — если не больше»⁹⁰. Лондонский салон Новиковой с первых лет своего существования превратился в достаточно эффективную площадку для обмена мнениями. По мнению М.Н. Третьяковой, он не являлся исключительно аристократическим ни по духу, ни по составу; не был он и только политическим, а скорее имел межкультурную направленность⁹¹.

Как уже отмечалось, фигуры русских путешественников в Лондоне выглядят стоящими скорее особняком относительно основной части русской колонии, представленной, прежде всего, политическими эмигрантами. Такое положение дел можно объяснить политическими убеждениями путешественников (как в случае с Ольгой Новиковой, которая предпочитала вовсе не контактировать со своими идеологическими оппонентами), а также эпизодическим характером посещений ими Англии (как в случае с И.С. Тургеневым). Представляется, что такого рода раздробленность, неоднородность русской колонии в Англии — одна из причин, почему данная колония являлась, по сути, конгломератом весьма отличающихся по составу и опыту социокультурной адаптации групп. Представители «официальной» и «подпольной», легальной и нелегальной, постоянной и временной эмиграций, проживавшие в огромном городе, зачастую не имели точек соприкосновения и предпосылок для поддержания контактов. Такая разобщённость, лишь усиливавшаяся по мере превращения русской колонии во всё более пёстрый и разноплановый конгломерат, являлась одной из свойственных ей черт, которая начала проявляться уже в 1870-х годах.

Убийство 1 марта 1881 г. Александра II и последовавший разгром «Народной Воли» и других народнических кружков и организаций вызвали очередную волну эмиграции за рубеж тех, кто стоял в оппозиции самодержавию, начавшему с 1880-х годов укрепление своих устоев. Одновременно с этим происходил общественный подъём в Англии; начались заметные сдвиги в рабочем и социалистическом движении. П.А. Кропоткин писал: «Во всех слоях общества заинтересовались тогда социализмом и различными проектами реформ и преобразования общества»⁹². Многие из русских политических эмигрантов стремились в той или иной степени приобщиться к этому движению, наладить с ним связи. В результате на данном этапе русская эмиграция в Англии становится более многочисленной, но в то же время материально менее обеспеченной.

⁹⁰ Stead W. T. The M.P. for Russia. Vol. 2. P. 252.

⁹¹ Третьякова С.Н. Лондонский салон О.А. Новиковой. С. 43.

⁹² Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 465.

В 1880-х годах завершается, наконец, формирование костяка политических эмигрантов, образовавших пусть немногочисленную, но постоянную русскую колонию в Лондоне. К 1880 г. в Лондоне осел знаменитый деятель народнического движения Н.В. Чайковский, эмигрировали в Англию другие менее известные деятели народничества. Одно из наиболее значительных событий в истории русской эмиграции в Англии произошло в 1884 г., когда в Лондон на постоянное место жительства переехал С.М. Степняк-Кравчинский. Двумя годами позже в Лондоне поселился П.А. Кропоткин. Масштаб этих личностей, а также их авторитет в среде русских революционеров стали важными условиями постепенного превращения Лондона в один из крупнейших центров революционной мысли.

Наибольшая заслуга в этом принадлежит Степняку-Кравчинскому — именно он за короткий период времени сумел обзавестись внушительным количеством связей в самых разных слоях английского общества. Кропоткин в 1886 г. писал, что Кравчинский «уже становился центром, оказывающим влияние на английскую интеллектуальную жизнь»⁹³. Контакты Кравчинского обусловили его известность среди общественных и культурных деятелей британской столицы. По сути, им была создана база для дальнейшего увеличения численности колонии — частые приезды в Англию в конце 1880-х годов русских революционных эмигрантов стали тому подтверждением. П.Б. Аксельрод и Г.В. Плеханов, ненадолго прибывшие в Лондон в 1889 г., предвосхитили приезд целого ряда общественных деятелей, посетивших Англию уже в последнем десятилетии XIX в.

В конце 1880-х годов в Англию всё охотнее приезжали деятели русской науки и культуры. Порой такие научные командировки позволяли подготовить почву для дальнейшего переселения в Англию. Можно привести пример социолога и историка М.М. Ковалевского, в 1870-х годах активно работавшего в библиотеке Британского музея над докторской диссертацией (тогда же он познакомился с Карлом Марксом). После своего увольнения из Московского университета в 1887 г. учёный стал помногу жить за границей. Ещё одной яркой представительницей лондонской колонии является Е.П. Блаватская. Елена Петровна начала заграничный этап своей жизни с нелегального выезда из России в 1851 г. За годы странствий у неё возникали мысли о принятии британского подданства, но, в конечном итоге в 1878 г. она отказалась от российского подданства и приняла американское гражданство. Как писала сама Блаватская, «ужасно жутко мне было произносить это подлейшее отречение!.. Как же это я перестану любить Россию и уважать Государя?»⁹⁴. Блаватская окончательно обосновалась в Лондоне в 1887 г. Именно здесь ею были написаны главные труды по теософии. Более того, в Англии в те годы окончательно сформировался круг соратников и единомышленников Елены

⁹³ Цит. по: Таратута Е. А.С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 336.

⁹⁴ Мэф М.К. Личные мемуары Е. П. Блаватской.

Петровны, которая, впрочем, общалась и с представителями русской колонии — в частности, с О. А. Новиковой, помогавшей Блаватской адаптироваться в Англии.

К началу 1890-х годов в Англии практически завершилось складывание новой русской эмигрантской колонии. Она была довольно немногочисленна по сравнению с другими центрами эмиграции и была представлена, главным образом, политическими эмигрантами. П.Д. Боборыкин описывал её так: «Русская колония, кроме эмигрантов, — как была в 60-х годах, так и теперь — очень невелика... Точно так же не находил я и никакого центра для тех русских, которые ездят в Англию как туристы или молодые учёные... Нужно только пожалеть о том, что до сих пор в Лондоне русская интеллигенция не имеет настоящего пристанища»⁹⁵. Из этого описания следует, что Лондон, остававшийся главным объектом внимания русских людей, так и не стал, в отличие от ряда городов Швейцарии, Франции или Германии, центром постоянного проживания многочисленной и устойчивой группы русских, не связанных с политической деятельностью — студентов, находящихся на лечении туристов и пр. Тем не менее, как будет показано ниже, колония политических эмигрантов сама по себе все же являлась центром притяжения для русских людей, зачастую лишь опосредованно причастных к общественно-политической борьбе.

Русские эмигранты в начале 1890-х годов немало сделали для того, чтобы упрочить своё положение в английском обществе и вызвать в нем интерес и сочувствие к своей деятельности. В марте 1890 г. было учреждено Общество друзей русской свободы. В его задачи, в частности, входило распространение информации о положении дел в России, формирование общественного мнения в Англии, помощь русским политическим заключённым⁹⁶. Примечательно, что это общество состояло из англичан, однако инициатором его создания выступил Степняк-Кравчинский. Следующим шагом стала организация печатного органа Общества. Журнал на английском языке под названием «Свободная Россия» начал издаваться с лета 1890 г., его редактором и автором большинства статей был С.М. Степняк-Кравчинский. Наконец, в 1891 г. появился «Фонд вольной русской прессы». Это была уже организация собственно политических эмигрантов, занимавшаяся изданием и распространением русской бесцензурной литературы.

Описанные выше мероприятия на фоне прекращения издания в 1891 г. женеvского «Общего дела» заметно усилили влияние английской колонии русской политической эмиграции и фактически вернули Лондону статус места паломничества русских общественных

⁹⁵ Боборыкин П. Д. Столицы мира: Тридцать лет воспоминаний. С. 316–317.

⁹⁶ The Society of Friends of Russian Freedom // Manchester Guardian. 1894. 4 June. P. 8.

деятелей, хотя, конечно, далеко не в том объёме, как во времена Герцена. В.Л. Бурцев, приехавший в 1890-х годах в Англию на постоянное место жительства, вспоминал, что «из России к Степняку и Волховскому приезжало много известных русских общественных деятелей и литераторов»⁹⁷. Перебравшийся из Америки в Англию в начале 1890-х годов Ф.В. Волховский быстро зарекомендовал себя в качестве одного из наиболее ярких и деятельных представителей русской эмигрантской колонии наравне со Степняком-Кравчинским. В.Л. Бурцев в воспоминаниях указывал на то, что революционная эмиграция «потянула» за собой российскую интеллектуальную элиту: «За границей годами жили литераторы и ученые... Туда постоянно приезжали из России помногу раз в год либеральные журналисты и общественные деятели и сочувствующие им разного рода имущие люди. Сношения с заграницей тогда были почти так же легки, как сношения Москвы с Петербургом»⁹⁸. Впрочем, такие визиты русских подданных были, как правило, довольно короткими и не вели к долгосрочному увеличению численности эмигрантской колонии.

Внимание со стороны представителей российской общественности вызывало у революционных эмигрантов ощущение востребованности. Как вспоминал В.Л. Бурцев, «перемена в настроении революционеров за границей и в России в последние три–четыре года вообще была очень резкая. Прежний пессимизм явно сменился общим подъёмом»⁹⁹. В обстановке кипучей деятельности, развёрнутой эмигрантами, настоящим громом среди ясного неба стала трагическая гибель Степняка-Кравчинского в конце 1895 г. Впрочем, до своей смерти он успел создать все условия для того, чтобы колония существовала и развивалась в дальнейшем.

В конце 1897 г. эмигрантская колония была взбодоражена арестом В.Л. Бурцева и последовавшим за этим судебным процессом. Впервые за всю историю русской колонии в Англии её представитель был привлечён к ответственности за свою деятельность. Суд признал, что Бурцев «пытался убедить различных людей совершить убийство Его Императорского Величества Николая II»¹⁰⁰, и приговорил русского эмигранта к полутора годам каторжных работ.

Этот приговор потряс всю эмигрантскую колонию, в одночасье поставив под сомнение убеждённость эмигрантов в своей относительной безопасности на английской земле. Именно эта уверенность являлась важнейшим фактором, обуславливавшим приезд эмигрантов на Британские острова. «В Англии я уверен, что не попаду в руки русского правительства», —

⁹⁷ Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. С. 112.

⁹⁸ Там же. С. 62.

⁹⁹ Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. С. 39.

¹⁰⁰ Цит. по: Hollingsworth B. The Society of Friends of Russian Freedom. P. 58.

писал П.А. Кропоткин А.Э. Норденшельду в 1876 г.¹⁰¹. Впрочем, по данным А.Я. Кипермана, Скотланд-Ярд задолго до «процесса Бурцева» за определённую плату оказывал услуги русскому посольству, но чисто информативного характера: к репрессиям против русских эмигрантов это не приводило. Однако, как справедливо отметил в своё время сам Бурцев, «Александр III и Николай II внимательно следили за всем, что делается в нашей эмиграции»¹⁰². Успехи, которых политические эмигранты добились в Англии в начале 1890-х годов, не могли не беспокоить царское правительство. Именно поэтому последнее десятилетие XIX в. стало временем возросшей активности русской политической полиции в Лондоне. С 1891 г. П.И. Рачковский, ведавший заграничной агентурой Департамента полиции, приступил к развёртыванию агентурной сети в британской столице.

Относительная лояльность, с которой английские власти отнеслись к развёртыванию Рачковским своей бурной деятельностью в Лондоне, может быть объяснена изменением к концу XIX столетия характера англо-русских отношений. В ноябре 1894 г. молодой царь Николай II венчался с младшей внучкой английской королевы, принцессой Алисой Гессенской. По этому поводу Виктория устроила пышный приём в Виндзорском замке, на который впервые за время её правления были приглашены все члены русской дипломатической миссии. И хотя английская дипломатия к концу 1890-х гг. ещё не рассматривала Россию как союзника Великобритании, сама логика роста англо-германских противоречий вынуждала Лондон вступить на путь преодоления противоречий с другими державами. Обозначившаяся тенденция к англо-российскому сближению проявлялась с каждым годом всё более отчётливо. Своеобразным её индикатором стало изменение отношения английских властей к русским политическим эмигрантам. «Процесс Бурцева» вполне отчётливо показал, что русские изгнанники в определённой ситуации могли стать разменной монетой в дипломатической игре двух держав.

Постепенное сближение на государственном уровне России и Великобритании вполне отчётливо отразилось на английском общественном мнении, которому до этого на протяжении почти всего столетия была свойственна стойкая, почти иррациональная русофобия. По мнению Джона Слэттера, с начала 1890-х годов в Англии нарастал невиданный до того времени интерес к русской культуре — английский исследователь назвал это явление «руссоманией»¹⁰³. Именно в эти годы на Британских островах появились первые английские переводы произведений русских классиков. Увлечение русской литературой постепенно распространилось и на другие виды искусства.

¹⁰¹ Маркин В. А. Неизвестный Кропоткин. С. 231.

¹⁰² Там же. С. 25.

¹⁰³ Slatter J. Bears in the Lion's Den. P. 37.

Кроме того, в 1890-х годах ещё одна яркая страница в истории русской эмиграции была вписана толстовцами. Именно Англия стала одной из немногих стран, где религиозно-этические идеи Л.Н. Толстого получили не только широкое распространение, но и практическое воплощение. Толстовские колонии, начавшие возникать в стране с 1894 г., почти целиком состояли из англичан. Однако упоминавшаяся выше высылка видных соратников Толстого в Англию, произошедшая в 1897 г., послужила точкой отчёта истории собственно русского толстовства в этой стране. Русские толстовцы вместе со своим негласным лидером В.Г. Чертковым сперва поселились в колонии английских единомышленников в Перли, однако затем были вынуждены перебраться на юго-запад Англии, в местечко Крайстчёрч близ Борнмута, графство Дорсет. Именно там в 1900 г. была основана единственная в Англии толстовская община, состоящая преимущественно из русских эмигрантов. Чертков с соратниками, находясь в Англии, деятельно помогали духоборам во время их переселения из России в Канаду.

В то же время в конце столетия происходило значительное увеличение потоков трудовой эмиграции из России. Аграрное перенаселение, достигшее к концу века значительных размеров¹⁰⁴, а также рост скрытой безработицы вынуждали многих обитателей империи, особенно её западных окраин, покидать страну, временно или навсегда, в поисках нового заработка. Особенно усилился отток со второй половины 80-х годов¹⁰⁵. Выше уже приводились цифры, указывающие на стремительную динамику роста численности выходцев из России в Англии. Наиболее отчётливо эти процессы были заметны в английской столице. Так, в лондонском районе Степни выходцы из России и Царства Польского в 1881 г. составляли 42 процента от общего числа проживавших там иностранцев. Согласно данным последующих переписей, эта доля увеличилась до 68 процентов в 1891 г. и 77 процентов в 1901 г., практически удвоившись за два десятка лет¹⁰⁶. Как уже было отмечено, доля собственно русских в этом потоке была небольшой, но их число также стремительно увеличивалось по мере того, как Лондон обретал всё большую популярность в глазах российских трудовых мигрантов.

Последнее десятилетие XIX в. стало временем наивысшего развития русской эмиграции на Британских островах: именно на этом этапе было достигнуто наибольшее разнообразие

¹⁰⁴ Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. 2. От окончания Смуты до Февральской революции. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. — С. 422–424; Никонов В. Крушение России. 1917. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — С. 43.

¹⁰⁵ Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. — М.: Наука, 1998. — С. 110–111, 142.

¹⁰⁶ Census of England and Wales. 1901.

проявлений русского присутствия в поздневикторианской Англии. Несмотря на сохранившуюся малочисленность, организационные возможности колонии, многообразие её внутренней жизни, а также и широта спектра связей с английским обществом во многом превосходили «герценовскую» эпоху 1850-1860-х годов. В силу стечения разного рода объективных и субъективных обстоятельств конец XIX в. стал своего рода «золотым веком» русской эмиграции в Англии.

§ 2. Численность русской колонии

Продолжая исследование проблем социокультурной адаптации русских эмигрантов в Англии последней трети XIX в., необходимо остановиться на вопросе о численности русских в этой стране. Следует обратиться к статистике, иллюстрирующей динамику эмиграции из Российской империи XIX в. в целом. По данным В. Костикова, с 1828 по 1915 годы из России выехало 4,5 млн человек¹⁰⁷. В.Я. Гросул приводит следующие цифры, позволяющие судить о росте числа выезжавших за пределы Российской империи подданных. В 1851 г. из страны выехало 2825 человек, в 1852 г. — 4170 человек, в 1856 г. их число выросло до 6036 человек. Показатели следующих лет, пришедшихся на начало правление Александра II, впечатляют значительно больше: 15102 человека — в 1857 г., 17243 человека — в 1858 г., 26303 человек — в 1859 г. В 1860 г. из России выехало 70044 человека (включая 27 тысяч переселившихся в Османскую империю татар)¹⁰⁸.

Лишь немногие, выехавшие из России, отправлялись в Англию. Даже в годы наиболее интенсивного посещения русскими Англии их общая численность в этой стране не была высока. По данным Т.И. Ульякиной, в 1871 г. в промышленных городах Англии — Лондоне, Лидсе и Манчестере — насчитывалось около 9600 русских и поляков¹⁰⁹. Многочисленность польской эмиграции позволяет предполагать, что количество собственно русских в Англии составляло явно меньшую часть от этого числа. Однако в последующие годы численность русских постоянно увеличивалась. Об этом свидетельствуют данные переписей населения, систематически проводившихся в Англии раз в десять лет.

¹⁰⁷ Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). — М.: Международные отношения, 1990. С. 37

¹⁰⁸ Гросул В. Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. С. 651–652.

¹⁰⁹ Ульякина Т. И. Российская научная эмиграция в Великобритании (1917–1940-е гг.) // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.): Международная научная конференция, 29 июня — 2 июля 2000 г. — М.: Русский путь, 2002. — С. 93.

Динамику роста численности выходцев из России в Англии и Уэльсе в последней трети XIX в. удобно представить в виде диаграммы (см. Приложение А, Рисунок 1). Если в начале 1870-х годов численность выходцев из России была относительно невелика (в то же время в Англии и Уэльсе проживало около 7 тысяч российских поляков) и за десятилетие увеличилась незначительно¹¹⁰. Тем не менее уже к 1891 году количество выходцев из Российской империи (за вычетом поляков) возросло почти в 7 раз — притом организаторы переписи отмечали, что именно русские фамилии являются самым очевидным указанием на национальность, потому как графа «национальность» в переписных листах отсутствовала¹¹¹. Такие выводы организаторов кажутся достаточно спорными по той причине, что выходцы из России с собственно русскими фамилиями составляют лишь ничтожное меньшинство от общего числа учтённых переписью российских подданных, фамилии которых преимущественно еврейского и польского происхождения, о чём будет сказано ниже. За 1890-е годы количество выходцев из России выросло более чем в 2,5 раза. Королевская Комиссия по делам иностранной иммиграции, обеспокоенная приростом мигрантов, провела исследование и пришла к выводу, что такое увеличение было вызвано частично экономическими причинами, частично — репрессиями царского правительства по отношению к евреям¹¹². К 1911 г. в Англии и Уэльсе насчитывалось 94 204 выходцев из Российской империи (немцев, образовавших вторую по численности диаспору, насчитывалось только 51 163 человека)¹¹³.

Итак, согласно данным английских переписей, в Англии к 1901 г. проживало примерно в 20 раз больше выходцев из Российской империи, чем в Австралии, но почти в 10 раз меньше, чем в Америке, которая стала к началу нового столетия самой привлекательной страной для русских эмигрантов¹¹⁴. Однако исследователь должен отнестись к этим данным весьма критически. По наблюдениям английских чиновников из Министерства торговли и Королевской комиссии по делам иностранной иммиграции, фактически все иммигранты, прибывавшие в Англию из России, были евреями — это обстоятельство позволило исследователю Б. Гейнеру прийти к неутешительному заключению о том, что практически не представляется возможным выяснить, сколько всего эмигрантов из России не являлись евреями¹¹⁵.

¹¹⁰ Census of England and Wales, 1881.

¹¹¹ Census of England and Wales, 1891.

¹¹² Census of England and Wales, 1901.

¹¹³ Holmes C. Immigrants, Refugees and Revolutionaries. P. 8

¹¹⁴ Hollingsworth B. The Society of Friends of Russian Freedom. P. 47.

¹¹⁵ Gainer B. The Alien Invasion. P. 4.

Таким образом, не вызывает сомнений, что приведённые выше цифры численности этнических русских в Англии должны быть значительно скорректированы. Очевидно, что удельный вес собственно русских в общем потоке эмигрантов из Российской империи был крайне невелик, особенно в 1880–90-х годах, когда серия еврейских погромов спровоцировала массовую эмиграцию евреев из России. В пользу данного предположения свидетельствуют данные статистики, согласно которым на долю этнических русских, оставивших Россию до 1917 г., приходилось немногим более 4% от общего числа выехавших¹¹⁶. В Англии, которая не являлась популярной страной для эмигрантов из нижних и средних слоёв общества Российской империи, эта доля могла быть и того меньше. Так, по данным А.В. Околокова, доля русских в эмиграционном потоке последнего десятилетия XIX в. составляла всего 2%¹¹⁷.

Особый интерес в контексте исследования процессов социокультурной адаптации представляют русские политические эмигранты. Активное участие в общественно-политической, культурной и экономической жизни страны делало их опыт адаптации более разносторонним и богатым (и, в то же время, менее тяжёлым), нежели у прочих эмигрантов. В силу своего социального статуса, а также специфики деятельности, именно эти эмигранты оставили после себя наибольшее количество разнообразных источников — чего нельзя сказать о представителях массовой, трудовой эмиграции. Поэтому важно установить, какое количество представителей политической эмиграции из России проживало в Англии последней трети XIX в.

По данным главы русской заграничной агентуры во Франции П.И. Рачковского, «общее число эмигрантов из России составляло на 1 января 1886 г. около 200 человек, из них... около 10–15 в Лондоне»¹¹⁸. Исследования современных историков указывают на то, что численность эмигрантов была заметно больше. Так, по оценкам В.Я. Гросула и Н.Л. Пушкарёвой, в конце 1870-х — начале 1880-х гг. в вынужденном изгнании за рубежом находилось около 500 человек, в той или иной степени участвовавших в российском революционном движении; к началу XX в. за счет расширения социального состава политэмиграции это число возросло примерно втрое¹¹⁹. Но даже эти цифры со всей очевидностью свидетельствуют, что число русских политических эмигрантов в Англии к началу XX в. было невелико. Однако именно

¹¹⁶ Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ. — Екатеринбург: Изд-во Российского Государственного профессионально-педагогического университета, 2009. С. 14.

¹¹⁷ Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Околоков А. В. Эмиграция и репатриация в России [Электронный ресурс]. — М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. — 490 с. URL: <http://www.cisdf.org/TRM/Ionzev/book-1.2.1.html> (дата обращения: 20.08.2017).

¹¹⁸ Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции. С. 286.

¹¹⁹ Там же. С. 126; Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. — 1999. — №1. — С. 56.

политические эмигранты являлись наиболее деятельной и активной частью русской колонии в Англии, образуя её костяк. Об «относительной малочисленности эмигрантской колонии» Лондона говорил и И.М. Майский, эмигрант более поздней поры. По его наблюдениям, русские эмигранты «как-то незаметно распылялись, рассасывались в этом исполинском человеческом муравейнике». Площадь 7-миллионного Лондона, бывшего на ту пору крупнейшим городом Земли, в 3–4 раза превышала площадь Парижа (в котором насчитывалось 2,7 миллионов жителей), что являлось «преградой для слишком частого скопления эмигрантов в одном месте»¹²⁰.

Подобной точки зрения придерживаются и многие современные исследователи. В частности, Н.Л. Пушкарёва, выделившая пять волн дореволюционной политической эмиграции, назвала Лондон в числе главных эмигрантских центров лишь второй волны (вторая половина 1860-х — 1870-е гг.). Говоря о завершающих XIX в. третьей (конец 1870-х — 1895 гг.) и четвёртой волнах (1895–1905 гг.), она в обоих случаях называет главными центрами эмиграции Женеву, а также, применительно к четвёртой волне, Париж¹²¹. Таким образом, по её мнению, Лондон последних двух десятилетий не играл столь же значительной роли для русской эмиграции, как прочие перечисленные города. Такая точка зрения, хотя и представляется спорной, однако вполне отражает имевшие место немногочисленность и рассосредоточенность русской колонии в Англии.

Эта особенность была хорошо заметна на фоне колоний в других странах Европы. «Лондон как эмигрантский центр всегда был сравнительно скромной провинцией по сравнению с Парижем», — считал И.М. Майский, оценивавший численность лондонской колонии русских политэмигрантов в 1912 г. в 4–5 тысяч человек¹²². Конечно, численность русской колонии в предвоенном Лондоне была заметно выше, чем в последние годы правления Виктории, в силу произошедшего после Первой русской революции расширения русских колоний в важнейших городах Европы. По этой причине для выяснения тенденций, в целом свойственных для конца XIX в., представляется целесообразным привести некоторые цифры, отражающие положение дел в начале XX столетия. Для сравнения, в Париже накануне Первой мировой войны проживали 35 тысяч русских. Примечательно, что немалую долю в русских эмигрантских колониях Франции, Швейцарии и Германии составляли студенты, что было совсем несвойственно английской колонии. В частности, в Париже в 1911 г. проживало 1600 русских

¹²⁰ Майский И. М. Путешествие в прошлое. С. 53, 54.

¹²¹ Пушкарёва Н. Л. Пути формирования русской диаспоры после 1945 г. // Этнографическое обозрение. — 1992. — № 6. — С.18–19.

¹²² Майский И. М. Путешествие в прошлое. С. 49, 50.

учащихся Сорбонны¹²³; в Швейцарии в 1906/07 учебном году обучалось 2322 русских студента, что составляло 36% от всего студенчества этой страны¹²⁴; в университетах и государственных инженерных школах Германии в 1909/1910 учебном году только обучалось без малого 3 тысячи студентов из России¹²⁵. По сравнению с этими показателями численность русского студенчества в университетах Англии была крайне низкой, в немалой степени из-за высокой стоимости обучения и географической удалённости.

Собственно, схожие причины обуславливали немногочисленность русской колонии в целом. Помимо высокой стоимости жизни и удалённости Англии следует назвать также слабую языковую подготовку русских эмигрантов, а также относительно неблагоприятный климат, сделавшийся составной частью стереотипного образа Англии, нередко отпугивавшего русскую эмиграцию.

Можно констатировать, что численность этнических русских была довольно мала на фоне общего количества бывших подданных Российской империи (преимущественно евреев), въезжавших в Англию в поисках лучшей жизни. Этническая принадлежность и численность являются существенными, но не определяющими факторами в процессах социокультурной адаптации, поэтому не стоит преувеличивать их значимость. В то же время нельзя не признать, что малочисленность русских в позневикторианской Англии в значительной степени сужает круг источников, на основании которых можно делать выводы о данных процессах.

§ 3. Классификация и социальная характеристика русской эмиграции

Рассматривая состав русской эмиграции в Англии последней трети XIX в., необходимо сразу же оговорить ряд принципиальных методологических вопросов. Русская эмиграция в предлагаемом исследовании рассматривается в широком культурном значении. Под эмигрантом следует понимать человека, вынужденно покинувшего родину из соображений политического, экономического, религиозного или иного характера и обосновавшегося в другой стране.

¹²³ Любина Г.И. Русская научная эмиграция XIX века в Париже: общий взгляд и уроки [Электронный ресурс] // Вопросы истории естествознания и техники. — 2002. — №2. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/PARIS_XIX.HTM (дата обращения: 20.08.2017).

¹²⁴ Эндерлайн Э. Русские женщины в Швейцарии в XIX веке // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / под. ред. Г. А. Тишкина. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 76.

¹²⁵ Иванов, А. Е. Русское студенческое зарубежье. Конец XIX — начало XX вв. [Электронный ресурс] / А. Е. Иванов // Вопросы истории естествознания и техники. — 1998. — №1. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/IVANOV.HTM> (дата обращения: 20.08.2017).

Классификация категорий оказавшихся в поздневикторианской Англии русских эмигрантов, принятая в данном диссертационном исследовании, выглядит следующим образом:

1) Политические эмигранты. К данной категории принадлежат российские подданные, переехавшие в Англию по политическим причинам. Их эмиграция носила вынужденный и, по этой причине, долгосрочный характер, так как возвращение в Россию чаще всего влекло за собой крайне нежелательные для них последствия. Социокультурная адаптация этих людей также носила отчасти вынужденный, зачастую почти экстремальный характер, однако была наиболее полной по сравнению с характером адаптации представителей других групп. Не все политические эмигранты встречали в Англии тёплый приём — такова была плата за радикальные политические взгляды, которые многие из них исповедовали (к примеру, революционные эмигранты-народники). Активная общественно-политическая деятельность этих эмигрантов накладывала серьёзный отпечаток на их дальнейшую адаптацию в стране.

2) Трудовые эмигранты. Представителей трудовой эмиграции отличают два важнейших свойства — их невысокий, в отличие от всех прочих категорий эмигрантов, социальный статус, а также массовость. Такая эмиграция не может однозначно быть определена как вынужденная или добровольная — зачастую трудовые эмигранты не порывали с родиной окончательно и, в силу разных причин, возвращались обратно. Поэтому имеет смысл говорить о временной и постоянной трудовой эмиграции, в зависимости от времени пребывания такого эмигранта за границей. Массовость трудовой эмиграции, особенности менталитета её представителей обусловили, с одной стороны, её обезличенность. С другой стороны, трудовая эмиграция оставила после себя крайне небольшое количество источников личного происхождения, что, заметно сужая источниковую базу, затрудняет исследование социокультурной адаптации трудовых мигрантов.

3) Религиозные эмигранты. Эмиграцию этого типа также отличал вынужденный характер, притом не в меньшей, а иногда даже в большей степени, чем у политической эмиграции. Российские подданные становились религиозными эмигрантами вследствие довольно жёсткой религиозной политики Санкт-Петербурга в отношении религиозных меньшинств, в первую очередь — иудеев и членов религиозных сект (как правило, православного толка — толстовцев и духоборов). Итогом притеснений зачастую являлась высылка из страны с последующим лишением подданства, что делало положение религиозных эмигрантов весьма незавидным, но в то же время обеспечивало благожелательный и сочувственный приём в новой стране проживания. Англия нередко была для религиозных эмигрантов лишь перевалочным пунктом на пути в другую страну, тогда как те из эмигрантов,

что оставались жить в стране, были совсем немногочисленны. Вопрос о присутствии русских религиозных эмигрантов, безусловно, должен стать темой для отдельного исследования ввиду слабой изученности.

Путешественники формируют отдельную категорию: в неё включены российские подданные, добровольно приехавшие в Англию на более или менее продолжительный срок, или же навещавшие эту страну с высокой периодичностью. Их отъезд из России являлся добровольным и часто обуславливался внутренней потребностью, стремлением улучшить условия жизни, творчества, на некоторое время «отдохнуть» от российских реалий за счёт «смены обстановки». Имея средства для длительного пребывания за границей (и, соответственно, определённое положение в российском обществе), эти русские не считали возможным порвать со своей исторической родиной, избрав путь бесповоротной эмиграции. По этой причине они не рассматривались российскими властями как лица, преступившие закон, сохраняли российское подданство и статус-кво на родине, хотя спектр их отношения к российской действительности был весьма широк: от страстного патриотизма до откровенного неприятия существующего в России общественно-политического строя.

В Англии путешественники предпочитали наблюдать за общественной жизнью как бы со стороны и проявляли преимущественный интерес к духовной сфере, поскольку сами в большинстве своём были людьми искусства или общественными деятелями. Интересы определяли круг их английских знакомств и, соответственно, уровень их социокультурной адаптации, который был весьма высоким, но в то же время специфичным — в сравнении с тремя категориями эмигрантов. Не являясь эмигрантами в строгом значении слова, путешественники находились на периферии русской колонии.

Стоит назвать также сотрудников дипломатического корпуса, технических специалистов, командированных в Англию, студентов и т. д. Их опыт жизни в Англии представляется интересным, однако также стоящим особняком — не относясь к непосредственному предмету исследования данной диссертации, он останется за рамками данного диссертационного исследования.

Никакая классификация не является абсолютной. Е.П. Блаватская, основательница теософского учения, была вынуждена отказаться от российского подданства, чтобы принять американское гражданство — ещё до своего окончательного переезда в Лондон. До конца своей жизни Блаватская, де-юре являясь изменницей, оставалась страстной русской патриоткой и сторонницей официального самодержавия — в частности, она даже носила траур по убитому террористами Александру II. Таким образом, фактически сделавшись эмигранткой, утратившим

статус-кво на родине, Блатская по своим умонастроениям радикально отличалась от большинства представителей эмигрантской колонии. Надо отметить, что случаи добровольного отказа от российского подданства по причине принятия подданства другой страны были немногочисленны в эмигрантской колонии. Следует привести пример Николая Васильевича Чайковского и его супруги Варвары Александровны — эмигрировав в Соединённые Штаты в 1873 г., они приняли американское гражданство, которое сохранили во время последующих долгих лет жизни в Англии.

Процессы социокультурной адаптации русских эмигрантов, принадлежавших к одной группе, могли весьма различаться по целому ряду параметров. Политические эмигранты последней трети XIX в., как будет показано ниже, далеко не сразу начинали воспринимать Лондон как своё окончательное пристанище. В силу краткосрочности и нерегулярности визитов таких политических эмигрантов в Англию процесс их социокультурной адаптации, в сущности, немногим отличался от процесса адаптации, к примеру, туристов.

Многие из эмигрантов в разные периоды своей жизни могли представлять различные категории. К примеру, П.А. Кропоткин, ещё не сделавшись теоретиком анархизма, имел статус вполне благонадёжного подданного, когда в феврале 1872 г. выезжал за границу. Будучи секретарём отделения физической географии Русского Географического общества, он получил дозволение на выезд по линии Министерства внутренних дел, после чего на легальных основаниях уехал в четырёхнедельный заграничный отпуск как простой турист — из отпуска он вернулся с чемоданом, полным нелегальной литературы¹²⁶. Четырьмя годами позже, окончательно утвердившись в своих революционных, антиправительственных взглядах, он сумел нелегально и потому не без труда покинуть Россию уже в качестве политического эмигранта.

Таким образом, в диссертации объектом первостепенного, наиболее тщательного и всестороннего исследования является опыт политических эмигрантов. Религиозные эмигранты, в силу малочисленности, а также трудовые эмигранты, в силу своей обезличенности и малого количества источников, являются более проблемными объектами для изучения — и потому не рассматриваются в качестве приоритетных объектов исследования. В данной работе их адаптационный опыт будет разбираться лишь в качестве дополнительных примеров, призванных подчеркнуть общие закономерности. К параллельному опыту адаптации нескольких наиболее видных русских путешественников также предполагается обращаться лишь эпизодически — с целью выявления общего и частного в процессе адаптации эмигрантов разных категорий.

¹²⁶

Маркин В. А. Известный Кропоткин. С. 157, 162.

§ 4. Правовые аспекты эмиграции в Англию

При исследовании социокультурной адаптации русских в викторианской Англии последней трети XIX в. важно учитывать условия, при которых происходили: а) выезд русских подданных за пределы России; б) их въезд в Англию. Данные условия определялись, с одной стороны, той частью миграционного законодательства Российской империи, в котором регламентировался порядок выезда из страны, и, с другой стороны, миграционными законами Великобритании, регулирующими порядок въезда иностранных граждан в Англию. Анализ законодательства обеих стран необходим для понимания того, какие факторы влияли на формирование потоков русской эмиграции в Англию.

Прежде всего, необходимо рассмотреть иммиграционное законодательство Российской империи, чтобы лучше понять, какие социальные слои могли служить главными источниками эмиграции в Англию. Как отмечал В.М. Кабузан, в царской России не вёлся систематический учёт лиц, покидавших империю, более того — фактически отсутствовало какое-либо эмиграционное законодательство. Однако необходимо сразу же обозначить один важнейший принцип, заложенный в российских законах — эмиграция из страны считалась незаконной, подданным империи разрешался лишь временный выезд за рубеж¹²⁷.

Следует согласиться с В.М. Кабузаном в том, что о русском эмиграционном законодательстве можно говорить лишь с немалой долей условности. В русском законодательстве последней трети XIX в. никак не было сформулировано право подданных на изменение подданства вследствие эмиграции. Российские заграничные паспорта выдавались подданным с возвратом, что само по себе не подразумевало выезда за границу на постоянное место жительства.

Очевидно, что самовольный выход из российского подданства расценивался как одно из наиболее тяжких преступлений, за которое предусматривалось «лишение всех прав состояния и вечное из пределов государства изгнание, или, в случае добровольного потом возвращения в Россию, ссылка в Сибирь на поселение»¹²⁸. Впрочем, к столь тяжелому наказанию русские подданные могли быть приговорены и за простой отказ вернуться на родину, как это произошло, к примеру, в 1844 г. с М.А. Бакуниным и И.Г. Головиным, не пожелавшими вернуться в Россию из Парижа. Показательно, что после этого Головин, объявленный решением

¹²⁷ Кабузан В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996. С. 191.

¹²⁸ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. С. 341–342

Правительствующего Сената вне закона, счёл за лучшее перебраться в Англию и даже принять английское подданство, понимая, что ещё более сурового наказания за такой поступок уже не последует.

Согласно циркуляру Министерства внутренних дел от 18 августа 1877 г., лицам, оставившим российское подданство, был воспрещён обратный въезд в Россию на протяжении следующих 5 лет со дня их выезда за границу¹²⁹. Это важно учитывать при последующем исследовании структуры русской эмиграции в Англии.

Документом, необходимым для выезда за пределы Российской империи, являлся заграничный паспорт. Российское законодательство в категоричной форме устанавливало, что «без паспорта никто, ни по какой причине... из пределов Империи выпускаем быть не должен»¹³⁰. Как было отмечено выше, действие заграничных паспортов (а, соответственно, и сроки пребывания за границей) ограничивалось. Мера эта была введена в царствование императора Николая I, который, как и его отец, являлся сторонником ограничения права выезда своих подданных за рубеж. В 1834 г. был принят закон, согласно которому заграничный паспорт для дворян выдавался не более чем на 5 лет, для представителей других сословий – на 3 года. С 1851 г. закон был ещё более ужесточён, пребывание за границей сокращалось для дворян до 2 лет, для других сословий — до 1 года¹³¹. Впрочем, по воспоминаниям Н.А. Тучковой-Огарёвой, в годы «мрачного семилетия» прошение на выезд за границу даже на такой срок с лёгкостью могло встретить отказ: «В эту эпоху было решено русских не пускать за границу, кроме редких исключений, по очень серьезным болезням... В 1855 г., уже в царствование императора Александра II, эта строгость была отменена»¹³². Пятилетний срок «дозволенного пребывания всех вообще русских подданных за границей с узаконенным паспортом», установленный в начале правления Александра II, оставался без изменений на протяжении второй половины XIX столетия¹³³. Стремление к либерализации эмиграционного законодательства, хотя бы в декларативной форме, продемонстрировал и наследник Александра II — Александр III. 12 апреля 1881 г. в самом начале его царствования было объявлено императорское Высочайшее разрешение свободного въезда и выезда из России, согласно которому заграничный паспорт должен был выдаваться всем желающим в течение двух недель.

¹²⁹ Роговин Л. М. Устав о паспортах. С. 98.

¹³⁰ Там же. С. 102.

¹³¹ Матвиенко Н.О. Нормативные основы пересечения границы российскими подданными / Н. О. Матвиенко // Вестник Пермского университета. — 2011. — № 1(11). — С. 60.

¹³² Тучкова-Огарёва Н. А. Воспоминания. С. 37.

¹³³ Роговин Л. М. Устав о паспортах. С. 97.

Выдача заграничных паспортов лицам всех сословий производилась главными чиновными лицами губерний: генерал-губернатором, губернатором или градоначальником. Заграничные паспорта облагались сборами в казну. При Николае I этот сбор был невероятно высок — 250 рублей за каждое полугодие пользования паспортом. При Александре II размер пошлины был значительно снижен. В 1867 г. этот сбор составлял 5 рублей, а к началу XX в. — 15 рублей за каждое полугодие¹³⁴. Правительственные чиновники могли получить его совершенно бесплатно, а некоторые другие категории лиц (паломники, помещики, имеющие заграничные владения, студенты, семьи и прислуга чиновников, офицеры, едущие лечиться на воды) — по цене печати бланка¹³⁵.

Кроме того, в середине 1850-х годов было отменено и другое правило николаевской эпохи — о выдаче паспортов лишь после тоекратной публикации в газетах об отъезде. Отъезд за границу разрешался с 25 лет. Следует напомнить, что подданный, получивший паспорт, имел право жить по нему за границей в течение оговоренных законом 5 лет. Впрочем, российским подданным не воспрещалось оставаться за границей и на больший срок — если им не было получено от правительства предписания вернуться обратно. В случае превышения срока пребывания за границей подданные признавались безвестно отсутствующими. В этих случаях их имущество, находящееся в России, попадало под опеку¹³⁶.

Хотя эмиграция из страны была объявлена российским законодательством вне закона, в некоторых случаях царское правительство могло пойти навстречу людям, желавшим навсегда оставить родину. Вот два примера, напрямую относящиеся к англо-русским отношениям.

8 мая 1892 г. были утверждены «Правила для деятельности в России акционерного Еврейского колонизационного общества», учрежденного годом ранее в Лондоне бароном Морисом де Гиршем с целью способствовать эмиграции евреев из стран, где они подвергались преследованиям или ограничениям. Согласно «Правилам», Обществу разрешалось создавать в России комитеты с целью способствовать переселению российских евреев в другие страны. Также эти «Правила», по сути, дали евреям право официально уезжать из страны. Евреи, пожелавшие воспользоваться этим правом по программе Колонизационного общества, получали особое выходное свидетельство. После пересечения российской границы по этому документу они признавались навсегда покинувшими пределы России. Многие из русских

¹³⁴ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. С. 342; Матвиенко Н.О. Нормативные основы пересечения границы российскими подданными. С. 59.

¹³⁵ Носырев И. Ограниченные родиной. Русские вояжи в прошлые века [Электронный ресурс] / И. Носырев // The New Times. — 2010. — № 33. — URL: <http://maxpark.com/user/2878057251/content/541305> (дата обращения: 20.08.2017).

¹³⁶ Роговин. Устав о паспортах. С. 97; Градовский А.Д. Начала русского государственного права. С. 342; Абрамович К. Устав о паспортах. С. 141.

евреев, сумевших таким образом эмигрировать из империи, в дальнейшем селились в Лондоне. По подсчётам Чарльза Бута, в начале 1890-х годов в Ист-Энде проживало порядка 45 тысяч евреев, притом 2/3 их было сосредоточено в Уайтчапеле¹³⁷.

Кроме того, в 1898 г. царское правительство по просьбе Л.Н. Толстого дало разрешение на получение загранпаспортов кавказской общине духоборов, обязав членов этой секты, желавших эмигрировать из России, давать при выезде подписку о «невозвращении впредь в пределы империи»¹³⁸. Предполагалось, что духоборы переселятся в Канаду, однако некоторые из них осели в Англии, где в конце XIX в. существовало немало толстовских колоний. Члены колонии в Перли, среди которых было немало русских эмигрантов, а также английские квакеры оказали духоборам значимую помощь в переселении в Канаду¹³⁹.

Все прочие эмигранты, желавшие покинуть Россию, могли рассчитывать в лучшем случае на получение бесплатных паспортов для выезда на сельскохозяйственные работы в Германию. Впрочем, русский подданный, готовый преступить закон ради эмиграции в Англию, мог, оказавшись за пределами России с таким бесплатным паспортом, затем на свой страх и риск пересечь несколько стран, после чего переплыть Ла-Манш. Многие, не имея возможности обратиться даже к такой схеме, выезжали из страны без разрешения, тайно переходя границу, зачастую подвергаясь бессовестной эксплуатации и поборам со стороны проводников¹⁴⁰.

В некоторых случаях царское правительство использовало высылку за границу как принудительную меру наказания за деятельность, которую считало нежелательной. В частности, друг Л.Н. Толстого, писатель П.А. Буланже, способствовавший принятию решения о высылке духоборов, ещё в 1897 г. был вынужден эмигрировать в Англию после того, как московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов, сославшись на решение высшего начальства, потребовал незамедлительного отъезда Буланже в бессрочную ссылку за границу¹⁴¹. В том же году в Англию без права возвращения были высланы два других друга Л.Н. Толстого П.И. Бирюков и В.Г. Чертков¹⁴². Последний, будучи ближайшим соратником великого русского писателя, в дальнейшем возглавил общину русских толстовцев в Британии.

Строгость российского законодательства, определявшего порядок выезда из страны, в некоторой степени компенсировалась либеральным характером английских законов,

¹³⁷ Gray D. D. London's Shadows. P. 88.

¹³⁸ Толстой Л. Н. Избранные письма 1882–99 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. — М.: Художественная литература, 1984. — 19 т. — С. 62.

¹³⁹ Подробнее см: Воробьев И. А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов // Вестник БФУ им. И. Канта. Гуманитарные науки. История. — 2011. — Вып. 6. — С. 143.

¹⁴⁰ Кабузан В. М. Русские в мире. С. 191.

¹⁴¹ Буланже Н. Крестный путь духоборов.

¹⁴² Буланже П.А. Толстой и Чертков.

регулирующих въезд иностранцев в страну. Бернард Портер, исследовавший миграционную политику викторианской Англии, полагал, что «британское правительство попросту не могло препятствовать въезду иммигрантов в страну, так как в стране отсутствовали законы, которые позволили бы ему это сделать»¹⁴³.

Английское миграционное законодательство изменялось под влиянием внешних факторов. Толчок к его появлению дала Великая Французская революция. Согласно закону 1793 г., власти оставляли за собой право депортировать иностранцев из страны за нарушение правил въезда и проживания, а также по специальному королевскому указу¹⁴⁴. Победа над Наполеоном дала стимул к постепенному смягчению законов и снятию ряда стеснительных ограничений для прибывших в страну иностранцев. Эта тенденция нашла отражение в «законах об иностранцах» 1826 и 1836 годов. Неизменным осталось положение предшествующих «Законов об иностранцах», обязывавшее капитанов британских судов, прибывающих в Англию из зарубежных портов, представлять письменные отчёты о наличии иностранцев на борту. Сразу же после высадки в английских портах иностранцы были обязаны пройти регистрацию у таможенного чиновника, во время которой им предписывалось предъявить паспорт или иной документ, удостоверяющий личность. Впрочем, в некоторых портах эти требования не всегда соблюдались добросовестно¹⁴⁵.

В то же время, в силу меняющейся обстановки на континенте, в британском кабинете периодически возникали инициативы ужесточения миграционного законодательства. В качестве примера можно привести инициативу кабинета Рассела, целью которой являлось ограничение потока нежелательной иммиграции в страну в связи с революционным всплеском 1848 г. Однако новый закон не применялся на практике и был отменён уже летом 1850 г., когда стало окончательно ясно, что революционная волна в Европе улеглась¹⁴⁶. Следующие полвека, ставшие временем относительной стабильности на континенте (за исключением франко-прусской войны), британское миграционное законодательство не претерпело изменений, оставаясь одним из наиболее либеральных в Европе.

Ещё в первой половине XIX в. Англия стала убежищем для многих изгнанников из разных стран, в том числе и для политических эмигрантов. С началом викторианской эпохи упрочилось представление об английском королевстве как одном из важнейших центров европейской политической эмиграции¹⁴⁷. На протяжении второй половины XIX в. британское миграционное

¹⁴³ Porter B. The refugee question in mid-Victorian politics. P. 44.

¹⁴⁴ An act for establishing regulations respecting aliens arriving in this kingdom. P. 33, 36–38.

¹⁴⁵ Henriques H. S. The law of aliens and naturalization. P. 12.

¹⁴⁶ Porter B. The refugee question in mid-Victorian politics. P. 86.

¹⁴⁷ Гросул В. Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. С. 439–440.

законодательство не менялось. Политические свободы и развитая общественная жизнь привлекали в Англию всё новых и новых эмигрантов. Не менее важным было и то обстоятельство, что Англия на протяжении XIX столетия предоставляла политическим изгнанникам высочайшую степень защиты, недостижимую в странах континентальной Европы¹⁴⁸. До начала XX в. власти этой страны не предпринимали серьёзных попыток ограничить въезд эмигрантов, хотя споры о пребывании на Британских островах «нежелательных иностранцев» время от времени возобновлялись в ходе парламентских прений. И всё же, вслед за Колином Холмсом, следует согласиться, что на протяжении большей части XIX в. въезд в Англию был практически неограниченным¹⁴⁹.

Принятие в 1905 г. очередного «Закона об иностранцах» выходит за хронологические рамки данного исследования, однако причины и предпосылки разработки нового законодательства, без сомнений, вызревали именно в последней трети XIX в. Небывалое увеличение в последнее десятилетие века числа въезжавших в страну иммигрантов (главным образом евреев из России и Восточной Европы) вызвало немалый резонанс в обществе, что, в конечном итоге, и подвигло кабинет министров начать работу над новым законопроектом.

Правовой статус русских эмигрантов, прибывавших в Англию, определялся «Актом о натурализации» 1870 г. Он содержал в себе нормы обычного права, ведущих начало со средних веков, и различал полноправных британских подданных и «иностранцев» («aliens»). К последним относились все подданные иностранных государств, находящиеся на территории Соединённого Королевства. Законодательство предоставляло им достаточно широкие права собственности: они могли приобретать, получать в дар, продавать и распоряжаться по своему усмотрению всеми видами недвижимости («real property») и личного имущества («personal property»). В то же время иностранцы не могли приобретать и наследовать земельную собственность, также им было запрещено занимать какую-либо из военных или гражданских должностей и принимать участие во всех видах выборов¹⁵⁰.

Существовала промежуточная категория между «иностранцами» и подданными — «денайзены». Публично-правовой термин «denization», не имеющий аналога в русском языке, также берёт своё начало в средневековой Англии. Словом «денайзен» обозначался иностранец, как правило, длительно проживающий на территории Англии и получивший от короля личные привилегии. Приобрести статус «денайзена» можно было, лишь направив особое письменное прошение к монарху. В случае удовлетворения прошения иностранец в дополнение к уже

¹⁴⁸ Bade K. J. Migration in European history. Oxford, 2003. P. 142.

¹⁴⁹ Holmes C. Introduction — A bibliographical and historical essay. P. xviii.

¹⁵⁰ Naturalization Act, 1870. P. 510–511.

имеющимся правам получал право приобретать земельную собственность, но без права наследования, которое являлось привилегией подданных¹⁵¹. Последний раз подобное прошение было удовлетворено в 1873 г. Таким образом, в последней трети XIX в. практика получения статуса «денайзена» окончательно сошла на нет. Нет никаких свидетельств о том, что кто-то из русских эмигрантов 1870–90-х годов обладал этим статусом.

По прошествии срока предварительного водворения, составлявшего 5 лет, эмигрант мог ходатайствовать о натурализации. Он мог получить от министра внутренних дел отказ, который уже не мог быть обжалован в дальнейшем. В случае утвердительного ответа иностранец получал сертификат о натурализации и становился полноправным британским подданным, обладавшим всей полнотой прав. Впрочем, в этом случае иностранец должен был отказаться от прежнего подданства, так как смешанное подданство британским законодательством не допускалось¹⁵². Примеры натурализации российских эмигрантов единичны. Помимо И.Г. Головина, о котором уже шла речь выше, не найдено пока ни одного свидетельства о принятии британского подданства русскими политическими эмигрантами.

Вопрос о принятии британского подданства русскими трудовыми эмигрантами представляется значительно более сложным. Данные переписей указывают на то, что проживавшие в Англии русские в большинстве своём не спешили расставаться с российским подданством. В подавляющем числе случаев они фигурируют в переписных листах как «российские подданные» («Russian subjects») или «иностранные подданные» («foreign subject»). Когда же русский эмигрант уже не имел российского подданства (например, был лишён его вследствие высылки из страны), в графе «Место рождения» после указания страны делалась пометка «exile» («изгнанник»), как в случае с В.Г. Чертковым, его супругой и 11-летним сыном Владимиром.

Факт натурализации, как правило, особо отмечался в переписных листах — бывшие российские подданные фигурируют в них как «Naturalized British Subject». Однако среди тех выходцев из России, чьи фамилии не имеют явного еврейского или польского происхождения, случаев натурализации практически нет. Одним из редких исключений является натурализация Александра Аслукова, 50-летнего (на момент переписи 1901 г.) торговца рыбой из Кингстон-апон-Холл. Аслуков, приехавший в Англию, видимо, в середине 1870-х годов, был женат на англичанке и имел от неё трёх сыновей Уильяма, Джона и Уолкера. Даже при такой успешной адаптации в стране решение о натурализации далось Аслукову нелегко — его новый статус был зафиксирован лишь переписью 1901 г.

¹⁵¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. С. 200.

¹⁵² Градовский А. Д. Начала русского государственного права. С. 438.

Таким образом, можно констатировать, что в последней трети XIX в. эмиграционное законодательство Российской империи, как и иммиграционное законодательство Великобритании, сложилось в своём окончательном виде, что позволило русским подданным, желавшим уехать в Англию, достаточно ясно представлять себе цепочку действий, необходимых для достижения цели. Последняя треть XIX в. стала временем окончательного формирования, а затем и закрепления опыта эмиграции русских в Англию. Стабильность и либерализм английского законодательства, предоставлявшего эмигрантам достаточно широкие права, наличие многочисленных положительных примеров и, что наиболее важно, постепенное складывание в Англии русской колонии сделали эмиграцию в эту страну всё более распространённым явлением.

Выводы:

История русской колонии в Англии в последней трети XIX в. включала периоды подъёма и упадка. Деятельное сотрудничество русских эмигрантов и английских общественных деятелей, а также наличие яркого лидера колонии, которым стал С.М. Степняк-Кравчинский, обусловили расцвет русской эмиграции в 1890-х годах.

Русская колония на протяжении всей последней трети XIX в. оставалась относительно малочисленной. Костяком русской колонии на протяжении всего описываемого периода выступали политические эмигранты; именно их связи в английском обществе, а также финансовые и организационные возможности являлись залогом развития колонии.

Либерализация российских законов о выезде за рубеж стала главной причиной значительного увеличения числа русских, покинувших родину. В свою очередь, либеральное английское миграционное законодательство позволяло всем категориям русских эмигрантов въезжать в страну и проживать в ней без каких-либо серьёзных ограничений.

Глава II. Повседневная жизнь русских эмигрантов в поздневикторианской Англии

§ 1. Жилищные условия русской эмиграции и основные районы её расселения

В силу достаточно узкой географии посещения русскими городов и графств Соединённого королевства знакомство с Англией для них чаще всего ограничивалось Лондоном и его пригородами. Реже русские совершали поездки в университетские центры — Оксфорд и Кембридж, а также промышленные города страны, однако местом постоянного проживания становилась именно столица и тяготевшие к ней небольшие города, которые, зачастую принадлежа к сопредельным графствам, де-факто уже являлись пригородами Лондона. По данным Бернарда Гейнера, с 1881 по 1905 год 60% въехавших в страну иностранцев осели именно там. Около 10% жили в Манчестере¹⁵³. А.Я. Киперман также полагает, что именно Лондон нужно считать главным и едва ли ни единственным центром русской эмиграции на Британских островах, потому как другие города Соединённого Королевства (Манчестер, Эдинбург и пр.) становились местом жительства русских лишь в единичных случаях¹⁵⁴. Даже имея некоторый опыт проживания в других городах, русские эмигранты (как, например, П.Д. Кропоткин) всё равно в итоге переселялись в столицу или же, во всяком случае, регулярно посещали её. Однако именно Лондону в правление королевы Виктории было суждено сделаться своеобразной узловой точкой русской колонии — его насыщенная общественно-политическая и культурная жизнь, а также огромный рынок труда влекли к себе русских эмигрантов всех мастей.

Предваряя обзор жилищных условий русской эмиграции в поздневикторианской Англии, необходимо выяснить, какова была стоимость жизни в британской столице описываемого периода.

Статья «Жизнь на гинею в неделю», опубликованная в 1888 г. в журнале «Девятнадцатый век», устанавливала планку недельного бюджета для не представителя среднего класса в одну гинею, т. е. 21 шиллинг¹⁵⁵. Тринадцатью годами позже Артур Моррисон, журналист, уделявший много времени исследованию жизни бедных кварталах Лондона, опубликовал в журнале «Корнхилл Мэгэзин» статью, в которой расписывался недельный бюджет в 30 шиллингов¹⁵⁶. Согласно этим источникам арендная плата за не слишком богатое жилище (как правило,

¹⁵³ Gainer B. Alien Invasion: Study of Jewish Immigration. P. 3.

¹⁵⁴ Киперман А. Я. Главные центры русской революционной эмиграции. С. 294, 295.

¹⁵⁵ Roberts W. Life on a Guinea a Week // The Nineteenth Century. — 1888. — Vol. 23. — March. — P. 464.

¹⁵⁶ Диттрич Т.В. Повседневная жизнь Викторианской Англии. С. 82.

комнату) составляла в конце 1880-х годов от 5,5 до 6 шиллингов еженедельно¹⁵⁷. Недельная арендная плата за половину дома в небогатом районе, в котором семья лондонского рабочего снимала три комнаты, составляла в 1901 г., по данным А. Моррисона, 7 шиллингов. Жильё такого рода могли позволить себе люди, чьи доходы не превышали 100 фунтов в год — такой уровень заработка не позволял рабочему считать себя представителем даже беднейших прослоек среднего класса.

Интересны данные Артура Шервелла, автора книги «Жизнь в Западном Лондоне», своего рода журналистского расследования, посвящённого жизни лондонских низов. Согласно этим данным, небогатая семья малоквалифицированного рабочего, ставшая объектом внимания Шервелла, имея в апреле 1895 г. недельный доход в 43 шиллинга и 9 пенсов, расходовала на аренду жилья 13 шиллингов в неделю (на деле же всего 11, так как 2 шиллинга из этой суммы шли в уплату долга за прошлую неделю)¹⁵⁸. Именно такие представители «низшего среднего класса», зарабатывающие 100–150 фунтов в год, писал журналист Дж. С. Лэйярд, живут в «тысячах аккуратных маленьких пригородных шестикомнатных домов, которые можно снять в аренду за еженедельную плату от 10 шиллингов до 12 шиллингов 6 пенсов»¹⁵⁹.

Представители высшего среднего класса и буржуазии могли рассчитывать на гораздо более комфортабельное жильё в центральных районах Лондона. По данным Святозара Чернова, в районе Бейкер-стрит, который считался довольно престижным, в начале 1880-х годов «гостиную со спальней можно было снять по цене от 15 до 30 шиллингов в неделю»¹⁶⁰. Средняя плата за жильё, которую в конце XIX в. вносили выходцы из зажиточных слоёв общества, могла достигать 2 фунтов стерлингов, т. е. 40 шиллингов в неделю. За такую плату, по данным журналиста Дж. С. Лэйярда, в 1888 г. можно было позволить себе «дом, расположенный... в весьма респектабельном, если не сказать фешенебельном районе. Он имеет небольшой садик сзади, и стоит в десяти ярдах от дороги. В доме имеется кухня, кладовые, а также комната для прислуги в подвале, с отдельным входом, столовая и гостиная на первом этаже, четыре больших спальни, две поменьше, гардеробная, а также ванная комната»¹⁶¹.

Вполне соответствуют приведённым выше цифрам данные из «Бытового руководства Кассела» за 1869 г., предлагавшего своим читателям росписи пяти годовых семейных бюджетов, начиная от 100 фунтов (т. е. порядка 40 шиллингов в неделю) и кончая 500 фунтами.

¹⁵⁷ Roberts W. Life on a Guinea a Week. P. 464.

¹⁵⁸ Sherwell A. Life in West London. P. 113.

¹⁵⁹ Layard G. S. Family budget. A lower-middle-class budget // Cornhill Magazine. — 1901. — Vol. 10. — January–June. — P. 658–659.

¹⁶⁰ Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. С. 25.

¹⁶¹ Layard G. S. How to live on 700 £ a year / G. S. Layard // The Nineteenth Century. — 1888. — Vol. 23. — February. — P. 241.

По мнению авторов, на съём жилья необходимо было закладывать 3/16 частей семейного бюджета, то есть порядка 20%. Так, в конце 1860-х годов недельная рента жилья составляла в среднем, в зависимости от дохода: 6 шиллингов и 6,5 пенсов (100 фунтов годового дохода), 13 шиллингов и 5,5 пенсов (200 фунтов годового дохода), 17 шиллингов и 8 пенсов (300 фунтов годового дохода), 19 шиллингов и 3 пенса (400 фунтов годового дохода), 24 шиллинга и полпенса (500 фунтов годового дохода)¹⁶². Важно учитывать то, что в «Бытовом руководстве Касселла» описываются примерные расходы для семей, состоящих из пяти человек — двух родителей и трех детей.

Переиздание «Бытового руководства», предпринятое в 1881 г., отмечает рост арендной платы на 15-20% для наиболее обеспеченных семей (400 и 500 фунтов годового дохода), и в то же время снижение цен на жильё для менее состоятельных семей (в частности, снижение годовой ренты с 46 до 40 фунтов в бюджете семей, имевших годовой доход в 300 фунтов). Составители полагали, что у семьи из пяти человек, обладающей достаточным заработком (от 300, 400 и 500 фунтов в год), на аренду жилья, сопутствующие налоги (а также транспортные расходы главы семейства) будет уходить примерно одна пятая часть семейного бюджета. Впрочем, собственно плата за жильё составляла лишь четверть от этой суммы — то есть около 16, 21 и 27 шиллингов для трёх упомянутых семейных бюджетов — и обычно не превышала 10% от годового дохода семьи¹⁶³. Впрочем, авторы «Руководства» признавали, что эти суммы могут очень серьёзно варьироваться в зависимости от района города¹⁶⁴.

Видимо, снижение арендной платы можно объяснить процессами дефляции в английской экономике, а также появлением большего количества дешёвого жилья вследствие бурной урбанизации. Однако такое снижение цен имело место далеко не во всех районах Лондона. К примеру, в трёх восточных боро Лондона, где проживало подавляющее число русских трудовых эмигрантов, арендные ставки демонстрировали устойчивую тенденцию роста. В 1880-х годах, когда была отмечено снижение цен на жильё в Западном Лондоне, в восточных боро стоимость аренды возросла более чем на 11%. В период только с 1890 по 1912 цены на жильё выросли на 15% в Вест-Хэме, а в Степни — на 25% (при том, что в среднем стоимость аренды жилья выросла в Англии у Уэльсе в 1870–1910 гг. на 30%)¹⁶⁵.

¹⁶² Cassel's Household Guide: being A Complete Encyclopaedia of Domestic and Social Economy, and forming A Guide to Every Department of Practical Life. — L.: Cassell, Petter, and Galpin, 1869. — Vol. 1. — P. 3.

¹⁶³ Mitchell S. Daily Life in Victorian England. P. 30.

¹⁶⁴ Cassel's Household Guide to Every Department of Practical Life [Электронный ресурс]. — L.: Cassell, Petter, Galpin and Co., 1881 // Victorian London [сайт]. URL: <http://www.victorianlondon.org/cassells/cassells.htm> (дата обращения: 20.08.2017)

¹⁶⁵ Ball M., Sunderland D. An economic history of London. P. 101; The Cambridge Social History of Britain. Vol. 1. P. 516; The Cambridge Social History of Britain. Vol. 2. P. 206.

Цены на жильё могли значительно различаться — даже в тех домах, которые находились в разной части одной и той же улицы, не говоря уже о квартале или районе. Фридрих Энгельс, переехавший в конце 1894 г. из дома №122 по Риджентс-парк-роуд в дом №41 («на 500 шагов ближе к городу»), писал, что стал платить за жильё 85 фунтов ежегодно против 60 фунтов, отдаваемых за аренду прежней квартиры (притом прежний квартиросъёмщик, врач, платил и того больше — 130 фунтов в год, т. е. около 50 шиллингов еженедельно). Сам Энгельс объяснял это тем, что «владелец дома живет в Ланкашире и хочет не вкладывать в дом деньги, а хоть что-нибудь извлекать из него»¹⁶⁶. Таким образом, не последнюю роль в процессе ценообразования играло положение дел у домовладельца, а также его личные отношения с квартиросъёмщиком — в том числе и этими факторами обуславливался весьма значительный разброс в ценах.

Как уже упоминалось, на стоимость жилья влиял район города, в котором находился дом. Как будет показано ниже, русские эмигранты, не имея в массе своей достаточных средств, на первых этапах жизни в Англии выбирали себе квартиры в далеко не самых престижных районах, расположенных на окраинах, а то и в предместьях Лондона, — это определяло невысокую арендную плату. Самые стеснённые в средствах эмигранты обычно снимали для себя одну комнату. Имея возможность осуществлять съём жилища вскладчину или же обладая достаточными финансами (что являлось итогом длительной и вполне успешной социокультурной адаптации), они предпочитали снимать дом целиком (т.е. 4–6 комнат).

Цена на жильё в восточных лондонских боро, не смотря на произошедший в конце столетия рост, по-прежнему оставались одними из наиболее низких в столице. Трудовые эмигранты, зачастую покидая Россию в потоке еврейской эмиграции, по инерции селилась в Ист-Энде, где и сосредоточился массив крайне небогатых русскоязычных выходцев из России. Ист-Энд, ещё со времён Диккенса имевший крайне неблагоприятную репутацию, представлялся лондонцам средоточием пороков и местом обитания отбросов общества. По этой причине политические эмигранты, подбирая себе жильё, всеми силами избегали Ист-Энда, предпочитая селиться в Западном Лондоне: среди представителей среднего класса, чей жизненный уклад которых был ближе и куда приятнее социальных низов¹⁶⁷.

Оценивая успешность социокультурной адаптации русских эмигрантов, необходимо принимать во внимание совокупность факторов, немаловажными из которых являются стоимость их квартир, а также их размещение на карте Лондона.

¹⁶⁶ Фридрих Энгельс — Герману Энгельсу. 12 января 1895 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание: в 39 т. — М.: Издательство политической литературы, 1966. — 39 т. — С. 314.

¹⁶⁷ Service R. Russian Marxism and its London Colony before the October 1917 Revolution. P. 360.

Викторианскому Лондону было свойственно довольно частое перемещение квартиросъёмщиков из одного жилья в другое, что обуславливалось нерегулярностью заработков: увеличение или уменьшение доходов автоматически влекло за собой и смену квартиры. Частые переезды в более дешёвые квартиры, в случае нестабильных доходов, или, напротив, в более престижное жильё, при условии успешной адаптации, были присущи и подавляющей части эмигрантов из России.

Оценить престижность районов, в которых селились эмигранты, и степень благополучия социальной обстановки можно, проанализировав данные т. н. «карт бедности» Чарльза Бута. Как уже было пояснено во введении, Бут, в соответствии с собранной статистикой, разделил жилые дома Лондона на семь категорий, а затем промаркировал их на карте соответствующими цветами (см. Приложение А, Рисунок 2).

Жильцы домов трёх первых категорий относились к беднейшим слоям населения. Дома, покрашенные чёрным цветом, населяли чернорабочие, безработные и асоциальные элементы. В промаркированных тёмно-синим цветом домах жили поденщики, имевшие лишь непостоянную, сезонную работу. Наконец, покрашенные голубым цветом дома занимали семьи низкоквалифицированных рабочих, имевшие недельный доход в 18–21 шиллинг (то есть 50–55 фунтов в год) — это была верхняя «граница бедности».

Следующие три цвета представляли средний класс. Дома «низшего среднего класса» маркировались фиолетовым цветом — доход семей, проживавших в них, составлял порядка 22–30 шиллингов в неделю (примерно 55–80 фунтов в год). В домах, покрашенных розовым цветом, селились представители зажиточного среднего класса, а также мелкой буржуазии, доход которых (150–200 фунтов стерлингов ежегодно, что соответствовало 58–77 шиллингам еженедельно) позволяли держать одного слугу. Красный цвет обозначал дома представителей «высшего среднего класса», имевших годовой доход примерно в 300 фунтов и державших слугу и няню. Последним цветом, жёлтым, маркировались дома, в которых проживали представители лондонского высшего общества¹⁶⁸.

Оценка домов, в которых снимали квартиры русские эмигранты, по «цветовой шкале» Чарльза Бута должна помочь значительно лучше понять условия и динамику социокультурной адаптации русских эмигрантов.

Изучение жилищных условий русской эмиграции и географии «русского Лондона» представляется наиболее целесообразным осуществить прежде всего на примере крупнейших

¹⁶⁸ Mitchell S. Daily Life in Victorian England. P. 32; Vaughan L. The spatial form of poverty in Charles Booth's London. P. 234.

представителей русской политической эмиграции — состояние источников позволяет максимально полно определить список их английских адресов. Интересным представляется также и опыт некоторых путешественников. Очевидно, что их адаптация не носила столь же экстремального характера, как и у представителей политической эмиграции. Однако даже мягкие, щадящие условия приспособления к английским реалиям, обуславливаемые хорошим состоянием финансов путешественников, являются важным слагаемым в общей сумме процессов социокультурной адаптации членов русской колонии. Важно охарактеризовать и жилищные условия представителей трудовой эмиграции — однако состояние источников не позволяет сделать это столь же детально.

Выявленные в данном исследовании адреса легче всего представить в наглядной форме — нанесёнными на карту Лондона конца XIX столетия (см. Приложение А, Рисунок 3). Кроме того, они перечислены в сравнительной хронологической таблице, которая позволяет отследить смену эмигрантами мест проживания (см. Приложение А, Рисунок 4).

Одним из первых русских политических эмигрантов последней трети XIX в., осевших в Англии на более или менее длительное время, стал Герман Лопатин. Он впервые прибыл на Британские острова в июне 1870 г., его эмиграция была вынужденной и поспешной, в силу чего первоначальное положение политического изгнанника было достаточно стеснённым. О его неважном финансовом положении Лопатина может свидетельствовать хотя бы тот факт, что, ожидая парохода в Англию, он прогуливался по морскому берегу, искал и съедал ракушки, чтобы сэкономить на обеде, который должен был состояться уже за Ла-Маншем. В Англии Лопатин первое время проживал в приморском городке Брайтоне, однако уже 2 июля, имея при себе рекомендацию от Поля Лафарга, отправился в Лондон к Карлу Марксу¹⁶⁹.

Знакомство с Марксом и его супругой Женни фон Вестфален явилось большой удачей для Лопатина. Супружеская пара отнеслась к русскому эмигранту с невероятным радушием. Жена Маркса, по воспоминаниям Лопатина, объявила, «что она сочтёт себя обиженной, если, приехав в Лондон, я вздумаю остановиться в отеле: что в их доме я всегда найду для себя отдельную комнату»¹⁷⁰.

Но, по-видимому, Лопатин не злоупотреблял гостеприимством семьи Маркса — во всяком случае, в июле 1870 г. он снял в Лондоне комнату в доме по Торнхилл-стрит (10, Thornhill Street). Эта улица находилась в Излингтоне, достаточно бедном районе Лондона, и съём квартир в расположенных на ней домах был относительно недорог — на «карте бедности» Бута дом Лопатина промаркирован розовым цветом. Позже, в конце 1873 г., Лопатин рекомендовал

¹⁶⁹ Антонов В.Ф. Русский друг Маркса. С. 31.

¹⁷⁰ Лавров. Годы эмиграции. Лавров и Лопатин. С. 8.

снять именно эту комнату переезжавшему в Лондон В.Н. Смирнову, ближайшему соратнику П.Л. Лаврова по редакции «Вперёд!». «Это не бог знает, как далеко от Британского музея и других интересных для Вас мест, а также и от рабочих кварталов. Комната не ахти какая, окошко выходит во двор и на конюшни», - так описывал Лопатин квартиру, добавляя, что хозяйка готова брать с «аккуратного в расплате» и «неприхотливого» квартиросъёмщика 12–14 шиллингов в неделю¹⁷¹.

Г.А. Лопатин во время пребывания в Лондоне в 1870 г. довольно красноречиво отзывался о своём существовании в британской столице: «Уклоняюсь от ответа на Ваш вопрос: «как мне живётся в Лондоне?», - из опасения оскорбить Ваш слух градом «скверноматерных» слов»¹⁷². Эмигранту приходилось выживать в режиме жёсткой экономии. В декабре 1873 г. Лопатин сообщал цены на жильё в Лондоне П.Л. Лаврову, надумавшему перенести издание «Вперёд!» в Англию: «Средняя цена домов в той местности, где живут Марксы, колеблется между 30 и 40 фунтами в год (*т. е. примерно 12–17 шиллингов в неделю*), считая и налоги. Но миссис Маркс видела дома и в 25 ф. в год (*т. е. примерно 10,5 шиллингов в неделю*), конечно, в закоулках более глухих, чем их вилла. Эти сравнительно дешёвые домики имеют также три этажа или, лучше сказать, - четыре, если считать и нижний этаж»¹⁷³. Судя по всему, такой вариант вполне устраивал Лаврова, писавшему в ответ, что готов тратить еженедельно на квартиру, пищу, отопление и освещение до 30 шиллингов в неделю¹⁷⁴.

В самом деле, район, прилегавший к Мейтленд-роуд, где с 1864 г. проживала семья К. Маркса, считался достаточно фешенебельным, а их дом, по утверждению его биографа Роберта Пэйна, «производил впечатление сытого достатка. Такой дом мог принадлежать доктору, мировому судье или бизнесмену, работающему в Сити»¹⁷⁵. Для сотрудников Лаврова такие условия были неподъёмными с финансовой точки зрения. В итоге коллективом было решено пренебречь рекомендациями Лопатина, и в марте 1874 г., приехав в Лондон, П.Л. Лавров снял дом №20 по Морэй-роуд (20, Moray Road). Именно здесь, на северной окраине Лондона недалеко от парка Финсбери на значительном расстоянии как от виллы Марксов, так и бывшей квартиры Лопатина на Торнхилл-стрит, типография Лаврова находилась всё время своего существования, периодически меняя адреса.

¹⁷¹ Там же. С. 62.

¹⁷² Там же. С. 32.

¹⁷³ Там же. С. 62.

¹⁷⁴ Там же. С. 69.

¹⁷⁵ Цит. по: Норт Г. Марксова религия революции. Возрождение через хаос. Екатеринбург: Екатеринбург, 1994. — С. 53.

«Место тихое, но в двух шагах торговые и оживлённые линии, все хозяйственные удобства... Домик совсем ничего себе, даже очень приличный», — так описывал своё новое жилище сам Лавров¹⁷⁶. Это был классический лондонский дом, включавший четыре этажа (в том числе один нижний, полуподвальный этаж). На всех этажах имелось всего по две комнаты: одна — окнами на улицу, другая — окнами в сад во дворе. Освещение в доме было газовым — в каждой комнате вечерами зажигался газовый рожок. В комнате на верхнем этаже были расположены наборные кассы. Лавров занял комнату во втором этаже, окнами в сад. Двери дома на Морэй-роуд всегда были открыты для русских эмигрантов, не имевших прибежища в Лондоне. В частности, здесь одно время проживали Г.А. Лопатин и П.Н. Ткачёв. Лавров не считал зазорным предоставлять приют и тем эмигрантам, которые не имели отношения к его издательским интересам и к революционной деятельности в целом.

В мае 1875 г. издательство переехало на соседнюю улицу, на Эвершот-роуд (3, Evershot Road). И здесь на каждом этаже было только по две комнаты: окнами в сад и окнами на улицу. Дом был теснее прежнего, зато его аренда обходилась несколько дешевле. В соседнем переулке, застроенном сараями и конюшнями, было нанято подсобное помещение с верхним освещением — застекленной частью потолка. В этом сарае и были поставлены наборные кассы, для которых в доме уже просто не нашлось места. В мае 1876 г. редакция разместилась в ещё более дешёвой в плане оплаты квартире по Фонтхилл-роуд (57, Fonthill Road), находившейся всё в том же районе¹⁷⁷. Ни один из домов, где Лавров с редакцией снимали квартиру, не отмечен на «карте бедности» — кварталы близ Финсбери-парка находятся за её пределами, однако можно предполагать, что этот дом был промаркирован фиолетовым цветом, как и большая часть находившихся в этом районе.

Разногласия со Смирновым вынудили Лаврова в январе 1877 г. покинуть квартиру, которую занимала редакция «Вперёд!». Денег хватило лишь на то, чтобы снять комнату, зато в районе, на порядок более престижном — в центре Лондона, на Альфред-плэйс (21, Alfred Place), всего в нескольких минутах ходьбы от Британского музея (этот дом отмечен на «карте бедности» Бута уже розовым цветом). Судя по всему, с поиском жилья Лаврову помог проживавший на этой же улице Уильям Рольстон, видный пропагандист русской литературы и «руссофил», с которым Пётр Лаврович находился в дружеских отношениях. Чтобы переехать, не обременяя себя новыми долгами, Лавров заложил в ломбард последние символы благополучия — серебряные ложки и медвежью шубу. Лаврову пришлось также временно согласиться на

¹⁷⁶ Лавров. Годы эмиграции. Лавров и Лопатин. С. 112.

¹⁷⁷ Романюк С. К. Русский Лондон. С. 157; Young S. J. Russians in London and Jewish Radicals [Электронный ресурс] // Lecturer in Russian at School of Slavonic and East European Studies [Сайт]. URL: <http://sarahjyoung.com/site/2011/01/23/russians-in-london-russian-and-jewish-radicals/> (дата обращения: 20.08.2017)

пособие, предложенное ему редакцией «Вперёд!» — оно составляло четыре фунта в месяц¹⁷⁸. По сути, эти деньги являлись основным источником его существования. Безденежье и одиночество, которые лишь отчасти компенсировались возможностью регулярно и помногу работать в читальном зале Британского музея, вынудили Лаврова в первой половине мая 1877 г. покинуть Лондон и перебраться в Париж.

В середине февраля 1882 г., когда возникла угроза его высылки из Франции, Лавров вновь покинул Париж и перебрался в Лондон. Он поселился в меблированных комнатах на Альфред-сквер, сменив только номер дома (13, Alfred Place)¹⁷⁹. Этот дом также был отмечен Чарльзом Бутом розовым цветом. «У меня весьма просторная комната на солнце и на двор, на одной из самых тихих, хотя и центральных улиц Лондона»¹⁸⁰, — так описывал свою новую лондонскую квартиру Лавров. Это был его последний визит в британскую столицу — уже в мае Пётр Лаврович смог вернуться в Париж.

В своё последнее посещение Лондона Лавров отмечал, что неподалёку от него, на Бедфорд-сквер, снимал квартиру Л.Н. Гартман. Этот народоволец уже имел опыт проживания в Англии — он находился в Лондоне часть лета и почти всю осень 1880 г. Следующий год он провёл, живя попеременно то в Нью-Йорке, то в Лондоне. Неизвестно, в какой части Лондона эмигрант снимал квартиру в 1880 году. Находясь в Лондоне, Гартман вел через подставные адреса обширную переписку с Исполнительным Комитетом «Народной Воли». Одно из писем, в частности, содержит два таких зашифрованных лондонских адреса — 130, Crownfield Road, Stratford и 11, Clarence Street, Essex Road¹⁸¹. Дома, расположенные по этим адресам, находились на значительном удалении друг от друга, в северо-западной и северо-восточной частях Лондона соответственно — едва ли эти адреса могут как-то указать на фактическое место проживания Льва Гартмана.

В 1876 г. в Англии оказался П.А. Кропоткин. Как уже указывалось, он, в отличие от большей части русских эмигрантов прошлого и будущего, первоначально устроился не в Лондоне или его окрестностях. Высадившись в порту Гулле, Пётр Алексеевич отправился в Эдинбург, «поселившись в маленькой комнатке в предместье столицы Шотландии»¹⁸². Несколько недель спустя Кропоткин перебрался в Лондон, надеясь найти в столице Англии более прибыльную работу. Однако его ждало разочарование: «Нигде жизнь эмигранта не бывает так тяжела, как в Лондоне. Когда человек обживётся, найдёт постоянный заработок,

¹⁷⁸ Тхоржевский С. Испытание воли [Электронный ресурс].

¹⁷⁹ У. Рольстон — А. Ф. Онегину. 30 мая 1882 // Алексеев М.П., Левин Ю.Д. Вильям Рольстон. С. 248

¹⁸⁰ Тхоржевский С. Испытание воли [Электронный ресурс].

¹⁸¹ Синельников А.В. Шифры и революционеры России [Электронный ресурс] // Политазбука [сайт]. URL: <http://politazbuka.info/biblioteka/istoriya/438-sinelnikov-av-shifry-i-revolucionery-rossii.html> (дата обращения: 20.08.2017)

¹⁸² Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 372.

тогда он может даже полюбить Лондон за независимость жизни и за относительную свободу»¹⁸³. По мнению Кропоткина, именно осознанная адаптация являлась главным условием дальнейшего пребывания в Англии.

В Лондоне Кропоткину так и не удалось найти устраивающей его работы. Лавров с сотрудниками редакции «Вперед», к тому моменту находясь на грани разрыва, не сумели или не сочли нужным поддержать Кропоткина, поэтому уже в январе 1877 г. он перебрался в Швейцарию, где заграничные друзья подыскивали для него постоянную работу.

Следующий раз П.А. Кропоткин приехал в Лондон в июле 1881 г. для участия в Конгрессе анархистов. На этот раз его визит в Англию был еще более непродолжительным, и он провёл там всего несколько недель, которые потратил, в частности, на написание серии статей в «Ньюкасл кроникл». Однако осенью того же года, после изгнания из Швейцарии, Кропоткин вновь перебрался в Англию и прожил в Лондоне некоторое время. Он поселился у своего друга в доме на «скверного вида маленькой улице в Ислингтоне»¹⁸⁴. В 1882 г. Кропоткин счёл за лучшее покинуть шумный Лондон — он прожил какое-то время в Глазго (1, Argyle Terrace), периодически навещаясь в Эдинбург, а в начале августа переехал в Кемптаун, близ Брайтона (3, Arundel Street). «Мы теперь на берегу моря, на границе предместья Брайтона и полей», — делился Кропоткин впечатлениями в письме Лаврову. — Место очень хорошее, хотя, конечно, не заменит мне Швейцарии»¹⁸⁵.

Осенью 1882 г. супруги вновь покинули страну. Кропоткин с супругой окончательно переселились в Англию лишь в конце марта 1886 г. Первое время они жили в доме С.М. Степняка-Кравчинского, однако затем сумели найти подходящую квартиру на Альма-сквер (12, Alma Square), рядом с домом, где несколькими месяцами ранее также проживал Степняк-Кравчинский (об этом будет сказано далее). Жизнь в шумной столице не пришлась Кропоткину по вкусу, да и снимать жилье в этой части города было накладно — на «карте бедности» Чарльза Бута дом Кропоткиных отмечен красным цветом. Поэтому уже в мае 1886 г. Кропоткины подыскивали «маленький и дешевый (10 sh. 6 d. в неделю)» домик на Роксборо-роуд (17, Roxborough Road), в Харроу на Холме, к северо-западу от Лондона¹⁸⁶. Кропоткин остался верен себе, подбирая жилье в дальних предместьях столицы — и тем самым невольно подтверждавшего теорию А. Лоуренса, полагавшего, что решение жилищной проблемы

¹⁸³ Там же. С. 373.

¹⁸⁴ Там же. С. 451–453.

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 37, 39, 39 об.

¹⁸⁶ Там же. Л. 55, 56 об.

«сегодня лежит в Ист-Хэме, Кройдоне и Харроу»¹⁸⁷. «Мы поселились в маленьком коттедже в Харро, под Лондоном, — вспоминал Кропоткин. — Меблировка нас мало заботила. Значительную часть её мы смастерили с Чайковским... Мы с женой были также очень рады, что при доме оказался клочок земли. Хотя то была тяжёлая мидльсекская глина, но мы с большим увлечением стали огородничать и получали великолепные результаты»¹⁸⁸. По-видимому, Кропоткину нравилось жить в столичном пригороде: удаленность от города вполне компенсировалась невысокой стоимостью аренды, а также «преудобным» транспортным сообщением. «Мы в 5 минутах от станции Metropolitan, которая проведена теперь до Pinner'a. Двадцать пять минут езды до Baker Street, а с Baker Street — всюду ход есть», — сообщал Пётр Алексеевич в письме Лаврову¹⁸⁹.

Неважное состояние здоровья вынуждало Петра Алексеевича периодически совершать выезды к морю, притом, по финансовым соображениям, часто без семьи. Так, в июле 1889 г. он гостил в Ливингтоне. «Живу растительною жизнью, у приятелей наших приятелей», — писал он Лаврову с побережья¹⁹⁰. Когда дела шли лучше, Кропоткины выбирались на курорт всей семьёй — так, большую часть июня 1891 г. они провели на острове Уайт.

Супруги прожили в Харроу несколько лет — в конце марта 1892 г. они покинули дом по Роксборо-роуд. «Наш дом в Нагтоу стал необитаем», — объяснял причину переезда сам Кропоткин в письме Лаврову. На непродолжительное время супруги вернулись в центр Лондона, сняв квартиру в доме близ Альфред-плейс (7, Northern Crescent, Alfred Place). На карте Бута этот дом отмечен розовым — очевидно, что аренда квартиры обходилась супругам значительно дороже, чем во времена жизни в Харроу. Пётр Алексеевич все эти дни работал над статьями, опубликованными затем в его рубрике в журнале «Девятнадцатый век», а также пытался подыскать новое, более подходящее жильё — непременно в предместьях. Поиски, впрочем, не увенчались успехом.

«Мы долго искали чего-нибудь дешевого в провинции, но бесплодно, и поселились здесь», — писал Кропоткин о доме № 13 по Вудхерст-роуд в Актоне (13, Woodhurst Road), который они с женой сняли в апреле. — «Есть хоть какая-нибудь прогулка, и к городу ближе. От русской колонии 20–30 минут ходьбы», — перечислял преимущества новой квартиры Кропоткин¹⁹¹. Судя по всему, данный вариант стал своего рода компромиссом для Кропоткина,

¹⁸⁷ Цит. по: The Cambridge Social History of Britain. Vol. 1. P. 517.

¹⁸⁸ Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 462.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 52.

¹⁹⁰ Там же. Л. 106.

¹⁹¹ Там же. Л. 150–150 об.

остававшегося убежденным сторонником загородной жизни. В этом доме, расположенном в западном предместье Лондона, супруги благополучно прожили почти два года.

Видимо, в 10-х числах ноября 1893 г. Кропоткин какое-то время гостил у одного из своих английских друзей в доме на улице Фрогнел (55, Froggnal), на северо-западной окраине Лондона — во всяком случае, накануне отъезда он указал именно этот адрес в письме Х.Р. Миллю, отметив, что «возвращается домой», на Вудхерст-роуд ¹⁹². Очевидно, что Пётр Алексеевич просто не мог одновременно с жильём на Вудхерст-роуд снимать вторую квартиру, к тому же явно недешёвую — дом по Фрогнел-стрит отмечен на «карте бедности» Бута жёлтым цветом, указывая на престижность района и высокую стоимость аренды. Тем не менее, это несоответствие не помешало С. К. Романюку указать дом №55 по Фрогнел-стрит в качестве «места жительства» Кропоткина — хотя представляется достаточно очевидным, что Пётр Алексеевич не проживал постоянно по этому адресу, указанному лишь в нескольких его ноябрьских письмах. Ссылаясь на Романюка, британская исследовательница Сара Дж. Янг в курсе лекций о русских эмигрантах также указала, что Кропоткин «недолго прожил» в доме по Фрогнел-стрит ¹⁹³.

Тем не менее в конце 1893 г. Кропоткин, по-видимому, уже занимался поиском нового дома. У Петра Алексеевича имелись определенные накопления, которые супруги решили потратить на улучшение жилищных условий. Летом 1894 г. он купил небольшой дом в Бромли, графство Кент, в 10 милях от Лондона. На первом этаже размещались кухня, столовая и комната для приема гостей. На втором этаже располагалась спальня супругов, комната их дочери, а также кабинет Кропоткина, притом стоявший в кабинете стол был сделан Петром Алексеевичем собственноручно ¹⁹⁴. Примечательно, что за домом имелся сад — в придачу к обязательному палисаднику. Этот достаточно скромный с виду коттедж, гордо именовавшийся «виллой Виола» (6, Crescent Road), пришёлся Кропоткиным по душе — супруги прожили в нем тринадцать лет. К сожалению, «вилла Виола», как и предыдущие дома Кропоткиных, не отмечена на «карте бедности» Бута.

Пожалуй, даже более ярким представителем русской колонии, чем князь-анархист (во всяком случае, до середины 1890-х годов), являлся С.М. Степняк-Кравчинский. В Англию он переехал 3 июля 1884 г. Уже 5 июля Кравчинский, которому друзья помогли снять комнату на Принс оф Уэльс-роуд (119, Prince of Whales road), писал жене в Швейцарию: «За квартиру

¹⁹² Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. С. 271.

¹⁹³ Романюк С. К. Русский Лондон. С. 158; Young S. J. Lenin in London: A Reply to Helen Rappaport [Электронный ресурс] // Lecturer in Russian at School of Slavonic and East European Studies [Сайт]. URL: <http://sarahjyoung.com/site/2011/02/27/lenin-in-london-a-reply-to-helen-rappaport/> (дата обращения: 20.08.2017).

¹⁹⁴ Пирумова Н. М. Пётр Алексеевич Кропоткин. С. 156.

плачу 9 sh в неделю с уборкой, чисткой сапог, горячей водой и жареньем мяса... По лондонским меркам не особенно дорого... Комната не дурная, с хорошим видом, высокая, но маленькая, с хорошей кроватью и ещё лучшей кушеткой»¹⁹⁵. Дом этот находился в относительно небогатом районе и был отмечен на карте Бута розовым цветом.

За последующие два года Степняк-Кравчинский успел сменить несколько квартир. Подкопив денег, он выслал некоторую сумму на билет до Лондона своей жене Фанни Марковне. С приездом Ф.М. Кравчинской в британскую столицу супругам пришлось подыскивать новое жилище — осенью 1884 г. они начали снимать квартиру на Регент-сквер (45, Regent Square), в доме, отмеченном Чарльзом Бутом розовым цветом. В начале декабря 1885 г. Кравчинские переехали на Альма-сквер (42, Alma Square). Судя по всему, плата за новую квартиру была довольно высока — как и бывший дом Кропоткиных, находившийся по соседству, он принадлежал к категории «красных» домов по классификации Бута. Фанни Марковна, успевшая к тому времени потратить некоторую сумму денег на покупку «фрухляди для новой квартиры», сразу же после переезда сетовала в своём дневнике: «Квартира слишком хороша для нас и требует больших затрат. Всё-то мы делаем не по-людски»¹⁹⁶. Вдобавок супругам пришлось жить под одной крышей с домохозяйкой, что, судя по всему, крайне нервировало Сергея Михайловича. Поэтому, встретив новый год «со своими гостями мирно у себя дома», уже в начале 1886 г. Кравчинские начали подыскивать новое жильё. Они сняли квартиру на Майтленд-парк-роуд (2, Maitland Park Road), в «розовом» доме, расположенном в престижном районе. Впрочем, с неё пришлось съехать уже в сентябре того же года по бытовым причинам. «Мы столкнулись с ирландской супружеской парой, — писал Степняк о домовладельцах, — которая буквально отравляла нам жизнь и заставляла терять страшно много времени нескончаемыми переделками в доме. Так что мы решили не иметь больше никаких домохозяек и наняли собственный домик»¹⁹⁷.

Этим домиком оказался коттедж на Грув-гарденс (13, Grove Gardens) в Энфилде, северном предместье Лондона, находящемся за пределами «карты бедности» Бута. Годы, прожитые в нём, стали эпохой относительной стабильности и даже благополучия для супругов Кравчинских. «Всё очень спокойно, тихо и обыденно», — писал Кравчинский в одном из писем весной 1887 г.¹⁹⁸ В заметке под названием «Нигилист у себя дома», опубликованной в 1898 г. в журнале «Санди таймс», корреспондент, побывавший в квартире у Степняка, описал вполне

¹⁹⁵ Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 322.

¹⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Ед. хр. 642. Л. 1,

¹⁹⁷ Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. С. 203.

¹⁹⁸ Там же. С. 211.

стандартную обстановку лондонской квартиры — гостиная и кабинет на первом этаже, спальни на втором этаже (дом на Грув-гарденс не имел мансардного этажа, лишь нежилой чердак), и кухня в подвале. Судя по всему, приготовлением пищи занималась лично Фанни Марковна, что позволяло супругам сэкономить на кухарке¹⁹⁹.

Летом 1889 г. в Лондон из Петербурга переехала Александра Марковна Личкус, приходившаяся жене Кравчинского сестрой. Она также поселилась в доме на Грув-гарденс. Как и сестра, Александра Марковна успела окончить в России медицинские курсы, однако в Англии по специальности не работала, предпочитая помогать Фанни Кравчинской по дому. На Грув-гарденс супружеская пара прожила до осени 1891 г., когда стало ясно, что платить дальше за этот довольно дорогой дом Кравчинский больше не в состоянии. Интересно, что решение о переезде было принято ещё в начале 1890 г. — в феврале Кравчинский написал о нём своему английскому другу Р. Спенс Уотсону²⁰⁰. По ряду причин переезд длительное время откладывался — супруги прожили в доме на Грув-гарденс до конца года, а в декабря 1890 г. Степняк вместе с Фанни Марковной отбыл в Соединённые Штаты, где осуществлял пропагандистскую деятельность, а также участвовал в создании американского филиала Общества друзей русской свободы. В Лондон супруги вернулись только в июне 1891 года. Всё это время их квартира на Грув-гарденс не пустовала — в ней жили Михаил Войнич и Феликс Волховской с дочерью Верой.

В конце августа 1891 г. Кравчинские переехали, как и планировали, на запад Лондона, в Бедфорд-парк. Первоначально пара поселилась на Блэндфорд-роуд (31, Blandford Road). Судя по всему, новое жильё пришлось Степняку-Кравчинскому вполне по вкусу. Сам район Бедфорд-парка он охарактеризовал в одном из писем как «премильную деревню». «Наш дом стоит на углу, — писал Сергей Михайлович, — кругом широкий зелёный простор; и у нас имеется комната для гостей»²⁰¹.

В 1894 г. Кравчинским пришлось переехать на соседнюю улицу — в дом на Вудсток-роуд (45, Woodstock Road). Это был последний лондонский адрес Сергея Кравчинского. Интересно, что в первой половине 1894 г., как уже указывалось, в нескольких кварталах к северо-западу от дома Кравчинских проживала чета Кропоткиных.

К сожалению, два последних адреса Кравчинского также нельзя отследить по «карте бедности» Чарльза Бута. Но, по-видимому, это был достаточно просторный дом, отвечавший уже успевшим сформироваться к тому времени запросам русского эмигранта. Корреспондент

¹⁹⁹ Нигилист у себя дома // Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. С. 363, 364.

²⁰⁰ Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. С. 279.

²⁰¹ Там же. С. 310.

«Монинг пост» так описал квартиру Кравчинского: «Они с женой построили быт в своём доме в Сэинт Джонс Вуд на истинно нигилистических началах. Одна половина дома была её, другая — его, также они держали общую комнату, служившую своего рода общим местом для встреч»²⁰².

23 декабря 1895 г. С.М. Степняк-Кравчинский погиб под колёсами паровоза на железнодорожных путях у станции Бедфорд-парк — он направлялся к Феликсу Волховскому в его дом на Райлент-кресент.

Достаточно частая смена Кравчинскими лондонских квартир чаще всего диктовалась финансовыми соображениями. Представляется очевидным, что к началу 1890-х годов С.М. Степняк-Кравчинский сумел достаточно успешно адаптироваться в Лондоне. Его биограф Евгения Таратута в работе «С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель» несколько тенденциозно представила читателям условия, в которых эмигрант жил в Лондоне. «Он умер, как и был, ступив на английскую землю, — бедняком», — так оценила исследовательница состояние дел революционера незадолго до его трагической жизни²⁰³.

Однако факты говорят скорее об обратном и не позволяют согласиться с выводами исследовательницы, приписывавшей своему герою едва ли не апостольскую бедность. За более чем 11 лет жизни в Лондоне С.М. Степняк-Кравчинский обзавёлся множеством знакомств и достойными, хотя и спорадическими, заработками. В середине 1890-х годов он являл собой пример одного из самых успешных представителей русской колонии. Его доходов хватало, чтобы обеспечивать жизнь не только себе, но и супруге и её сестре. Ещё одним своеобразным индикатором благополучия Кравчинского могут служить сведения о домашних животных, которых он держал у себя дома: в 1889 г. это была всего одна собака, в 1892 г. он писал в одном из писем уже о двух собаках, наконец, весной 1895 г. Вера Засулич упоминает трёх собак, а также «ангорскую, очень балованную кошку», живших в доме у Кравчинского²⁰⁴.

Судя по всему, достаток Кравчинского являлся важным условием для его признания в английском обществе. Благополучность эмигранта должна была продемонстрировать англичанам, что он не является маргиналом, а его «нигилизм» вовсе не обязательно должен вступать в противоречие с устоями и нормами, принятыми в зажиточных слоях общества. Кравчинскому поневоле пришлось вести образ жизни человека среднего достатка, дабы привлечь на свою сторону всё больше сторонников. Вера Засулич в письме Л.Г. Дейчу довольно правдоподобно описала цели и модель поведения Кравчинского. «Всё это надо

²⁰² РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Ед. хр. 584. Л. 45.

²⁰³ Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 322.

²⁰⁴ Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 1. С. 317.

поддерживать в чисто английском стиле, — писала она про «большую квартиру» Степняка, — чтобы было совсем «honorable», для приёма почтенных англичан». «Со всем этим, конечно, забот полон рот, — продолжала она, — надо массу зарабатывать, и делает он это со вкусом: чувствуется, что думает он так век свековать»²⁰⁵. Выводы Засулич подтверждал и Бернард Шоу: «Подобно большинству своих благовоспитанных друзей, он был слишком большим мастером в искусстве быть приятным»²⁰⁶.

Благополучие Кравчинского было не только и не столько причиной, но и следствием повышенного внимания к нему англичан. Помощь английских друзей являлась для Степняка важным подспорьем, делая его во многом фигурой исключительной в ряду прочих русских эмигрантов, чьё финансовое положение обычно оставляло желать лучшего. Именно поэтому опыт социокультурной адаптации С.М. Кравчинского, хоть и заключающий в себе немало общих черт и закономерностей, можно считать во многом уникальным. Будучи, по словам Вильгельма Либкнехта, «любимым детищем богатых людей»²⁰⁷, Степняк не просто являл идеальный образец собственной социокультурной адаптации – он достаточно охотно помогал адаптироваться прочим эмигрантам.

После гибели Степняка-Кравчинского Фанни Марковна, оставшаяся вдовой, оказалась в весьма тяжёлом положении, потому как, по словам близко знавшей её Веры Засулич, «прожила весь век без малейшей надобности о чём-нибудь думать и заботиться»²⁰⁸. Решив посвятить себя изданию сочинений мужа, она приступила к переводу на русский язык его неопубликованных работ. Однако ситуацию серьёзно омрачала ненависть Ф.М. Кравчинской к Фонду вольной русской прессы (данная организация, основанная при поддержке Кравчинского, будет описана ниже) и к Феликсу Волховскому, в частности. Тем не менее, вдова Степняка-Кравчинского получила помощь от английских друзей её мужа, собравших 200 фунтов стерлингов на издание его произведений, а также объявивших подписку для дальнейшего сбора средств. Оказывали ей помощь и прочие эмигранты, не связанные с Фондом — в частности, Вера Засулич и Пётр Кропоткин. Смерть Сергея Михайловича вынудила Фанни Марковну месяц спустя после похорон покинуть квартиру на Вудсток-роуд, оплачивать которую она не была в состоянии, и перебраться к своим знакомым Назарбекам, армянским социалистам-эмигрантам²⁰⁹. Какое-то время спустя, относительно оправившись после утраты, Ф.М. Кравчинская начала снимать скромную квартиру на Финчли-роуд (747B, Finchley Road), где хранила богатый архив мужа (на карте Чарльза Бута этот дом не отмечен). Тем не менее, деятельным членом русской колонии

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Прийма Ф. Забытая статья Бернарда Шоу о С. М. Степняке-Кравчинском. С. 166.

²⁰⁷ Цит. по: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 126.

²⁰⁸ Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 1. С. 414.

²⁰⁹ Там же. С. 340.

после гибели мужа она не являлась. Пытаясь скрасить одиночество, она взялась воспитывать дочку одного из членов эмигрантской колонии²¹⁰.

Неоднократно упоминаемый выше друг и соратник С.М. Кравчинского Феликс Волховский, к которому питала неприязнь Фанни Марковна, приехал в Лондон в июне 1890 г. по приглашению Степняка-Кравчинского — именно он, уже довольно успешно обосновавшийся к тому времени в британской столице, помог Феликсу Вадимовичу устроиться в городе на первое время. С декабря 1890 г. Волховский и вовсе почти полгода жил в квартире Степняка в Энфилде.

Зимой или весной 1891 г. Волховский познакомился с англичанкой, с которой у него завязались романтические отношения. Дважды вдовец, Феликс Владимирович не оставлял надежд найти счастье в семейной жизни. Однако по неизвестной причине отношения с этой женщиной, которую он уже «видел и чувствовал её в новой роли «the sunshine of our lives»», не получили развития, хотя Волховский даже успел снять хорошее жильё. В итоге в квартире на Мэрилебон-роуд (229, Marylebon Road) пришлось поселиться одному эмигранту с дочерью Верой²¹¹. Этот дом, находившийся на границе двух кварталов, благополучного и относительного небогатого, промаркирован на «карте бедности» Чарльза Бута красным цветом.

Снимать такое жильё оказалось эмигранту не по карману. Летом 1891 г., после возвращения Кравчинского из Америки, Феликс Волховский начал подыскивать себе новое жильё. Ему повезло — Эдуард Гарнетт, имевший связи в русской колонии, заметил бедственное положение Волховского и пригласил его с дочкой перебраться в коттедж на Хенхёрст-кросс, в графстве Суррей, где проживал он сам с супругой, Констанс Гарнетт. Судя по всему, Гарнетты не взымали с Феликса Вадимовича денежную плату за постой, однако тот охотно расплачивался за гостеприимство бесплатными уроками русского языка, которые давал Констанс, а затем и Оливии, сестре Эдуарда Гарнетта²¹².

В начале весны 1892 года у Гарнеттов родился сын, после чего дальнейшее пребывание Волховских в доме гостеприимных англичан стало затруднительным. Феликсу Вадимовичу пришлось снова подыскивать жильё. Он подобрал квартиру близ Бедфорд-парка (неподалёку от дома Степняка-Кравчинского на Блэндфорд-роуд и, видимо, не без его помощи) и уже летом 1892 г. принимал в ней Гарнеттов²¹³. Эту квартиру в «красном» доме по адресу Стэмфорд Брук-

²¹⁰ Майский И. М. Путешествие в прошлое. С. 121.

²¹¹ РГАЛИ Ф. 1158, Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 5, 6.

²¹² Moser T. C. An English Context for Conrad's Russian Characters. P. 5-6.

²¹³ Peaker C. Reading Revolution. P. 128.

роуд (4, Stamford Brook road) он снимал до осени 1894 года²¹⁴. Видимо, ещё до наступления 1895 года он подыскал поблизости новое жильё — в доме на Райлент-кресент (56, Rylett Crescent), в малозастроенном и не слишком богатом восточном предместье Шепердс Буш, буквально в десяти минутах ходьбы от нового дома Кравчинского на Вудсток-роуд. Квартира располагалась в типичном доме «ленточной» застройки, покрашенном на «карте бедности» розовым цветом. Владимир Бурцев писал, что у Феликса Вадимовича в Лондоне была «большая квартира, в несколько комнат» — судя по всему, у Волховского нашлось достаточно средств, чтобы снять оба этажа довольно скромного домика на углу улицы. Для эмигрантов, которым негде было остановиться в Лондоне, всегда были готовы свободные комнаты — Бурцев и сам «иногда оставался ночевать» у Волховского во время коротких визитов в Лондон²¹⁵. В этой квартире также проживал Е. Е. Лазарев, когда приезжал из Америки в Лондон для участия в делах Фонда вольной русской прессы.

Во второй половине 1890-х годов, вскоре после гибели Степняка-Кравчинского, Волховский вновь сменил адрес. Он вернулся в Энфилд, сняв квартиру в «розовом» доме на Ланкастер-роуд (176, Lancaster Road)²¹⁶. Впрочем, этот адрес также не стал для Волховского последним — до своей смерти в 1914 г. он сменил ещё несколько квартир, а последним местом его проживания стал дом на Кэлведон-роуд в районе Фулем (30, Arundel Mansions, Fulham Road)²¹⁷. На «карте бедности» этот дом, как и целый участок улицы, отсутствует — очевидно он был построен в начале XX столетия. Впрочем, район считался достаточно зажиточным ещё в конце XIX века — дома вокруг Кэлведон-роуд отмечены розовым.

В июле 1894 г. в Лондон приехали Г.В. Плеханов с супругой. Гонения, предпринятые против него и Веры Засулич властями Франции, а также запрет на проживание в Швейцарии вынудили его искать новое пристанище. Судя по всему, переезд в Лондон рассматривался им как шаг откровенно вынужденный. «Англия — это нищета, там можно умереть с голоду», — писал ещё в начале 1890-х годов Г.В. Плеханову Вильгельм Либкнехт²¹⁸. С.М. Ингерман в апреле 1894 г. также пытался отсоветовать Плеханову ехать в Лондон, подчёркивая в своём письме, что «Англия ни в коем случае для Вас не годится (ни своим климатом, ни условиями деятельности, ни возможностью устроиться)»²¹⁹. Однако планируемый переезд в США не

²¹⁴ Autograph letter signed ("F. Volkhovsky") [Электронный ресурс] URL: https://www.vialibri.net/item_pg_i/998825-1894-volkhovsky-feliks-russian-autograph-letter-signed-volkhovsky.htm (дата обращения: 20.08.2017).

²¹⁵ Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. С. 114.

²¹⁶ Volkhovskii, F. (Feliks), 1846–1914. Correspondence, 1878–1932. [Электронный ресурс] // MS Russ 51 (93). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. Sequence 17. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/21568689?n=17&printThumbnails=no> (дата обращения: 20.08.2017).

²¹⁷ Романюк С. К. Русский Лондон. С. 155.

²¹⁸ Цит. по: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 126.

²¹⁹ Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 1. С. 296.

состоялся, и Плехановым пришлось остановить свой выбор на Англии, тем более, что его, как и Феликса Волховского, настоятельно приглашал приехать Степняк-Кравчинский.

На первых порах супруги по рекомендации С.М. Степняка-Кравчинского поселились у немецкого социал-демократа, жившего в рабочем районе города. Лишь некоторое время спустя Плеханову удалось подыскать более удобное жилище. Со временем Плеханов привык к Лондону и даже полюбил британскую столицу за те широкие возможности, которые она предоставляла для общественной деятельности. Привык он также и к лондонскому климату, который ранее считал неприемлемым для своего шаткого здоровья. Однако супружеская пара начала испытывать финансовые трудности. Пример Плеханова может ещё раз проиллюстрировать тот разрыв в финансовом положении, который наблюдался между «старыми» представителями колонии, вроде Степняка-Кравчинского, и новыми эмигрантами, вынужденными считать буквально каждый пенни. Сумев при помощи друзей получить разрешение на проживании в Швейцарии, супруги покинули Англию в конце 1894 г. В следующий раз супруги прибыли в Лондон летом 1896 г., чтобы принять участие в Лондонском конгрессе II Интернационала.

Вера Засулич, также приехавшая в Лондон вместе с Плехановыми в июле 1894 г., некоторое время жила у Кравчинских, после чего переехала в дом на Регент-сквер — именно там десять лет назад снимал квартиру сам Сергей Михайлович. Сначала она снимала комнату в доме №2 (2, Regent Square), однако в конце марта 1895 г. была вынуждена съехать со всеми прочими жильцами — «хозяину дом понадобился». Новая квартира находилась на противоположной стороне Регент-сквер, в доме №46. «Совсем как моя и на 1 шиллинг дешевле», — отметила определённую выгоду от переезда сама Засулич в письме Г.В. Плеханову²²⁰. Оба этих дома, как и дом Кравчинского, промаркированы на «карте бедности» розовым цветом.

Неважное состояние финансов и значительные проблемы со здоровьем не могли не осложнить процесс адаптации Веры Засулич в Лондоне. В то же время ей невероятно помогли дружеские отношения, установленные с дочерью Карла Маркса Элеанорой Эвелинг и Фридрихом Энгельсом. Так, Энгельс снабжал Засулич деньгами (зачастую анонимно), а также организовывал её осмотры доктором. Кроме того, она всегда была желанным гостем в его доме, что позволяло ей время от времени экономить на питании. Элеанора Эвелинг раз в две недели давала Засулич 15 шиллингов, хотя эта сумма была, конечно, недостаточна — этих денег «не хватает при всём старании даже на неделю (с квартирой)», признавалась сама Вера Ивановна²²¹.

²²⁰ Там же. С. 322.

²²¹ Там же. С. 309.

Из этих слов можно сделать вывод, что комната, снимаемая Засулич, обходилась ей порядка 15-20 шиллингов в неделю. Первая же лондонская зима принесла ещё ряд трудностей, для решения которых также нужны были дополнительные траты: «Куплю себе даже стёганое пуховое одеяло, а то стало по ночам страшно холодно»²²².

Со своей хозяйкой Вера Засулич старалась поддерживать хорошие отношения и даже старалась «подкупать» её необычными почтовыми марками, присылать которые просила Плеханова²²³. Именно это обстоятельство позволило Засулич несколькими годами позже, в мае 1902 г., во время переезда редакции «Искры» в Лондон, снять пять комнат буквально в паре десятков метров, на Сидмаус-стрит (14, Sidmouth Street), правда, уже не в «розовом», а «фиолетовом» доме. «В другом-то нам не сдали бы, а тут моя старая хозяйка поручилась», — писала Вера Засулич Г.В. Плеханову, едва поселившись в новой квартире²²⁴.

29 марта 1897 года Вера Засулич покинула Лондон и переселилась в Цюрих.

Интересно отметить, что Вера Засулич снимала квартиры в Лондоне под именем Надежды Бельдинской²²⁵. Возможно, именно на имя Надежды Бельдинской был выписан заграничный паспорт, по которому Вера Ивановна въехала в Англию. Надо отметить, что такого рода конспирация была свойственна многим русским эмигрантам, покинувшим Россию по чужим или поддельным документам. Как уже говорилось, П.А. Кропоткин первое время жил в Эдинбурге под именем Александра Левашёва, используя его в том числе и как псевдоним для написания статей. Настоящую фамилию Кропоткин «вернул» себе лишь осенью 1877 г. в Бельгии, когда полиция этой страны установила его личность — ему даже угрожал арест за то, что он зарегистрировался в гостинице под чужой фамилией²²⁶.

В 1891 г. в Лондон прибыл Владимир Львович Бурцев. По приглашению Феликса Волховского он поселился на Грув-Гарденс, в квартире отсутствовавшего тогда в Англии Степняка-Кравчинского. С 1892 г. по 1894 г. Бурцев, периодически выезжая на континент, жил в Лондоне урывками, во временных квартирах. Он окончательно вернулся в Англию уже в 1894 г. по приглашению лидеров Фонда вольной русской прессы, о котором будет сказано отдельно. В Лондоне Бурцев нанял квартиру в благополучном районе, в промаркированном Бутом розовым цветом доме №16 по Весткрофт-сквер (16, Westcroft Square), неподалёку от домов Волховского и Степняка-Кравчинского. В 1895 г. он переселился в Вестминстер, в дом на

²²² Там же. С. 304.

²²³ Там же. С. 321.

²²⁴ Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 2. С. 350.

²²⁵ Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 1. С. 319.

²²⁶ Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 368, 394.

Франсис-стрит (24, Francis street), также закрашенный на карте Бута розовым²²⁷. В 1897 г. Бурцев вселился в новую квартиру на Графтон-стрит (70, Grafton Street), рядом с Гайд-парком, в фешенебельном районе Лондона — на «карте бедности» дом эмигранта закрашен красным цветом. Он был рестован детективами Скотланд-Ярда 16 декабря того же года в вестибюле Библиотеки Британского музея и в январе 1898 г. приговорён судом к 18 месяцам каторжных работ.

Бурцев освободился из тюрьмы в июле 1899 г. Тюремное заключение плохо сказалось на его здоровье, которое, как и у многих русских эмигрантов, было к тому же ослаблено лондонским климатом. По совету врачей Владимир Львович отправился на море, в Джерси, а затем в Монтрё. В январе 1901 г. Бурцев вернулся в Лондон, в свою старую квартиру на Графтон-стрит. В начале апреля он покинул Англию и уехал в Швейцарию, имея при себе значительную сумму денег из кассы Фонда вольной русской прессы²²⁸. Судя по всему, именно помощь Фонда и колонии политических эмигрантов позволила Бурцеву издавать свои журналы.

Алексей Львович Теплов, прибывший в Лондон весной 1893 г., представлял собой нетипичный пример русского политического эмигранта. Поддержка С.М.Степняка-Кравчинского помогла Теплову более или менее успешно адаптироваться в русской колонии, которая переживала рассвет в первой половине 1890-х годов. Характерно, что Алексей Львович изначально тяготел к районам расселения русских трудовых мигрантов — во всяком случае, его первая квартира на Бувери-роуд (37, Bouverie road), рядом с баптистским кладбищем, находилась значительно ближе к Ист-Энду, нежели дома прочих политических эмигрантов, предпочитавших западные и северо-западные районы Лондона²²⁹. Дом был расположен в квартале «низшего среднего класса» — на карте Чарльза Бута он помечен розовым цветом. Видимо, в течение последующих трёх лет Теплов успел сменить ещё несколько квартир — к 1897 г. ему удалось снять квартиру в аналогичном «фиолетово-розовом» доме на Сейнт Полс-плейс (16 St. Pauls' Place), значительно ближе к центру²³⁰.

Открытие Бесплатной библиотеки на Уайтчэпел-роуд, о чём будет сказано ниже, потребовало от Теплова почти постоянного присутствия в Ист-Энде — можно предположить, что помещения библиотеки какое-то время служило эмигранту вторым домом. Тем не менее, Теплов всё же нанял новую квартиру в «розовом» доме, в гораздо более благополучном районе

²²⁷ РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.

²²⁸ Попова С. С. «Я левый из левых, демократ, социалист...»: Архивная справка на В.Л. Бурцева [Электронный ресурс] // Исторический архив. — 2002. — № 1. — URL: <http://yroslav1985.livejournal.com/47015.html> (дата обращения: 20.08.2017).

²²⁹ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1.

²³⁰ Там же. Д. 36. Л. 1.

северного Лондона — на Парк-лэйн, рядом с парком Клиссолд (89, Park lane)²³¹. Эту квартиру Теплов снимал до конца века, буквально разрываясь между Парк-лэйн и библиотекой. Наконец, Теплов принял решение, которое оказалось для него, по-видимому, довольно сложным — снимать квартиру непосредственно в Ист-Энде, недалеко от Русской библиотеки. Он снял новую квартиру на Коммершиал-роуд (106, Commercial road)²³², стараясь выбрать относительно благополучный квартал — на «карте бедности» дом помечен красным цветом, хоть и находится в непосредственной близости от «фиолетовых» и даже «голубых» домов.

Помимо политической эмиграции в Англии в конце XIX в. получили пристанище также и русские религиозные эмигранты, о чём уже упоминалось в предыдущей главе. Это были преимущественно толстовцы, их признанным лидером в Англии являлся Владимир Григорьевич Чертков. Опыт социокультурной адаптации русских толстовцев в Англии весьма специфичен, ведь их обживание на чужой земле происходило, как правило, в условиях коммун, созданных английскими толстовцами во второй половине 1890-х годов. Основатели этих коммун (в английской литературе традиционно называемых колониями) ставили перед собой цель реализовать на практике принципы общежития, почерпнутые из духовно-нравственного учения Л.Н. Толстого. Англичане формировали абсолютное большинство населения почти всех толстовских колоний Англии, однако примеры интернациональных колоний свидетельствуют о существовавшей в этой среде терпимости к представителям иных национальностей — конечно же, этот фактор облегчил адаптацию русских.

Первоначально русские толстовцы примкнули к колонии Перли, расположенной в 50 километрах северо-восточнее Лондона. Колония располагала участком в 10 акров земли и состояла преимущественно из молодых семей, которые селились в построенных в самой колонии или арендованных в окрестностях домах. Сам Чертков с семьёй в 1897 г. поселился в Кок Кларкс, недалеко от Перли. Конфликт, возникший у Черткова с основателем колонии Джоном Кенворти вынудил русских толстовцев в 1900 г. покинуть Перли. Русские эмигранты переехали на юго-запад, в местечко Крайстчёрч, близ Борнмута, графство Дорсет. Именно там была основана новая толстовская община — единственная в Англии, состоявшая преимущественно из русских. «Дом Чертковых, — писал находившийся в 1901 г. в Лондоне журналист и революционер В.А. Поссе, — служил притягательным центром не только для толстовцев, но и для эмигрантов — революционеров самых различных направлений и национальностей»²³³.

²³¹ Там же. Л. 3.

²³² Там же. Л. 11.

²³³ Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учебное пособие / под ред. Г. В. Жиркова. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. — С. 153.

В Крайстчёрче хранился огромный архив рукописей и писем Толстого, точнее говоря, их копий, снятых в Ясной Поляне с помощью специального копировального прессы. Этот архив, собранный усилиями Черткова, был вывезен им из России и размещался сперва в его доме в колонии Перли, а затем в Крайстчёрче. Поначалу архив хранился в ящиках, которые были размещены в комнате самого Черткова, служившей ему одновременно кабинетом и спальней. Однако Чертков достаточно быстро изыскал средства, которые пошли на строительство особого неогороженного хранилища²³⁴. По свидетельству В.Д. Бонч-Бруевича, архив был выстроен по последнему слову техники и располагался «в особом азбестовом домике, который В.Г. Чертков построил в стороне от жилых домов, чтобы обезопасить его в пожарном отношении. Дом имел специального хранителя»²³⁵. Таким образом, можно утверждать, что русская колония в Крайстчёрче стала одним из важнейших центров мирового толстовства.

Опыт адаптации политических и религиозных эмигрантов, обладая своей спецификой, во многом отличался от опыта социокультурной адаптации трудовых эмигрантов. Как правило, их положение было заметно хуже. Большая часть трудовых эмигрантов влачила довольно жалкое существование в Ист-Энде, бедной части Лондона. По свидетельству графа Э. Амфелта, одним из мест средоточия русской трудовой эмиграции в Лондоне был район Юнион-стрит с прилегающими к ней улицами. «Карта бедности» Чарльза Бута даёт некоторое представление об этом квартале, расположенном между Уайтчепел-роуд и Коммершэл-стрит, двумя главными улицами Ист-Энда. Дома, располагавшиеся там, промаркированы фиолетовым и голубым, реже — тёмно-синим цветом. Очевидно, что жившие в них люди не отличались высоким достатком — Амфелт подтверждает этот вывод, сообщая об обитающих здесь «немногочисленных христианах из сословия крестьян», которые были «очень бедны» (в отличие от относительно сносно устроившихся русских евреев)²³⁶. Положение этих эмигрантов, судя по всему, и впрямь было близко к бедственному — отсутствие денег влекло за собой стеснённые жилищные условия. Впрочем, прослойка именно русской трудовой эмиграции в Ист-Энде была относительно мала в сравнении с многочисленными еврейскими эмигрантами из России, Польши и Германии, составлявшими абсолютное большинство населения Ист-Энда.

Пример относительно успешного обустройства в Лондоне представителя трудовой эмиграции являет собой один из корреспондентов Алексея Теплова, Г. Прокофьев. Очевидно,

²³⁴ Никифорова Т. «...Что может быть полезно людям». К истории собирания рукописного наследия Л.Н.Толстого [Электронный ресурс] // Октябрь. — 1997. — №11. URL: <http://magazines.russ.ru/october/1997/11/tolstoi.html> (дата обращения: 20.08.2017).

²³⁵ Бонч-Бруевич В. Место предисловия. С. VI.

²³⁶ Armfelt E. Russia in East London // Living London / ed. by G. R. Sims. — L.: Cassel and Company, Limited, 1902. — Vol. 1. — P. 26.

он принадлежал к технической интеллигенции. Переехав в Англию, он поселился на улице Маунт-стрит, рядом с Уайтчепел-роад, в доме, промаркированном на «карте бедности» Бута розовым. Хозяева дома, как и сам Прокофьев, постоянно испытывали нужду — в 1898 г. эмигрант жаловался Теплому на то, что «их дом будет руинирован, если они бросят работу и станут искать другую квартиру... Таким образом я поставлен в весьма затруднительное положение». Характерно, что, наладив свои дела, Прокофьев поспешил покинуть Ист-Энд и переехать на западную окраину Лондона, место традиционного расселения политических эмигрантов. В 1900 г. он проживал уже в Камберленд-парке (36, Cumberland Park), в Западном Эктоне (дом находится за пределами карты Бута) и имел свободные средства для того, чтобы заказывать через Теплова английские издания²³⁷.

Совсем иначе протекала социокультурная адаптация в Англии русских путешественников. Обладая достаточными средствами, они чувствовали себя в чужой стране довольно уверенно, не имея нужды подчиняться условиям и ограничениям, сковывавшим политических эмигрантов. К примеру, география английских поездок И.С. Тургенева не ограничивалась одним лишь Лондоном и предместьями — русский писатель часто охотился в имении своего друга в Кембриджшире, навещал знакомых профессоров в Оксфорде²³⁸. Останавливаясь в британской столице, он нанимал фешенебельное жильё в престижных кварталах или же гостил в домах своих английских знакомых²³⁹.

Е.П. Блаватская, поселившаяся в Лондоне в конце апреля 1887 г., обладала опытом жизни в других странах мира, где прошли годы её странствий — в частности, в Соединённых Штатах, а также Индии и других странах Азии. В Англии она обосновалась, уже имея громкую славу основательницы нового религиозно-мистического учения. Английские соратники и ученики Елены Петровны сразу же после её приезда в Лондон сняли для неё виллу на Кроун-хилл в Норвуде (Crown Hill), к югу от британской столицы. Некоторое время спустя они сняли дом на Лэнсдоун-роуд, возле Кепсингтонских садов (17, Lansdowne Road) — как и прочие дома в этом фешенебельном районе, он отмечен на карте Чарльза Бута жёлтым цветом. Однако разрастание Лондонского Теософского общества вынудило искать новое помещение. Кроме того, к 1890 г. у Елены Петровны возникли значительные проблемы со здоровьем — в феврале она по настоянию врачей поселилась в Брайтоне. К возвращению своей учительницы в мае её

²³⁷ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 4, 5, 6.

²³⁸ Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876-1883). С. 214, 355, 415; Simmons J. S. G. Turgenev and Oxford // Ivan Turgenev and Britain. P. 209.

²³⁹ Young S. J. Russians in London: Turgenev [Электронный ресурс] // Lecturer in Russian at School of Slavonic and East European Studies [Сайт]. URL: <http://sarahjyoung.com/site/2010/12/26/russians-in-london-turgenev/> (дата обращения: 20.08.2017).

ближайшие соратники подыскивали новое помещение для «Главной Квартыры Теософского Общества» на Авеню-роад (17-19, Avenue Road). Сестра Е.П. Блаватской В.П. Желиховская так описывала эту «Главную Квартыру», в которой Елена Петровна прожила последний год своей жизни: «Три дома, соединенные садом, в цветущей улице Авеню Род, в парке Регента. К главному большому дому была пристроена одноэтажная зала митингов; там же было прекрасное помещение Е. П. Блаватской в нижнем этаже; а в верхних — комнаты живших с нею пяти или шести дам и трех-четырех ее личных секретарей»²⁴⁰. Эти дома также принадлежали к высшей категории по цветовой классификации Чарльза Бута.

Ольга Алексеевна Новикова поддерживала близкие отношения с Е.П. Блаватской и тесно общалась с ней в британской столице — однако её собственная лондонская жизнь протекала совершенно иначе. С осени 1867 г., как уже было сказано в предыдущей главе, Новикова ежегодно проводила в Лондоне часть осени и зимы. Происходившая из знатной семьи, она никогда не снимала в Лондоне квартир, останавливаясь исключительно в отелях — обычно Ольга Алексеевна отдавала предпочтение отелю «Кларидж» на Брук-стрит (49, Brook Street). Этот отель по праву считался первоклассным, «Словарь Лондона Диккенса» описывает его как «отель *par excellence*, для иностранных послов, князей и т. п.»²⁴¹. На «карте бедности» Бута здание, которое занимал «Кларидж», закрашено жёлтым. Помимо «Кларидж», в некоторые свои лондонские визиты Ольга Алексеевна останавливалась в несколько более скромных отелях, классифицированных Бутом как «красные» — речь идёт о гостиницах «Саймондс» на Брук-стрит, «Олифант» и «Кроули» на Альбемарль-стрит, «Холловэй» на Довер-стрит. Все эти отели, находились в Вестминстере, наиболее богатом и фешенебельном районе Лондона и располагались между оживлёнными улицами Пикадилли и Оксфорд-стрит. По праву считаясь, как и «Кларидж», первоклассными отелями, они отличались крайне высокой стоимостью проживания — стоимость номера в них составляла в среднем 5 шиллингов, а с полным обслуживанием и трёхразовым питанием — до 14-16 шиллингов в сутки (то есть порядка 20-24 фунтов стерлингов в месяц). Впрочем, Новикова могла позволить себе тратить на проживание в отелях и заметно больше — 33 фунта стерлингов, если судить по одному из присланных ей счетов²⁴².

Переписка Ольги Новиковой позволяет точно определить, в каких отелях она бронировала номера в каждую из своих лондонских зим. С 1870-х и до начала 1880-х годов Новикова часто

²⁴⁰ Желиховская В.П. Радда-Бай [Электронный ресурс].

²⁴¹ Dickens C. (Jr.) Dickens's Dictionary of London [Электронный ресурс]. — Л.: Н. Baker Press, 1879 // Victorian London [сайт]. URL: <http://www.victorianlondon.org/houses/hotels.htm> (дата обращения: 20.08.2017).

²⁴² РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 1000. Л. 52.

меняла отели, не отдавая предпочтения какому-то одному. В 1872/73 годах она снимала номер в «Кларидж»²⁴³. В 1874/75 и 1876/77 годах Новикова останавливалась в отеле «Саймондс»²⁴⁴. Наконец, в 1879/80 годах она остановила выбор на отеле «Олифант»²⁴⁵. В «сезон» 1880/81 годов Новикова успела пожить и в «Кларидж», и в «Олифант», а зиму 1881/82 годов провела в гостинице «Кроули»²⁴⁶.

С 1882 г. Новикова, приезжая в Лондон, всякий раз останавливалась в отеле «Холловэй»²⁴⁷. В конце десятилетия она вновь меняет отель, неизменно отдавая теперь предпочтение «Кларидж». Она снимала номера в этом отеле несколько зим, вплоть до «сезона» 1893/94 года — это была последняя зима, проведённая Новиковой в этом отеле, и в гостиницах вообще²⁴⁸.

Начиная с зимы 1894/95 годов, Ольга Алексеевна начала снимать не гостиничные номера, а апартаменты. Трудно сказать наверняка, были ли связаны такие перемены с утратой либералами былых позиций (в 1894 г. У. Гладстон удалился от дел, и уже в 1895 г. на выборах одержали победу консерваторы). Похоже, Новикова к тому моменту времени несколько устала от некоторой публичности и стремилась к уединению. Её финансовые возможности в середине 1890-х оставались, по-видимому, весьма широкими, несмотря даже на смерть супруга, генерала И.П.Новикова, в 1890 г. Кроме того, ей явно хотелось сохранить тот комфорт, который предоставлял «Кларидж» — поэтому лондонскую зиму 1894/95 годов Новикова провела в самом сердце Мэрилебона, в апартаментах на Уимпол-стрит (63, Wimpole street), отмеченных на «карте бедности» Бута жёлтым цветом, как и большинство домов в округе²⁴⁹. Видимо, расходы оказались больше, нежели того хотелось Новиковой, поэтому она переехала ближе к Бейкер-стрит, в чуть менее престижный квартал. Две следующие зимы Новикова проживала в доме, промаркированном уже красным цветом — в Портмэн-мэншенс (4, Portman Mansions)²⁵⁰. Наконец, последние три зимы столетия Ольга Алексеевна жила на улице через дорогу, на

²⁴³ Там же. Ед. хр. 442. Л. 6.

²⁴⁴ W. R. S. Ralston, letter to Madame de Novikoff, September 24, 1874 // Алексеев М.П., Левин Ю.Д. Вильям Рольстон. С. 155; Stead W. T. Madame Olga Novikoff // The Review of Reviews. — 1891. — Vol. 3. — February. — P. 133.

²⁴⁵ Baylen J. O. Bishop Strossmayer and Mme. Olga Novikov: Two Unpublished Letters, 1879 / J. O. Baylen // Slavic Review. — 1967. — Vol. 26 (3). — P. 469.

²⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 799. Л. 12, 16, 34.

²⁴⁷ Там же. Л. 41, 66, 69; Ед. хр. 944. Л. 5, 38, 57.

²⁴⁸ Там же. Ед. хр. 454. Л. 4, 23, 45, 48, 76, 87, 98; ; Ед. хр. 780. Л. 2; Ед. хр. 799. Л. 77, 89, 94, 98; Ед. хр. 944. Л. 92.

²⁴⁹ Там же. Л. 102, 108.

²⁵⁰ Там же. Л. 120; Ед. хр. 799. Л. 112, 117.

Бикенхолл-стрит (Bickenhall street), в домах №8 (в 1898/99 году) и №2 (в 1899/1900 и 1900/01 годах)²⁵¹. Они также промаркированы красным цветом.

Вполне очевидно, что Ольга Новикова, которую в английской прессе нередко называли «M.P. for Russia» («Членом парламента от России») и «царским агентом», не могла позволить себе жить иначе. Вся её деятельность в Англии была подчинена единственной цели – сглаживанию противоречий между официальными Лондоном и Петербургом, а также формированию пророссийски настроенного сегмента общественного мнения Англии. Поэтому даже в выборе жилья Ольга Алексеевна в первую очередь руководствовалась соображениями поддержания высокого статуса неофициального представителя великой державы.

Опыт Ольги Новиковой являлся во многом уникальным и потому значительно отличался от опыта большей части русских путешественников, приезжавших в Англию, как правило, на непродолжительное время. В качестве примера уместно упомянуть одну из английских поездок П.Д. Боборыкина, который, в отличие от большинства туристов, во время своего пребывания за границей всегда пытался осмыслить общественную и культурную жизнь стран, в которых оказывался.

Боборыкин впервые прибыл в Лондон в 1868 г., притом с целями не только туристическими. В частности, он должен был работать в читальном зале Британского музея над статьёй «Нигилизм в России», которую ему заказал журнал «Фортнайтли ревью». Очень кстати оказалось знакомство Боборыкина с Уильямом Рольстоном — тот «любезно подыскал квартирку в той же улице, где и сам жил» (Рольстон проживал по адресу 8, Alfred Place), в нескольких минутах ходьбы от Британского музея. Пётр Дмитриевич со свойственной ему тщательностью описал детали своего проживания в квартире, проводя, что представляется важным, сравнение с Парижем начала последней трети века. «Тогда, да еще при тогдашнем хорошем курсе, жизнь в Лондоне не только казалась, но и была действительно дешева — дешевле парижской, если прикинуть к ней то, что вам давали в Лондоне за те же деньги. За такую квартиру, какую мне нанял Рольстон от хозяйки — в нижнем этаже, из двух прекрасных комнат — вы и в Латинском квартале платили бы сто, сто двадцать франков, а тут за неделю (с большим утренним *завтраком*) *фунт* с чем-то... Прислуживала мне дочь хозяйки-вдовы — очень воспитанная девушка, которая просила у меня всегда позволения поиграть в мое отсутствие на фортепьяно, за которое я ничего особенно не платил. Уход, тишина, чистота были образцовые»²⁵². Таким образом, стоимость первого этажа, снятого Боборыкиным, с ежедневным завтраком составляла не менее 20 шиллингов в неделю. Такие условия более чем

²⁵¹ Там же. Ед. хр. 223. Л. 13, 14; Ед. хр. 431. Л. 3; Ед. хр. 799. Л. 119, 123.

²⁵² Боборыкин П. Д. За полвека: Мои воспоминания. С. 506–507.

устроивали публициста, позволяя сэкономить на гостинице, и в то же время предоставляя возможность иметь доступ к важнейшим достопримечательностям и заведениям Вестминстера.

Далеко не все русские туристы могли похвастаться тем, что сумели близко познакомиться с обратной стороной английской действительности, остававшейся для них обычно тайной за семью печатями. Не имея в Лондоне многочисленных контактов и связей, они приезжали сюда, как правило, с ознакомительными целями, на короткие промежутки времени. Снимая номера в гостиницах с полным или частичным пансионом, русские туристы обеспечивали желаемый уровень комфорта, ограждая себя тем самым от лишений, через которые приходилось пройти эмигрантам. Обычно не обладая достаточно хорошей языковой подготовкой, туристы сужали возможности социокультурной адаптации, которая, не принимая характера жизненной необходимости, в массе своей оставалось довольно поверхностной.

§ 2. Бытовые аспекты адаптации русских эмигрантов

Е.А. Таратута совершенно справедливо отмечает, что «трагические трудности жизни эмигрантов не нашли своего отражения в их мемуарах. Только по письмам можно понять их повседневную жизнь»²⁵³. Выявление деталей повседневной жизни русской эмиграции позволяет создать более объёмную картину их социокультурной адаптации.

Безусловно, жизнь всякого человека зависит в первую очередь от состояния его здоровья. С.М. Степняк-Кравчинский был едва ли не единственным членом русской колонии, который мог похвастаться отменным здоровьем. В ответ на восхищённые реплики друзей, сулящих ему дожить до ста лет, он отвечал следующим образом: «Не сто. А полтора. Сто без лекарств, а пятьдесят ещё дотяну при содействии разных снадобий»²⁵⁴. По иронии судьбы, он единственный в колонии трагически погиб на сорок пятом году жизни.

Здоровье Кравчинского было действительно исключительным. В большинстве своём эмигранты, многие из которых не отличались хорошим здоровьем, так и не сумели адаптироваться к сырому лондонскому климату. Письма членов русской колонии переполнены сообщениями о постоянных болезнях.

В семье Кропоткиных почти постоянно кто-то болел. В редких случаях болезни принимали действительно опасный характер — как, например, весной 1886 г., когда жена Петра Алексеевича, Софья Григорьевна, перенесла тиф. «Время, конечно, было очень тяжелое, когда

²⁵³ Е.А. Таратута. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 470.

²⁵⁴ Цит. по: Там же. С. 524.

шла борьба между жизнью и смертью», — вспоминал Кропоткин²⁵⁵. Сам Пётр Алексеевич также регулярно страдал от болезней, вне зависимости от времени года. «Мое здоровье все плохо. Постоянно хвораю, просто упадком сил», — писал он в июле 1888 г.²⁵⁶. Родившаяся как раз в это время дочь Кропоткиных, Александра, также не отличалась крепким здоровьем. «Захворала она у нас, бедняжка. Простудили, и на прошлой неделе у нее сделался сильный жар, тяжелое дыханье. Мы очень перепугались, и всю ночь пробыли около нее, прикладывая припарки»²⁵⁷, — так вспоминал Кропоткин об одной из болезней дочери, перенесённой ею в младенчестве. Тем не менее, Александре всё же удалось дожить до сознательного возраста. Будучи болезненным ребёнком, она нередко становилась источником инфекции в доме Кропоткиных. «Шурочка сегодня не совсем здорова — простудилась и кашляет, так что должна сидеть в своей комнате, и Соня с нею», — писал Кропоткин в октябре 1890 года²⁵⁸. В январе 1892 г. Кропоткин в отчаянии сообщал своему корреспонденту: «С Рождества болезни одолели. То Шурка болела, а потом и я свалился, в третий раз с инфлюэнцей, и вот уже две недели не могу поправиться»²⁵⁹. Судя по всему, Кропоткины не всегда обращались за помощью к врачам — но в исключительных случаях, когда болезнь угрожала жизни дочери, им всё же приходилось искать соответствующих специалистов. Так, в июле 1892 г. у девочки «была British cholera, и она ужасно ослабла. Мы и поехали на 3 недели, к одному швейцарцу рабочему русского, или, вернее, чухонского происхождения (Limentaal) и прожили в его хижине, чтобы сколько-нибудь отходиться от болезней. Теперь все свежее»²⁶⁰. «Болели много за прошедший год: у меня 3 раза была инфлюэнца, у Сони и Саши — по 2 раза», — очевидно, такое положение дел оставалось для Кропоткиных в порядке вещей на протяжении всего последнего десятилетия века²⁶¹. «У нас Соня всё не может поправиться после инфлюэнца — совсем плохо себя чувствует, так что я очень уговариваю её уехать на неделю на берег моря», — жаловался Кропоткин И.В. Шкловскому в декабре 1900 г.²⁶².

Разного рода эпидемии действительно были частым явлением в жизни гигантского города. «Инфлюэнца», или же грипп, являлась наиболее распространённым респираторным заболеванием: на протяжении всей викторианской эпохи показатели смертности от гриппа (а также от бронхита и пневмонии) единственные демонстрировали неуклонную тенденцию к

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 52.

²⁵⁶ Там же. Л. 222.

²⁵⁷ Там же. Ф. 6753. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 5.

²⁵⁸ Там же. Л. 13 об.

²⁵⁹ Кропоткин-Атабекян. 22 января 1892 [Электронный ресурс].

²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 147–147 об.

²⁶¹ Там же. Л. 150.

²⁶² РГАЛИ. Ф. 1390. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1.

увеличению²⁶³. По свидетельству В.П. Желиховской, «после страшной суровой в Англии зимы 1891 г., болезни в Лондоне были ужасные. В особенности свирепствовала инфлюэнца, которой переболела решительно вся братия в теософической главной квартире. Заболела ею и Блаватская»²⁶⁴.

Кропоткин рекомендовал такие поездки к морю как универсальное средство многим своим друзьям, например, Феликсу Волховскому: «Уехать бы тебе куда-нибудь — если можно, то на берег моря», — советовал он ему в июне 1900 г.²⁶⁵. Поездки на побережье с оздоровительными целями, к которым нередко прибегали Кропоткин и члены его семьи, вообще являлись общей практикой у большинства политических эмигрантов, которые могли похвастаться определённым достатком. Даже в том случае, если денег не хватало, эмигранты стремились покинуть столицу, в которой постоянно существовал риск подхватить простуду или вирусную инфекцию. Например, благодаря финансовой помощи Фонда вольной русской прессы Владимир Бурцев смог в течение полутора лет поправлять расшатанное в тюрьме здоровье на курортах. Иногда такие поездки, совершаемые целыми группами, приобретали черты деловых встреч, как в случае Плехановым (его здоровье, как уже указывалось, было довольно хрупким, отчего он первоначально с неохотой рассматривал перспективу переезда в Англию). Так, по завершении конгресса II Интернационала он вместе с супругой, В.И. Засулич, П.Б. Аксельродом, А.Н. Потресовым и П.Б. Струве провел несколько дней на английском взморье, в городке Истборн. В других случаях эти поездки напрямую советовались докторами, если эмигрант имел возможность обратиться к ним за помощью.

По воспоминаниям В.П. Желиховской, после очередной болезни Елены Блаватской, также отличавшейся крайне слабым здоровьем, доктора объявили, «что она не переживет весны, если не даст себе продолжительного полного отдыха; что доработалась она до истощения мозга и напряжения нервной системы, крайне опасных. В феврале 1890 г. ее полумертвую отправили в Брайтон, на морской берег, где целый день катали в ручной коляске, не позволяя ни на минуту ничем заниматься, даже ни читать, ни писать писем». Однако эти меры не помогли, и Елена Петровна уже «в первых числах мая... снова сильно заболела, вероятно простудившись. У нее сделалась ангина и бронхит и всякие осложнения в груди, в горле». Постоянный уход докторов не помог Блаватской поправиться — 8 мая она скончалась. «Замечательно, что в самое утро это... доктор всех обнадежил, найдя, что она вне опасности»²⁶⁶, — с горечью писала

²⁶³ Dauntton M. Wealth and Welfare: An Economic and Social History of Britain. P. 354; Mitchell S. Daily Life in Victorian England. P. 200.

²⁶⁴ Желиховская В.П. Радда-Бай [Электронный ресурс].

²⁶⁵ Кропоткин-Волховскому. 27 июля 1900 [Электронный ресурс].

²⁶⁶ Желиховская В.П. Радда-Бай [Электронный ресурс].

Желиховская, подводя таким образом к печальному выводу о несовершенстве медицины того времени, которая не всегда могла помочь даже наиболее обеспеченным пациентам, к числу которых относилась Е.П. Блаватская. Надо сказать, что в переписке Елены Блаватской с О.А. Новиковой часто встречаются жалобы на здоровье — как с той, так и с другой стороны, хотя Ольга Алексеевна, без сомнения, также могла позволить себе квалифицированную медицинскую помощь²⁶⁷.

Эмигранты, проживающие не в городской черте, а непосредственно в Лондоне, имели больше шансов заболеть. Знаменитый лондонский смог представлял серьёзную опасность для здоровья, становясь причиной одышки, головных болей, кашля. В 1880-х гг. смог был особенно силён: если между 1871 и 1875 гг. Лондон был окутан им 51 день в году, то в 1881–1885 гг. это время возросло до 62 дней, а в 1886–1890 гг. — до 74 дней²⁶⁸.

Загрязнение окружающей среды и скученность населения способствовали снижению сопротивляемости организма — потому временный отъезд из столицы виделся многим эмигрантам спасением от «инфлюэнцы». Лазарь Гольденберг в одном из писем советовал Алексею Теплову, которого постоянно преследовали простуды, поправить здоровье за пределами столицы: «Надеюсь, что с наступлением тёплой погоды оправитесь и уедите на некоторое время из Лондона и не будете бывать в наполненном миазмами Вайтчапель», — писал он больному Теплову в мае 1899 г.²⁶⁹. Конечно, высокая плотность населения в Ист-Энде, а также социальные проблемы этого района создавали серьёзные риски для здоровья. Письма Теплова полны жалоб на нескончаемые простуды и «инфлюэнцу» и в этом отношении мало чем отличаются от переписки Кропоткина. Но Теплов, в отличие от «апостола анархизма», не имел возможности часто предпринимать оздоровительные поездки — для этого пришлось бы всякий раз оставлять свою библиотеку.

Немало было случаев, когда материальное положение эмигрантов оставляло желать лучшего и не позволяло им приобретать лекарства или обращаться за квалифицированной медицинской помощью. В таких условиях постоянные болезни могли с лёгкостью повлечь за собой серьёзные осложнения. В доме П.Л. Лаврова на Морэй-роуд проживала русская студентка Варвара Малоярославцева, учившаяся ранее в Цюрихском университете. В Лондоне у неё развилась чахотка. Не имея средств для того, чтобы вызвать английского врача, русские эмигранты пытались лечить её домашними средствами, однако попытки оказались тщетными — после двухмесячной болезни девушка скончалась.

²⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 1, 14.

²⁶⁸ Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. С. 33.

²⁶⁹ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 5.

Надо отметить, что известно о сравнительно небольшом количестве смертей членов русской колонии, пришедшихся на конец XIX в. Поэтому нельзя утверждать, что у эмигрантов сложилась какая-то устойчивая традиция, связанная с последними проводами своих товарищей. Целые сектора кладбищ, занятые русскими могилами, стали приметой уже последующих десятилетий.

Неизвестно, как именно была похоронена Варвара Малоярославцева. Если её тело не было отправлено в Россию, то можно предположить, что в Англии для неё были организованы традиционные, притом недорогие похороны — минимальная стоимость похорон составляла не менее 4–5 фунтов, и, видимо, эмигранты, в квартире которых жила студентка, не могли собрать большую сумму²⁷⁰. К 1890-м годам, когда состав русской колонии в Лондоне значительно поменялся, эмигранты имели альтернативу классическим похоронам — кремацию. Кремация тел осуществлялась в Англии с 1885 г. в Уокинге, недалеко от Лондона, где находился единственный в стране крематорий. В конце XIX в. услуги крематория не пользовались популярностью, ежегодно в Уокинге кремировалось не более 200 тел — это объясняется как настороженным отношением населения ко всему новому, так и неоднозначной реакцией церкви.

Тем не менее, два известных русских эмигранта, умерших в Лондоне в конце XIX в., предпочли, чтобы их тела были именно кремированы — речь идёт о Е.П.Блаватской и С.М.Степняке-Кравчинском. Материальная сторона вопроса не была для них определяющей — оба располагали достаточными средствами для того, чтобы оплатить все издержки. Важно учесть также тот факт, что кремация лежала вне христианской традиции и категорически отвергалась православием. Можно утверждать, что это также не являлось препятствием для Блаватской, создательницы эзотерического учения, и Кравчинского, убеждённого атеиста. Точно не известно, оставил ли Кравчинский, погибший на 45-м году жизни, завещание с распоряжением об устройстве своих похорон, как Блаватская. Впрочем, Сергей Михайлович имел перед глазами опыт Энгельса, также скончавшегося в 1895 г. и пожелавшего быть кремированным — не исключено, что Степняк мог после этого высказывать близким или друзьям о своём желании повторить последний путь соратника Маркса.

Похороны Блаватской и Степняка проходили схожим образом. Гроб с телом покойного сперва было необходимо доставить до станции Ватерлоо, чтобы затем на поезде везти в крематорий Уокинга, расположенного в 40 километрах от Лондона. После кремации прах Блаватской был разделен на три части, урны с ним должны были храниться в Нью-Йорке,

²⁷⁰

Mitchell S. Daily Life in Victorian England. P. 32.

Адьяре и Лондоне. Прах Кравчинского был всё же предан земле на реформаторском кладбище Уокинга.

Состояние здоровья членов колонии и запас прочности их иммунитета напрямую зависели от питания. Анализ писем и воспоминаний эмигрантов позволяет прийти к выводу о том, что очень многие из них испытывали ряд трудностей с питанием, которое обычно было недостаточным и часто не слишком здоровым. Особенно это справедливо в отношении эмигрантов 1870-х годов, которые, в условиях крайней малочисленности колонии, не могли ещё рассчитывать на помощь соотечественников. Так, Герман Лопатин в 1870 г. признавался в одном из писем Лаврову, что ««не видал ещё в Англии «обеда»», довольствуясь лишь нерегулярными перекусами. С юмором Лопатин описал один из последних таких перекусов, когда он «приобрёл кусок хлеба и сыру и сожрал их, запивая их водой и обливая их мысленно горькими слезами»²⁷¹. Сам Лавров, переезжая в Англию, с горечью писал, что на новом месте ему придётся «отказаться от супа», являвшегося для народника «существенным элементом обеда»²⁷². Так оно, по-видимому, и получилось. По сообщениям Германа Лопатина, буквально все члены лондонской редакции «Вперёд!» буквально сидели на чае и хлебе²⁷³.

Финансовые трудности, характерные почти для всех эмигрантов на первых этапах их жизни в Англии, вынуждали русских экономить на продуктах. Кропоткины во время жизни в Харроу имели собственное подспорье в виде небольшой оранжереи, в которой рос виноград, а также маленького огородика, где можно было выращивать овощи. В одном из писем Кропоткин сулил своему корреспонденту «угощение всякими продуктами собственного произрастания: даже русские огурцы будут и лондонский виноград»²⁷⁴. Но, конечно, такой пример ведения приусадебного хозяйства являлся совершенно исключительным — в большинстве своём эмигранты, обитая в Лондоне и его городской черте, не могли себе такого позволить.

Примечательно в этом отношении письмо А.Л. Теплова к Фанни Кравчинской. Вдова Степняка-Кравчинского, по всей видимости, имела возможность питаться более качественно и разнообразно, благодаря связям покойного супруга и поддержке со стороны видных деятелей колонии. Рацион Теплова, почти все свои силы отдававшего Бесплатной библиотеке, был гораздо скуднее. Кравчинская, сохранив с начала 1890-х годов дружеские отношения с Тепловым, периодически передавала эмигранту кое-какие продукты через его дочь. «Спасибо Вам за масло, капусту и кофе», — в письме благодарил Теплов Фанни Марковну

²⁷¹ Лавров. Годы эмиграции. Лавров и Лопатин. С. 32.

²⁷² Там же. С. 69.

²⁷³ Тхоржевский С. Испытание воли. [Электронный ресурс].

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 56–56 об.

(справедливости ради надо сказать, что сам он послал в ответ баранок). Незадолго до этого Кравчинская передала Тепловым немного гречневой крупы, что дало повод Алексею Львовичу шутливо посетовать: «Вы совсем избалуете Татьяну Алексеевну — она непременно хочет, чтобы гречневая каша фигурировала за обедом. Но это очень трудно осуществимо»²⁷⁵.

Далеко не все эмигранты, особенно из политических, находились в столь бедственном положении, однако даже наличие денег не гарантировало отсутствия проблем с питанием. Британский рацион заметно отличался от «континентального»: в частности, принадлежащие к среднему классу англичане употребляли заметно больше мяса – как правило, жареного или варёного²⁷⁶. П.Д. Боборыкин, открывавший для себя Лондон с лёгкостью обеспеченного туриста, описывал традиционный английский завтрак, который «состоял всегда, кроме чая или кофе, из бараньих котлет, масла, сыру, гренок» и по российским меркам казался довольно тяжёлым²⁷⁷. Блюда английской кухни часто выступали объектами для шуток в среде русской эмиграции, за исключением разве что ростбифа и йоркширского пуддинга²⁷⁸. Очень показательными кажутся воспоминания Н.К. Крупской и В.И. Засулич, относящиеся, правда, к 1902 г., однако очень полно отражающие отношение к британской кухне русских эмигрантов и более ранней поры. Так, Засулич в одном из писем Плеханову жаловалась на голод, вызванный тем, что «в ресторане тут только и есть хорошего, что бифштекс да ростбиф, оба сырые, и я их не ем»²⁷⁹. Именно по причине «непригодности» ресторанной еды Крупская была вынуждена «кормиться дома», сетуя на то, что «ко всем этим «бычачьим хвостам», жареным в жиру скатам, кэксам российские желудки весьма мало приспособлены»²⁸⁰.

Положение трудовых эмигрантов из Ист-Энда было и того хуже. Питание, которое они могли себе позволить, было крайне скудным — «ломоть черного ржаного хлеба и лука, или кусок рыбы, обжаренной в оливковом масле» считались за роскошь²⁸¹. Основу рациона неквалифицированного рабочего обычно составляли хлеб, картофель и чай²⁸². Виктор Шпанец, не понаслышке знавший о тяготах жизни в русской колонии Ист-Энда, вспоминал: «Мой обед почти всегда состоял из одного чая с хлебом или какой-нибудь бурды, у меня часто в четверг или пятницу кончались деньги, и я до получки оставался на пище святого Антония»²⁸³.

²⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 5.

²⁷⁶ Mitchell S. *Daily Life in Victorian England*. P. 126.

²⁷⁷ Боборыкин П. Д. За полвека: Мои воспоминания. С. 507.

²⁷⁸ Service R. *Russian Marxism and its London Colony*. P. 371.

²⁷⁹ Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 2. С. 350

²⁸⁰ Цит. по: Романюк С. К. *Русский Лондон*. С. 162.

²⁸¹ Armfelt E. *Russia in East London*. P. 27.

²⁸² *The Cambridge Social History of Britain*. Vol. 3. P. 199–200; Mitchell S. *Daily Life in Victorian England*. P. 123.

²⁸³ Шпанец В. Из воспоминаний дезертира. Часть 2. С. 25.

Однако, как уже упоминалось, существовали в Ист-Энде и русские рестораны, рассчитанные на более состоятельную публику. Описывая их меню, Э. Амфелт перечислял такие деликатесы, «столь любимые русскими», как икра, копченые лосось, гусь и говядина, олени языки, маринованные миноги, соленая рыба, хлеб, приправленный тмином, острые сыры и корнишоны²⁸⁴. Конечно, следует сразу оговориться, что все эти блюда, за исключением миног и чёрной икры (то есть икры осетровых рыб), вполне отвечали требованиям кашрута и поэтому вполне могли употребляться в пищу и правоверными иудеями, которых в Ист-Энде проживало достаточно много. Тем не менее, многие из блюд приведённого меню соответствовали и традициям русской кухни. Можно предположить, что именно русские эмигранты, при условии наличия у них достаточного заработка, составляли определённую долю посетителей этих ресторанов. Кроме того, популярностью у членов колонии пользовались и еврейские магазины, расположенные ближе к центру, где можно было приобрести солёные огурцы, копчёного лосося, сушёную воблу и другие продукты²⁸⁵.

Те эмигранты, которые могли достаточно хорошо питаться и следить за своим здоровьем, а также обладали досугом и возможностями, могли позволить себе занятия спортом. В этом отношении в колонии выделялся Пётр Кропоткин, который периодически занимался парусным спортом («Все мореходствую на парусах, вот уже целую неделю», — писал он с побережья²⁸⁶), а также, отдавая должное моде тех лет, регулярно совершал велосипедные прогулки («Велосипед спасает. Каждый день езжу себе, с прохладцей»²⁸⁷). Важно учесть, что даже в «золотой век велосипедов», которыми стали 1890-е годы, это средство передвижения стоило достаточно дорого — от нескольких фунтов за подержанные велосипеды до 30 фунтов за новейшую модель²⁸⁸.

Удовлетворив со временем свои первичные потребности в еде и крыше над головой, русские эмигранты задумывались о потребностях более высокого уровня — духовных. Творческое самовыражение помогало не только удовлетворить эти запросы, но и поддерживать связь с другими представителями колонии, а также оставаться в силовом поле русской культуры. Попытки сохранить на английской почве традиционные формы культуры, в первую очередь — русские народные песни, нашло свое отражение в деятельности нескольких самодельных коллективов. Один из них был создан Евгенией Эдуардовной Линёвой,

²⁸⁴ Armfelt E. Russia in East London. P. 28.

²⁸⁵ Service R. Russian Marxism and its London Colony. P. 371.

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 106.

²⁸⁷ Кропоткин-Волховскому. 8 июня 1900 [Электронный ресурс].

²⁸⁸ Ходнев А. С. Изобретая велосипед: культурные практики, репрезентации и конструирование идентичности в конце XIX в. // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — № 4. Том I (Гуманитарные науки). — С. 96; Mitchell S. Daily Life in Victorian England. P. 31.

бывшей солисткой Большого театра, проживавшей с мужем в лондонской эмиграции. Примечательно, что Линёва создала хор не только из русских эмигрантов, но и из англичан, владевших русским языком. Под руководством Линёвой русский хор исполнял как классическую, так и русскую народную музыку. Русский хор Линёвой время от времени организовывал выступления, а также принимал участие в музыкальных вечерах в пользу Общества друзей русской свободы — на этих вечерах выступал также и Марк Гамбург, пианист-вундеркинд, один из четырёх сыновей российского эмигранта Михаила Гамбурга²⁸⁹.

В афишах вечеров, которые устраивал в Ист-Энде в конце 1890-х — начале 1900-х годов А. Л. Теплов (об этом ещё будет отдельно сказано), также упоминаются выступления «русского хора». Трудно сказать наверняка, был ли это хор Евгении Линёвой или же речь идёт о самостоятельном коллективе русских трудовых эмигрантов Ист-Энда. В концертах принимал участие и пианист А. Hamburg — по-видимому, также еврейский эмигрант из России, если только в афише не была допущена ошибка (в этом случае нельзя исключать, что речь идёт о всё том же Марке Гамбурге). Совершенно точно известно, что среди исполнителей песен на этих вечерах были и англичане. В афишах приведены их имена — miss Brand, C. Harding, Jenny Atkinson, H. Mudd²⁹⁰. Можно предположить, что Дженни Эткинсон была одной из участниц «русских базаров», устраиваемых несколькими годами ранее Я.М. Прилукером (её фамилия в программках этих мероприятий была указана на русский манер — «madame Atkinsonoff»²⁹¹). Прилукер и сам, по воспоминаниям известного импресарио сэра Герберта Бирбома Три, «весьма энергично разыскивал в Англии русских певцов, из которых организовал затем отличный хор»²⁹². Кроме того, в более поздних афишах организованных Тепловым концертов упоминается «русский кружок любителей драматического искусства». Входившие в его состав русские эмигранты Ист-Энда (Л.Н. Боброва, П.С.Громов, А.М.Семёнов, Л.Савина, П.К.Павловский) устраивали театральные постановки²⁹³.

Большой интерес представляет взаимодействие российских эмигрантов с английским правосудием. Известно несколько случаев, когда русские эмигранты становились «виновниками» судебных разбирательств уже после своей смерти. Поводом одного из таких разбирательств стала смерть Варвары Малоярославцевой, о которой писалось выше. Так как английский врач не приглашался к больной, ее болезнь не была засвидетельствована врачами, и поэтому П.Л.Лаврову, в доме которого скончалась русская студентка, по требованию

²⁸⁹ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 446, 461.

²⁹⁰ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 205.

²⁹¹ Slatter J. Jaakoff Prelooker and «Anglo-Russian». P. 59.

²⁹² Grant R. British radicals and socialists and their attitudes to Russia. P. 116.

²⁹³ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 215.

английского чиновника пришлось предстать перед судом присяжных. Приведённый к присяге, он был вынужден давать показания о причинах смерти студентки. Лишь после этого присяжные признали, что в смерти Малоярославцевой никто не виноват.²⁹⁴

В другом случае поводом для разбирательства послужила гибель Степняка-Кравчинского. Эта трагедия, имевшая большой резонанс, вынудила лондонские власти созвать специальное жюри с полным составом присяжных для установления степени виновности железнодорожной компании. После рассмотрения обстоятельств дела жюри вынесло решение, обязывающее выстроить на месте перехода мост для пешеходов, а также выразило родным и близким Кравчинского глубокое соболезнование²⁹⁵.

Выше уже неоднократно упоминался судебный процесс над Владимиром Львовичем Бурцевым. Ордер на арест русского эмигранта был выдан в соответствии с «Актом о правонарушениях против личности», принятым в 1861 г. Этот акт признавал противоправными, среди прочего, любые публичные призывы к убийству лиц, «вне зависимости от того, являются ли они подданными Её Величества или нет»²⁹⁶. Показательными в этом процессе были несколько обстоятельств, скрытых, впрочем, от широкой публики. Так, поводом для ареста послужило заявление сыщика, которому Бурцев якобы навязывал свою газету при том, что русского языка этот сыщик не знал²⁹⁷. Кроме того, по просьбе русского правительства, разбирательство было отложено на месяц — «до прибытия свидетелей» из России. Ими оказались русские сыщики во главе с П.И. Рачковским, которые привезли в Лондон документы, в основном выписки из жандармских архивов. Впрочем, этим жестом в сторону царского правительства английское правосудие и ограничилось — прокурор на суде не счёл полезным вызвать этих свидетелей²⁹⁸.

Судебные проволочки позволили сторонникам Бурцева выиграть время. Был создан фонд в защиту арестованного, который сумел собрать 166 фунтов стерлингов, причём 155 фунтов были потрачены на найм адвокатов²⁹⁹. Немалые затраты, давшие Бурцеву впоследствии повод посетовать в мемуарах на «всегда дорого стоящий в Англии» судебный процесс, обеспечили русскому эмигранту хороших защитников в лице видных барристеров (адвокатов) — лорда Кольриджа, придерживавшегося либеральных взглядов, и Корри Гранта (которого Бурцев ошибочно назвал солистером)³⁰⁰.

²⁹⁴ Тхоржевский С. Испытание воли. [Электронный ресурс].

²⁹⁵ Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 521.

²⁹⁶ Kimball A. The Harassment of Russian Revolutionaries Abroad. P. 58–59

²⁹⁷ Иванова Н.В. Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей. С.

98.

²⁹⁸ Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. С. 27.

²⁹⁹ Hollingsworth B. The Society of Friends of Russian Freedom. P. 59.

³⁰⁰ Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. С. 27.

Суд состоялся 29 января 1898 г., причем в зале присутствовало немало полисменов: английские власти опасались демонстраций в пользу обвиняемого. Общество друзей русской свободы обратилось к министру внутренних дел с протестом. Процесс действительно вызвал живой интерес со стороны английского общества — зал был полон корреспондентов, адвокатов и простых лондонцев, а также переодетых полицейских, призванных занять как можно больше мест — именно из-за недостатка мест в зал суда не была допущена большая часть представителей русской колонии.

Предупреждая, что осуждение Бурцева станет ударом по английским свободам, Кольридж заявил в защитной речи, что «в нашей стране мнения свободны и потому, если подсудимый думает, что убийство царя ведёт к свободе его страны, то, как бы ошибочно ни было это мнение, он вправе его высказывать»³⁰¹. Однако доводы защиты услышаны не были, и суд вынес Бурцеву обвинительный приговор. Конечно же, ход процесса и позиция, которую заняли власти, не могли не сказаться на доверии русских эмигрантов к системе английского правосудия. Приговор вызвал ожидаемое негодование среди английских радикалов, близких к русским эмигрантам. Спенс Уотсон возмущённо писал: «Мы столь долго склонялись перед деспотами Европы, что уподобились им... Мы отрицаем свободу слова для русских изгнанников: сколь долго мы сохраним её сами?»³⁰².

Порой истцами выступали сами русские эмигранты. Известно, что в 1886 г. воспользоваться услугами адвоката пришлось П.А. Кропоткину — перед этим он запросил соответствующие рекомендации у П.Л. Лаврова³⁰³. В исключительных случаях в английские суды обращались и трудовые эмигранты. Один из случаев описан в письме, адресованном А.Л. Теплову. Ситуация заключалась в том, что один русский рабочий «окончательно потерял правую руку и он теперь хочет судиться с английским пароходным обществом, у которого был на службе». Корреспондент Теплова просил «дать рекомендации к лорду Кольриджу», (который, как можно предположить, стал популярен в русской колонии после процесса Бурцева) или же посоветовать какого-то другого знакомого барристера для предстоящего процесса³⁰⁴. К сожалению, о ходе самого процесса ничего не известно.

Удовлетворение русскими эмигрантами своих религиозных потребностей, безусловно, является одной из наиболее перспективных тем для отдельного исследования. Можно с уверенностью утверждать, что большая часть политических эмигрантов, поселившихся в

³⁰¹ Цит. по: Иванова Н.В. Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей. С. 99.

³⁰² Grant R. British radicals and socialists and their attitudes to Russia. P. 52.

³⁰³ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 59 об.

³⁰⁴ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1.

Лондоне, не причисляли себя к числу православных, рассматривая религию в качестве одной из составных частей официальной идеологии царизма и «опиума для народа». Зачастую придерживаясь леворадикальных взглядов, такие эмигранты стояли на позициях атеизма.

Судя по всему, православие в Лондоне, помимо тонкой прослойки собственно представителей духовенства и сотрудников российского посольства, было распространено в районах расселения трудовых эмигрантов. Э. Амфелта, описавшего жизнь «русского» Ист-Энда, привлекли колоритные фигуры вчерашних крестьян, «пылко почитающих свои иконы» и «многочисленных святых покровителей»³⁰⁵. Этот вопрос, однако, также должен быть изучен более детально в будущем.

Социокультурная адаптация русских в Англии происходила в условиях, продиктованных своеобразными правилами поведения в британском обществе. Русским волей-неволей приходилось принимать новые правила этикета — нередко это также влекло за собой определённые издержки. Например, С.М.Степняк-Кравчинский почти сразу после приезда в Лондон был вынужден заказать первые в своей жизни визитные карточки — их наличие должно было стать залогом налаживания новых контактов в среде англичан³⁰⁶. Более того, длительное нахождение в совершенно иной социальной и культурной среде вели к тому, что в поведении русских эмигрантов стали выходить на первый план личностные качества, считающиеся традиционно английскими. Н.В. Чайковский писал по этому поводу о Ф.В. Волховском: «Безусловная корректность в личных отношениях в вопросах долга и чести роднила его с английским джентльменством и была причиной того, что у него среди англичан были... друзья, которые ему безусловно доверяли во всём и считали его из своей среды»³⁰⁷.

Рождение детей в эмиграции можно считать одним из свидетельств стабильного положения эмигрантов и наличия у них соответствующих средств. В 1887 г., к примеру, в семье Чайковских родился сын, а на следующий год дочка появилась в семействе Кропоткиных³⁰⁸.

Степняк-Кравчинский, живя на Блэндфорд-роуд, упоминал в одном из писем «нескольких русских детей», живущих по соседству, в частности, «двух мальчиков и одну девочку десяти лет», часто его навещавших³⁰⁹. Упомянутой Степняком девочкой являлась Вера — дочь Феликса Волховского, чья квартира находилась неподалёку. Отлучаясь в Лондон по делам, Волховский, дабы не оставлять ребёнка дома одного, периодически отдавал его «на попечение» Кравчинских, а именно — жены и свояченицы Степняка. Интересно, что Волховский иногда

³⁰⁵ Armfelt E. Russia in East London. P. 26.

³⁰⁶ Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 323.

³⁰⁷ Цит. по: Романюк С.К. Русский Лондон. С. 155.

³⁰⁸ Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. С. 211.

³⁰⁹ Там же. С. 310.

оставался недоволен условиями, созданными для дочери в доме Кравчинских. «Не слишком ли сыро и холодно в Верочкиной комнатке?» — спрашивал он Степняка в ноябре 1892 г. Её бы надо правильно топить. Ей Богу, это удивительное устройство: денег с меня на необходимые для ребёнка расходы не берёте из ложной щепетильности, а что ребёнок от этого может пострадать — это ничего!», — с видимым неудовольствием заканчивал письмо Феликс Вадимович³¹⁰.

Вера Волховская, хоть и начала жизнь в Лондоне, уже будучи в достаточно зрелом возрасте (по просьбе отца она в 1890 г. приехала в Англию из России вместе с упоминавшимся Михаилом Гамбургом, вписанная в его паспорт как пятый сын), сумела достаточно хорошо адаптироваться к новым реалиям. Благодаря помощи отца ей удалось даже поступить в 1901 г. в Сомервилль-колледж Оксфорда — правда, из-за слабого здоровья ей пришлось завершить обучение уже в 1903 г.³¹¹.

Различные стороны социокультурной адаптации детей русских эмигрантов, росших в иноязычной стране, также могут и должны стать темой для отдельного исследования. Одним из интересных аспектов жизни этих детей в Англии является круг вопросов, связанных с их юридическим статусом. В начале XX в. П.А. Кропоткин описал коллизию, случившуюся с её дочерью, которая, став уже подростком, рассчитывала совершить поездку в Россию, где никогда не бывала. «Саша не едет в Россию, — сообщал Кропоткин в одном из писем Волховскому. — Русский консул отказал в визе. Русское правительство (с согласия Англии) не признает детей русских, рожденных здесь, британскими подданными»³¹². Неудовольствие Петра Алексеевича вполне понятно: английский закон 1870 г. сохранял средневековую норму права, согласно которой лица, рожденные в пределах британских владений, в том числе от иностранцев, постоянно или временно в них проживающих, считались подданными английской королевы. Достигнув совершеннолетия, они должны были либо остаться в британском подданстве, либо принять подданство одного из родителей³¹³. Очевидно, что данная правовая норма распространялась на всех эмигрантских детей, рождённых в Англии.

Выводы:

Русскую колонию характеризовала неоднородность жилищно-бытовых условий, которая напрямую обуславливалась неравными финансовыми возможностями. Трудовые эмигранты, являясь наиболее малообеспеченной категорией, селились в бедных кварталах восточного Лондона, тогда как обеспеченные путешественники подыскивали себе жильё в фешенебельном

³¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1158, Оп. 1, Ед. хр. 232. Л. 27 об. — 28.

³¹¹ Slatter J. Bertrand Russell and the Volkhovsky Letters. P. 9, 10.

³¹² Кропоткин-Волховскому. 27 июля 1900 [Электронный ресурс].

³¹³ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. С. 197.

центре. Политические эмигранты, занимавшие в финансовом отношении промежуточное положение, снимали квартиры, соответствующие уровню жизни среднего класса. В отличие от остальных, религиозные эмигранты селились в сельской местности, в силу специфики своего вероучения.

Помимо нехватки финансов, повседневную жизнь русских эмигрантов отличало немалое количество других трудностей: непривычный климат, неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка, специфическая кухня и пр. Реализация первичных потребностей пробуждала у эмигрантов желание удовлетворить потребности более высокого толка – социальные, культурные. Однако выполнение этих запросов зачастую было труднореализуемо из-за недостатков финансов, а также ограниченных возможностей эмигрантской колонии.

Глава III. Деятельность русской эмиграции

§ 1. Организационная деятельность эмигрантов

Малочисленность русской колонии в Англии являлась главным препятствием для институирования эмигрантских организаций. Долгое время русским эмигрантам приходилось пользоваться форматом уже существовавших организаций и объединений, чтобы осуществлять координирующие действия и поддерживать связи внутри колонии и за её пределами.

Ещё в 1840 г., на заре викторианской эпохи, двумя немецкими эмигрантами было основано «Просветительское общество немецких рабочих», которое было больше известно под коротким названием «Коммунистический клуб». В течение последующих десятилетий данное сообщество постепенно превращалось, по выражению И.М.Майского, в «центр разноплеменной революционной эмиграции»³¹⁴, преимущественно левого толка. «Клуб» занимал четырёхэтажное здание на Шарлотт-стрит (107-109, Charlotte Street), неподалёку от Фитцрой-сквер³¹⁵. Внутри располагался главный зал для собраний, рассчитанный на 200 человек, помещения для собраний групп и кружков, библиотека, бильярдная и дешёвый ресторан, в котором можно было отобедать всего за шиллинг или даже 9 пенсов³¹⁶. Клуб являлся местом встреч лондонских эмигрантов, в том числе и русских, которые могли не только обсудить здесь насущные дела колонии, но и поддерживать её международные связи. Как будет показано ниже, «Коммунистический клуб», не являвшийся, конечно, самостоятельной организацией русских эмигрантов Лондона, сыграл свою роль при основании первых институтов колонии.

Попытки создания организации русских эмигрантов на ранних порах были связаны с либо уже существующими структурами, либо предпринимались в контексте создания международных сообществ, под эгидой зарубежных деятелей. Так, в 1870-х годах по инициативе Энгельса и Лиссагара было основано интернациональное общество лондонских эмигрантов, в которое вошли французы, немцы, поляки, русские и др. Каждая секция, создававшаяся по национальному или родовому принципу, избирала своего секретаря; секретарем Славянской секции стал Л. Гольденберг. Русские представляли в Славянской секции меньшинство — немногочисленность русских, проживавших в Лондоне в 1870-х годах, не позволила данной организации стать координирующим органом русской эмиграции,

³¹⁴ Майский И.М. Путешествие в прошлое. С. 40–41.

³¹⁵ Романюк С. К. Русский Лондон. С. 153.

³¹⁶ Майский И.М. Путешествие в прошлое. С. 42.

который мог бы представлять её перед английской общественностью и эмигрантским сообществом.

Очевидно, что ещё в 1880-х годах русские эмигранты довольно охотно шли на совместные действия с другими эмигрантами из Восточной Европы, преимущественно из славянских стран. Об этом свидетельствует сообщение Льва Гартмана Лаврову в середине марта 1881 года о намечавшемся 21 марта 1881 г. митинге «славянских народностей и русских выходцев» в ознаменование убийства Александра II³¹⁷.

С начала 1880-х годов в Лондоне функционировало Славянское общество. По мнению В.Я. Гросула, сходство в названиях могло быть связано с тем, что данная организация с большой долей вероятности являлась правопреемницей Славянской секции — во всяком случае, Лазарь Гольденберг принял деятельное участие в работе Славянского общества³¹⁸. Общество насчитывало примерно 20 проживавших в Лондоне эмигрантов — русских (среди которых следует назвать Н.В. Чайковского, являвшегося председателем Общества, А.Л. Линева и П.А. Кропоткина), поляков, чехов, евреев, сербов. В первом пункте устава общества была сформулирована задача освобождения славянских народов, а во втором предусматривались условия членства — членами общества «могут быть все сочувствующие этой цели»³¹⁹. Деятельность общества была направлена, прежде всего, на освещение бедственного положения крестьян и евреев Российской империи, а также на оказание посильной помощи русскому революционному движению. Созданное Славянское общество не являлось координирующим центром жизни русской колонии и никогда в таком качестве себя не позиционировало. Судя по всему, его деятельность нельзя было назвать успешной — уже в 1883 году она сошла на нет.

Активность С.М. Степняка-Кравчинского и других российских эмигрантов в Лондоне второй половины 1880-х обусловила рост интереса британского общества к России и русским. Кравчинский прикладывал максимум усилий, чтобы привлечь внимание англичан к деятельности русской эмиграции. Это обеспечило ему, пожалуй, более выгодную позицию, чем та, которую занимал в начале 1860-х годов А. И. Герцен — его Вольная русская типография во многом так и осталась «вещью в себе», работавшей исключительно на Россию и для англичан не всегда понятной. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что Степняку-Кравчинскому едва ли удалось бы достичь успешных результатов без активного содействия своих английских друзей.

³¹⁷ Тхоржевский С. Испытание воли [Электронный ресурс].

³¹⁸ Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции. С. 262.

³¹⁹ Гросул В. Я. Лондонская колония революционных эмигрантов и Кропоткин. С. 128.

7 августа 1885 г. одна из таких друзей, Анни Безант, организовала у себя на квартире собрание. Из русских на нём присутствовали Степняк-Кравчинский и Кропоткин, из англичан — Чарльз Брэдлиф, Джордж Бернард Шоу и др. На собрании было учреждено Общество друзей России. Предполагалось, что оно будет способствовать делу освобождения народа России публикациями с информацией о ситуации в стране, организацией митингов и лекций³²⁰. Общество друзей России не оправдало связанных с ним ожиданий.

Несколькими годами позже, в феврале 1889 г. Кравчинский поднял вопрос о создании организации англичан, которая могла бы оказывать помощь его делу³²¹. 9 ноября 1889 г. Роберт Спенс Уотсон, адвокат из Ньюкасла, деятельный сторонник Либеральной партии, предложил С.М. Степняку-Кравчинскому свою помощь. Он намеревался организовать небольшую группу друзей-единомышленников, о чём и сообщил Сергею Михайловичу во время личной встречи в Лондоне. Итогом этих переговоров стало учреждение 31 марта 1890 г. Общества друзей русской свободы, о деятельности которого будет сказано позже.

В Исполнительный комитет Общества вошли 13 англичан — но только с 1893 г. в его стали участвовать русские эмигранты³²². Отдавая должное энтузиазму и энергии Кравчинского, который играл изначально одну из ключевых ролей в деятельности Общества, следует все же учитывать, что оно существовало главным образом за счёт деятельного участия британских общественных деятелей, в первую очередь Роберта Спенс Уотсона и других входивших в Исполнительный комитет англичан. Сам он писал, что хотя управление Обществом и осуществлялось руками англичан, заслуга русских членов Общества заключается в том, что ими «проделывается умелая и скрупулёзная» работа по донесению до английской общественности «точных фактов» о положении дел в России, высказывании собственных суждений, которые основаны «исключительно на основе опыта, а не являются домыслами»³²³. Феликс Волховский, достаточно тонко понимавший английскую психологию, писал Степняку: «Ты не заставишь людей — а в особенности англичан — работать как следует, если не заставишь их почувствовать, что они работают сами, своё дело, а не только пристегнуты к чужому»³²⁴. Оба эмигранта считали важным как можно активнее привлекать к работе англичан. «Мы имеем горсточку таких работников-англичан, которые до известной степени заменяют тебя и меня как агитаторов, — подчёркивал Волховский, — и даже — в известной мере —

³²⁰ Hollingsworth B. Op. cit. P. 49–50.

³²¹ Senese D. J. S. M. Stepniak-Krachvinskii. P. 47.

³²² Hollingsworth B. Op. cit. P. 50–52.

³²³ Цит. по: Senese D. Felix Volkhovsky in London. P. 72.

³²⁴ РГАЛИ Ф. 1158, Оп. 1, Ед. хр. 232. Л. 10.

могут заменить и в литературном отношении»³²⁵. По той причине, что Общество по своему составу являлось преимущественно английской организацией, анализ его деятельности будет предпринят в следующей главе диссертации.

Важным итогом участия русских эмигрантов в деятельности Общества следует считать некоторую либерализацию их политических взглядов. В частности, Степняк-Кравчинский стал относиться к террору критически. Так, уже в 1885 г. он назвал организованный фениями взрыв у Вестминстерского дворца «детской работой... глупой, беспредметной... не служащей во благо большому делу»³²⁶. Десять лет спустя, в 1895 г., Кравчинский уже охарактеризовал терроризм как «худший из всех революционных методов». Один из активных членов «Общества друзей русской свободы» Джордж Перрис полагал, что такие перемены в С. М. Кравчинском обусловлены благотворным влиянием на русского революционера мягкого английского политического климата³²⁷. С такими выводами соглашается исследователь Д. Б. Сэндерс, полагающий, что действия Степняка в Англии отличала гибкость, а также понимание широких возможностей, которые предоставляла, в противовес терроризму, мирная пропаганда своих убеждений³²⁸. В то же время современный биограф Кравчинского Дональд Сенес был склонен оспаривать выводы Перриса, полагая, что последний переоценил влияние Англии на Степняка³²⁹. Тем не менее представляется возможным согласиться с исследователями, указывавшими на изменения, произошедшие в убеждениях Кравчинского. Судя по всему, он, редактируя печатный орган Общества («Свободную Россию»), волей-неволей должен был подстроиться под особенности формирования английского общественного мнения, не приемлющего радикализм. Возникновение Общества друзей русской свободы стало важным шагом на пути дальнейшего институирования русской эмиграции в Англии.

Не раз упоминавшаяся ранее библиотека Британского музея стала в последней трети XIX в. интеллектуальным центром русской культуры и русской эмиграции. Елена Рогачевская полагает, что это явление довольно уникальное — превращение библиотеки в неформальный культурный центр эмигрантского сообщества. Практически все без исключения русские эмигранты были записаны в библиотеку. Как уже указывалось выше, посещение её читального зала подчас становилось целью приезда русских в Лондон. Воспоминания и письма эмигрантов пестрят упоминаниями о работе «в Музее» — в основном русские изгнанники весьма высоко отзывались о собраниях библиотеки. Постоянная работа в читальном зале на Грэйт Рассел-

³²⁵ Там же. Л. 8.

³²⁶ Gray D. D. *London's Shadows*. P. 219.

³²⁷ Зашихин А. Н. «Глядя из Лондона». С. 157.

³²⁸ Saunders D. B. *Stepniak and the London Emigration*. P. 81.

³²⁹ Senese D. J. S. M. *Stepniak-Krachvinskii*. P. 13–14.

стрит позволяла эмигрантам встречаться в самой библиотеке и за её пределами. В конце XIX в. русские эмигранты даже пошли на диалог с администрацией библиотеки. Так, Владимир Бурцев «не только от своего имени, но и от имени своих друзей, которые работают в Музее: м-ра Волоховского, Ротштейна, Литвинова и других» предлагал хранителю Отдела печатной книги закупить ряд изданий, необходимых для исследований русской эмиграции³³⁰. Поэтому представляется возможным говорить о том, что в Лондоне уже с середины 1880-х годов начал формироваться неформальный кружок, объединявший русских эмигрантов по их принадлежности к числу читателей библиотеки Музея.

Еще одним результатом сотрудничества русских эмигрантов с видными деятелями английского общественного движения стало рождение Общества содействия российским реформам. Оно было основано 1 ноября 1895 г. на учредительной конференции, состоявшейся в лондонском Сити. Инициатива и заслуга в данном случае принадлежит Я.М. Прилукеру, который стал почётным секретарём этого общества³³¹.

Я.М. Прилукер уже в 1896 г. развернул бурную деятельность по популяризации работы молодого общества. Его стараниями в Лондоне были организованы двухдневные мероприятия, включавшие концерты, на которых исполнялась русская музыка, литературные чтения, разнообразные выставки. Посетителей знакомили с русскими свадебными церемониями, воинским искусством, традициями чаепития и пр. Показательно, что мероприятия, проводившиеся в ратуше округа Сент-Мартин на Чаринг-Кросс, были открыты сэром Джоном Хаттоном, председателем Совета графства Лондон³³². В дальнейшем Прилукер продолжил практику организации культурно-массовых мероприятий, главной целью которых являлась пропаганда русской культуры и традиций. Он организовывал лекции и концерты, русские «базары», на которых вместе с добровольцами переодевался в русские народные костюмы³³³.

При всей активности Якова Моисеевича как популяризатора русской культуры в Англии, это были действия одиночки — представители политической эмиграции левого толка, преобладавшей в Лондоне, не пытались идти на контакт с Прилукером, чтобы объединить усилия в деле построения институтов колонии, в которых она уже отчётливо нуждалась в середине 1890-х годов. Как и в случае с Обществом друзей русской свободы, Общество содействия российским реформам являлось исключительно английской организацией, поэтому его деятельность также будет рассмотрена отдельно в контексте исследования отношения английской общественности к русской эмиграции.

³³⁰ Цит. по: Рогачевская Е. Указ. соч. С. 56.

³³¹ Frank H. Jaakoff Prelooker // Prelooker J. Russian Flashlights. — L.: Chapman and Hall, 1911. — P. 26.

³³² Ibid. P. 27.

³³³ Slatter J. Jaakoff Prelooker and «Anglo-Russian». P. 53.

Конец XIX в. был отмечен важным событием в жизни русскоязычной общины Лондона. Именно тогда в британской столице была организована эмигрантская публичная библиотека, располагавшая обширным фондом литературы на русском языке. Она стала формированием нового формата, который ранее не был свойственен колонии русских эмигрантов. Граф Э. Амфелт, внимательно изучавший жизнь русскоязычного Лондона, в своей статье «Россия в Восточном Лондоне» описал её так: «Эта библиотека — единственная в своём роде. Она занимает комнату на третьем этаже небольшого дома на Черч-лэйн. Длинный стол, две деревянные скамьи, два неотделанных письменных стола, пара стульев, несколько дюжин полок, около двух тысяч книг, русские газеты и журналы пятилетней давности и несколько плакатов на стене»³³⁴. По свидетельству автора, в библиотеке можно было встретить представителей буквально всех классов общества: «военно-морских курсантов из императорских училищ, студентов, литераторов, купцов, безработных, ни слова не знающих по-английски, — все собираются здесь в определённое время дня, и дым, исходящий от сигар, трубок и сигарет, соединяет эти атомы русского общества в одно нескладное целое»³³⁵.

Основателем библиотеки являлся Алексей Львович Теплов, чья жизнь в Лондоне уже была частично описана выше. Теплов приступил к организации бесплатной библиотеки для бедствующих русскоязычных эмигрантов, обитающих в Ист-Энде, вскоре после своего приезда в Лондон. Судя по всему, ему оказывал помощь Фонд Вольной русской прессы, располагавший собственной библиотекой.

Подобная инициатива, по свидетельствам А. Тара, не была первой в своём роде, и попытки самоорганизации уже предпринимались к тому времени в среде русских трудовых мигрантов. «Я очень хорошо это испытал на своей собственной персоне, — вспоминал Тар. — Были среди рабочих кое-какие кружки самообразования и другие группы, но все они жили очень вяло и почти ничем не проявляли свою деятельность. Словом, среди «русского островка» в Лондоне царили спячка и уныние. Это было как раз в период 1898-1900 годов»³³⁶.

Процесс занял довольно долгое время, так как единственным источником финансирования библиотеки являлись частные пожертвования. Теплов разослал письма с просьбами о помощи, в том числе и к видным представителям колонии русских политических эмигрантов. В этих письмах он объявил о том, что «русская интеллигенция в Лондоне сочла своей обязанностью

³³⁴ Armfelt E. Russia in East London. P. 26.

³³⁵ Ibid.

³³⁶ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 44.

открыть русскую библиотеку и читальню»³³⁷. Многие отнеслись к подобной идее весьма сдержанно. Так, Н.В. Чайковский признался Теплову в ответном письме, что его инициатива, «в виду изрядного числа погибших библиотек, совсем не обнадёживает». «Вы говорите, — продолжал Николай Васильевич, — библиотека не принадлежит ни личности, ни кружку, а обществу! Где же оно? Из кого состоит? Это нам не обещает успеха»³³⁸. Тем не менее, чета Чайковских всё же согласилась сделать пожертвование в пользу библиотеки, в том числе и книгами. Впоследствии Н.В. Чайковский сделал ещё ряд пожертвований, притом довольно крупных — до 10 фунтов стерлингов³³⁹.

13 июля 1898 г. бесплатная библиотека и читальня была открыта на Уайтчэпел-роуд (15, Whitechapel Road) в Степни. Это помещение оказалось малоприспособленным, как и следующее, располагавшееся по соседству (29, Whitechapel Road), поэтому в 1900 г. библиотека переехала в дом на соседней улице Черч-лэйн (16, Church Lane)³⁴⁰. Новые помещения по-прежнему не удовлетворяли запросам Теплова, рисовавшего в уме такой план библиотеки: «1) просторная комната или зала под читальню, 2) комната под библиотеку, 3) зала для чтения лекций, 4) комната для тех читателей, которые желают заниматься, а не ограничиваться чтением газет и журналов, 5) комната для школы, 6) помещение для заведующего библиотекой»³⁴¹. Однако «за недостатком средств» Теплов не мог снять даже двух отдельных комнат — «одну для читальни, а другую для помещения книг библиотеки», поэтому он был вынужден, за неимением лучшего, довольствоваться «одной комнатой с тремя окнами, выходящими прямо на улицу»³⁴².

Виктор Шпанец, нередко бывавший в библиотеке, оставил её небольшое описание, из которого следует, что русских эмигрантов вела в читальню не одна только жажда знаний. «Да не подумает читатель, что жажда чтения, желание узнать, что нового принесли газеты и журналы, в истрёпанном виде лежащие на столе, собрали сюда этих бледных, с красными глазами, измученных людей и заставили их не только наполнить собой библиотеку, но ещё и целыми десятками толпиться на лестнице, — писал Шпанец. — Нет, совсем не то: они пришли сюда немного согреться и, если придётся, то даже вздремнуть. Дело в том, что, не имея работы, они не имеют квартир и, будучи голодны, должны всю долгую зимнюю ночь бродить по улицам города, не смея нигде присесть». Впрочем, Шпанец охотно признавал, что основное предназначение читальни заключалось в ином, и что Теплову в итоге удалось создать

³³⁷ Там же. Ед. хр. 5. Л. 228.

³³⁸ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 20, 21.

³³⁹ Хендерсон Р. Русская библиотека в Ист-Энде. С. 61.

³⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 2, 8, 9.

³⁴¹ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 42.

³⁴² Там же. Л. 69.

«товарищескую среду» в своей библиотеке, «где часто устраивались митинги, читались лекции, всевозможные рефераты и сообщались самые последние новости из России»³⁴³.

Своим приоритетом Теплов считал образование иммигрантов из России, предоставление им «возможности поддерживать духовную связь со своей родиной и следить за её жизнью и литературой». По сообщению А. Тара, «в конце 1900 или в самом начале 1901 года заведующий читальней решил устраивать лекции на разные темы, чтобы иметь хоть какой-нибудь источник для существования читальни... Лекции сразу... начали усердно посещаться публикой». Первоначально Теплов арендовал под эти нужды Кингс-холл на Коммершэл-роуд. Однако расходы оказались непомерными, отчего пришлось даже на некоторое время приостановить чтение лекций. Вскоре Теплову удалось подыскать «за небольшую плату постоянное помещение, вмещающее около 100 человек» — Либерти-холл на Пелхем-стрит (9, Pelham street)³⁴⁴. С этого момента лекции стали читаться два раза в неделю — не только по пятницам, но и по воскресеньям. Теплов привлёк к сотрудничеству таких видные представители колонии как Пётр Кропоткин и Николай Чайковский. Тематика лекций была самой разнообразной. К примеру, Кропоткин рассказывал рабочим про общественную жизнь пчёл и муравьёв, с демонстрацией «картин» из «волшебного фонаря», Прокофьев же читал лекции по физике и механике, также с показом изображений и даже демонстрацией опытов³⁴⁵. По воскресеньям приходило в среднем человек 90 (колебание от 60 до 120 и 130), по пятницам в среднем человек 30 (от 15 до 50–60), за лекции взималась плата в 1 пенни, но нуждающиеся могли пройти бесплатно³⁴⁶.

Еженедельные лекции, как было верно отмечено А. Таром, «создали новую почву для общения». В скором времени после их начала было создано ещё одно объединение русских эмигрантов — Общество популярных лекций в Истэнде. «Несколько человек из наиболее молодых и активных лекторов, — по воспоминаниям Тара, — решили образовать лекторское общество и пригласить в нём участвовать всех читавших лекторов и других лиц, приехавших оказывать содействие»³⁴⁷. Фактически общество существовало со второй половины 1901 г., однако его устав и исполнительные органы были созданы уже в 1902 г. Общество, ставившее своей целью «содействовать самообразованию рабочих Истэнда», изначально создавалось при активной поддержке политических эмигрантов (Аладина, Чайковского, Кропоткина и, конечно, Теплова). Поэтому в уставе было специально оговорено, что «в случае прекращения

³⁴³ Шпанец В. Из воспоминаний дезертира. Часть 2. С. 25, 27.

³⁴⁴ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 44.

³⁴⁵ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 89, 108, 109.

³⁴⁶ Там же. Ед. хр. 126. Л. 46.

³⁴⁷ Там же. Л. 45.

существования общества имущество его передаётся Обществу Русских Политических эмигрантов в Лондоне» (как это, собственно, и произошло в августе 1903 г., когда Общество популярных лекций в Истэнде прекратило своё существование)³⁴⁸.

Упомянутое в уставе Общество Русских Политических эмигрантов, судя по всему, было создано в начале XX столетия, став предтечей диаспоральных институтов последующего периода. Об этом обществе (в других источниках оно фигурирует под именем «старого с.-б. Эмигрантского Общества»³⁴⁹) почти ничего не известно, кроме того, что значительную роль в нём играли Чайковский и сам Теплов. По-видимому, общество возникло в 1901 или 1902 г. Уточнение его состава и анализ деятельности — ещё одна тема для дальнейших исследований.

Алексей Львович охотно поощрял творческое самовыражение русских эмигрантов — номера самодеятельности являлись постоянным пунктом программы благотворительных вечеров, которые устраивались в пользу библиотеки. Так как помещения библиотеки не могли вместить большое количество публики, подобные концерты и балы устраивались неподалеку — в Кингс-холле на Коммершэл-роуд. О кружках самодеятельности, занимавшихся русской народной песней и театральными постановками, уже рассказывалось выше.

Теплов организовывал также и занятия по английскому языку для всех, кто не владел им в должной степени, однако курсы, видимо, не пользовались той популярностью, на которую надеялся Теплов. «На изучение английского у них нет времени, — с горечью писал он о русских мигрантах, — и английские вечерние классы весьма мало посещаются нашими рабочими»³⁵⁰. Впрочем, как будет показано ниже, языковая подготовка самого Теплова при этом оставляла желать лучшего, что являлось нонсенсом в среде политических эмигрантов.

Книги из фондов библиотеки можно было читать в зале, а также забирать домой на время. Библиотека работала с 11 до 22 часов в будние дни, а по выходным — с 12 до 22 часов, соответственно, в неё можно было успеть попасть даже после долгого рабочего дня³⁵¹.

Содержание библиотеки требовало от Теплова не только огромной отдачи, но также и значительных финансовых влияний. Как уже было сказано, важной статьёй доходов библиотеки являлись добровольные пожертвования, чаще всего со стороны обеспеченных представителей русской колонии. Так, за первые полгода своего существования в 1898 г. Теплов собрал на нужды библиотеки 4 фунта 9 шиллингов и 9 пенсов пожертвований. Отчётность указывает на неуклонное падение активности спонсоров к концу года — если в августе был получен 1 фунт

³⁴⁸ Там же. Л. 18.

³⁴⁹ Там же. Л. 60.

³⁵⁰ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 42.

³⁵¹ Там же. Ед. хр. 5. Л. 243.

15 шиллингов 11 пенсов, то в декабре пожертвований было собрано в два раза меньше — 18 шиллингов 2 пенса. В 1899 г. Теплову удалось привлечь новые пожертвования, а также доказать русской колонии популярность библиотеки среди трудовых эмигрантов — была собрана сумма в 22 фунта 10 шиллингов и 2,5 пенса (то есть порядка 2 фунтов в месяц)³⁵². Интересно сопоставить сведения о доходах библиотеки с данными о её расходах. По подсчётам Теплова, каждую неделю он тратил 10 шиллингов на наём комнаты, 4 шиллинга 6 пенсов на мытьё и газовое освещение, 5 шиллингов и 6 пенсов на переплёты и почтовые расходы — итого расходы составляли порядка фунта стерлингов еженедельно. Позже, когда Теплов начал снимать отдельный зал для проведения лекций, к этим расходам добавилась новая статья — аренда зала, а также освещение и изготовление афиш, итого ещё 12 шиллингов и 6 пенсов³⁵³. В отчётности Теплова отсутствуют расходы на закупку новых книг — фонды библиотеки до начала XX в. пополнялись только за счёт пожертвований, и лишь с созданием Общества популярных лекций началась закупка новой литературы. В 1902 г., к примеру, Общество помогло библиотеке приобрести книги на сумму 5 фунтов, 6 шиллингов и 9 пенсов³⁵⁴.

Конечно, такие расходы являлись совершенно неподъёмными для Теплова, поэтому, помимо сбора средств, он периодически устраивал концерты в пользу библиотеки, о чём упоминалось выше. Так, 25 марта 1899 г. был организован концерт и бал в помещении Атенеум-холла. Выручка от буфета и продажи билетов составила 16 фунтов 2 шиллинга 7 пенсов. За вычетом суммы, ушедшей на аренду зала, печать билетов и программ, музыку, пиво, вино, буфет, прокат посуды, Теплову удалось выручить 7 фунтов 5 шиллингов и 7 пенсов. Следовательно, за один вечер была собрана без малого третья часть суммы годовых пожертвований³⁵⁵. Подобные мероприятия были ориентированы в первую очередь на обеспеченных представителей колонии (они же, видимо, и вносили львиную долю пожертвований). На это указывает хотя бы стоимость участия в таких вечерах — цена билета на концерт и бал, проведённый 21 апреля 1900 г. в Кингс-холле, составила 1 шиллинг³⁵⁶.

До публикации статьи Э. Амфелта о Бесплатной библиотеке в издании «Ливинг Лондон» о её существовании не было известно широкому кругу общественных и культурных деятелям. Ситуация начала меняться уже после 1902 г., когда многие из них начали сотрудничество с Тепловым. Однако и до этого библиотека, по донесению одного из полицейских агентов,

³⁵² Там же. Л. 1, 2.

³⁵³ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 43.

³⁵⁴ Там же. Ед. хр. 126. Л. 12.

³⁵⁵ Там же. Д. 5. Л. 5.

³⁵⁶ Там же. Д. 87. Л. 205.

являлась одним из важных центров русскоязычной колонии британской столицы, «активным местом встречи русских революционеров в Лондоне»³⁵⁷.

Интересно, что сам А.Л. Теплов, приложив столько усилий ради повышения уровня образования рядовых членов колонии и, соответственно, их более успешной адаптации в Англии, сам довольно неохотно учился английскому языку. И.М. Майский, признавая, что Теплов «был очень популярен в эмигрантской колонии», свидетельствовал о том, что «английский язык оставался для Теплова книгой за семью печатями: у булочника или мясника он объяснялся больше жестами, чем словами». Такая ситуация была типична для многих рядовых членов колонии — «лишь немногие из них действительно хорошо владели этим языком»³⁵⁸. Впрочем, это лишь подчёркивает значимость деятельности А.Л. Теплова. Она была направлена, прежде всего, на оказание помощи представителям рабочей эмиграции, обитавшей в Ист-Энде. Русские политические эмигранты, предпочитавшие селиться в западной части Лондона и обладавшие большими возможностями, хорошо знали о деятельности Теплова и по мере сил оказывали ему финансовую, организационную и иную помощь. Однако не они являлись «целевой аудиторией» библиотеки.

Деятельность Е.П. Блаватской, хоть и обладала некоторыми схожими чертами, была направлена в ином направлении. Членами созданного ей Теософского общества нередко становились весьма состоятельные англичане — благодаря чему Блаватская за время своей жизни в Англии не была ограничена в финансовом плане. Значительные пожертвования с их стороны (к моменту смерти Елены Петровны Теософское общество располагало денежным фондом в размере примерно 260 фунтов стерлингов³⁵⁹) предоставляли Блаватской достаточно широкие возможности и позволяли Обществу реализовывать разного рода программы и проекты: издавать литературу, дважды в неделю проводить «оккультные занятия» во главе с Блаватской для записанных в особую «эзотерическую секцию», устраивать по четвергам «митинги» для членов Общества и общие приёмы по субботам, на которые приглашались и представители прессы. Можно с уверенностью утверждать, что Елена Петровна быстро восприняла английские традиции благотворительности. Так, по инициативе Анни Безант, её ближайшей соратницы, тысяча фунтов стерлингов, пожертвованная на благотворительность богатым членом Общества, была потрачена на строительство в Ист-Энде «клуба-приюта на 300 женщин с дешёвейшим, если не вполне даровым прокормлением, с даровой библиотекой, воскресными уроками, швейными и другими машинами; вдобавок с 40, почти бесплатными,

³⁵⁷ Там же. С. 64.

³⁵⁸ Майский И. М. Путешествие в прошлое. С. 92.

³⁵⁹ Our Budget // Lucifer. — 1891. — Vol. 8 (45). — P. 264.

кроватями для женщин в нем, преимущественно сирот»³⁶⁰. Следовательно, можно сделать вывод о том, что Е.П. Блаватская, вполне успешно завершив свою социокультурную адаптацию в Англии (в первую очередь благодаря немалому количеству преданных последователей), располагала достаточными средствами и авторитетом для того, чтобы, в свою очередь, самой помогать нуждающимся, хоть и не из числа русских эмигрантов.

§ 2. Трудовая деятельность эмигрантов. Финансовое положение колонии

Проживание в Англии было напрямую связано с постоянной необходимостью изыскивать средства. Любой эмигрант, поселившийся в Лондоне или другом английском городе, по истечении небольшого времени сталкивался с этой проблемой. Практически полное отсутствие диаспоральных институтов, которые могли бы предложить финансовую помощь членам колонии, вынуждало изгнанников рассчитывать лишь на себя. Неудивительно, что практически всем эмигрантам, как правило, не хватало денег. Мрачную картину жизни русской колонии в Лондоне конца 1880 г. рисовал Лев Гартман: «Голод нашей колонии принимает размеры грандиозные: нечего есть..., не во что одеться, ибо всё заложено, а на дворе самые холода. К тому же и с квартиры гонят»³⁶¹. Гартман прибыл в Лондон летом 1880 г. и после неоднократных безуспешных попыток наняться на какую-либо фабрику ему удалось устроиться факельщиком при погребальных процессиях. В ноябре того же года он покинул английскую столицу, ненадолго переселившись в США. Осенью 1881 г. Гартман вернулся из Америки. На сей раз ему удалось под чужой фамилией устроиться монтером на фабрике электрического освещения. Работа отнимала очень много времени, поэтому, как сетовал Лавров, увидеться с Гартманом можно было лишь в воскресенье.

Пример Льва Гартмана не был типичен для русской эмигрантской колонии в Англии. Политическим эмигрантам чаще всего удавалось совмещать свою общественно-политическую деятельность с процессом зарабатывания денег на жизнь. Физический труд для русских политических эмигрантов являлся редким исключением. Все они, привыкнув к умственному труду, предпочитали получать доход за счёт публикаций в английских газетах, издательской деятельности или чтения лекций. Зарабатывая на жизнь вне отрыва от общественно-политической деятельности, они сохраняли достаточный запал общественной активности, который и помогал им с той или иной степенью успешности адаптироваться в новых реалиях.

³⁶⁰ Желиховская В.П. Радда-Бай [Электронный ресурс].

³⁶¹ Цит. по: Киперман А. Я. Главные центры русской революционной эмиграции. С. 279.

Деятельность русских эмигрантов в Англии была весьма разнообразна и многогранна, и именно благодаря этому осуществлялась их планомерная интеграция в британское общество. С.М. Степняк-Кравчинский и П.А. Кропоткин, самые известные русские политические эмигранты, часто публиковались в английских газетах, что не только приносило доход, но и позволяло совершенствовать английский язык и с каждым месяцем всё более увереннее заявлять о себе перед английским обществом (впрочем, по воспоминаниям Бернарда Шоу, Степняк, «чем дольше жил в Англии, тем меньше думал о преодолении трудностей языка и соответственно — тем хуже говорил»³⁶²). Так, Кропоткин активно публиковался в журналах «Природа» и «Девятнадцатый век» (в последнем он с 1892 г. являлся ведущим автором раздела «Современная наука»), в газетах, в том числе и «Таймс», и даже стал одним из авторов изданной в Оксфорде энциклопедии братьев Чемберс³⁶³. Однако публикации не приносили желаемого заработка. «Мы живем по-старому, — немного хуже с материальной стороны, потому что нет определенной работы, а статьями в review жить нельзя, — признавался Кропоткин в одном из писем, добавляя, — И вся наша колония в таком же положении»³⁶⁴. Большое количество публикаций в английских газетах и журналах оставил после себя и Степняк-Кравчинский. Сотрудничество с английскими изданиями приносило эмигранту стабильный и достаточно солидный доход. В апреле 1890 г. редакция газеты «Нью ревью» прислала Сергею Михайловичу чек в 9 гиней (т. е. 9 фунтов и 9 шиллингов) в качестве гонорара за статью³⁶⁵. В марте 1892 г. Кравчинский получил чек в 11 фунтов за «исключительную статью», опубликованную в «Фортнайтли ревью»³⁶⁶. Но, конечно, наибольшее количество денег приносило Степняку-Кравчинскому активное участие в издании журнала «Свободная Россия», о котором будет рассказано дополнительно. Каждый месяц Сергей Михайлович получал чек от Спенс Уотсона на сумму в 12 фунтов (в первые годы издания журнала эта сумма была, впрочем, несколько больше)³⁶⁷.

Написание статей в различные журналы, наравне с литературной деятельностью, являлось основным занятием и Е.П. Блаватской. О перегруженном графике Елены Петровны лучше всего может свидетельствовать её собственное письмо: «Вы подумайте, сколько у меня неотложного, ежедневного дела! Издавать мой журнал «Люцифер», писать статьи в парижский «Лотос», в нью-йоркскую «Тропу», в мадрасский «Теософист», который без моих статей... слишком

³⁶² Прийма Ф. Забытая статья Бернарда Шоу о С. М. Степняке-Кравчинском. С. 166.

³⁶³ Маркин В. А. Неизвестный Кропоткин. С. 250-251.

³⁶⁴ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 94.

³⁶⁵ РГАЛИ Ф. 1158. Оп. 1. Ед. хр. 540. Л. 1.

³⁶⁶ Там же. Ед. хр. 481. Л. 9.

³⁶⁷ Там же. Ед. хр. 471. Л. 88, 99; Там же. Ед. хр. 472. Л. 3, 27, 29, 33, 45, 51

потерял много подписчиков; продолжать второй том «Тайной Доктрины», да поправлять по пяти раз корректуры первого тома; да принимать по двадцати и тридцати человек, ежедневно являющихся за делом и без дела. Ведь тут не 24, а 124 часа в сутки не хватит»³⁶⁸.

Многие политические эмигранты весьма активно выступали с лекциями, причем не только в Лондоне, но и других городах Соединённого Королевства. Чтение лекций являлось важным, но всё же не самым значимым источником дохода. По свидетельству Бернарда Шоу, Степняк-Кравчинский начал читать лекции на регулярной основе в 1886 году «в небольшом помещении, примыкающем к дому Уильяма Морриса в Гаммерсмите»³⁶⁹. Из записей в ежедневнике Степняка, относящихся к времени создания Общества, следовало, что эмигрант читал по 2–3 лекции в месяц. Доход сильно варьировался в зависимости от места проведения (Степняку доводилось выступать как в небольших частных гостиных, так и в таких крупных поместьях, как Милтон-холл, и на многочисленных общественных площадках — к примеру, в клубах Либеральной партии в различных городах Королевства³⁷⁰) и дня недели — эти два основных фактора определяли количество слушателей. Так, 6 июня 1890 г., в пятницу, Степняк получил за лекцию 11 шиллингов, а 8 июня, в воскресенье, 6 шиллингов (к сожалению, темы лекций неизвестны)³⁷¹. Для сравнения можно привести данные Кропоткина о выручке, полученной с его лекции в июле 1890 года: было распроданы почти все билеты в зал на 900 мест, что принесло организаторам около 57 фунтов стерлингов (расходы же составили 18 фунтов стерлингов)³⁷². Всего же за 1890 г. Кропоткин, имевший много литературной работы, заработал 60 фунтов стерлингов, тогда как в 1889 г., когда работы было меньше, он получил гонораров в размере 148 фунтов³⁷³.

Очевидно, что Пётр Кропоткин в начале 1890-х годов был более известным и востребованным лектором, чем Кравчинский. Кроме того, Пётр Алексеевич прибегал к помощи английских организаторов, что и обуславливало столь значительный объём выручки. Степняк-Кравчинский к тому времени ещё не мог рассчитывать на такие заработки. Судя по всему, большую часть гонораров от лекций он пускал на нужды Общества друзей русской свободы, а также для помощи русским политическим эмигрантам, притом не только из лондонской колонии (к примеру, вырученные средства от лекции «Толстой как писатель и как реформатор общества», прочитанной в Портман Румс на Бейкер-стрит в июле 1890 г., Сергей Михайлович

³⁶⁸ Желиховская В.П. Радда-Бай [Электронный ресурс].

³⁶⁹ Прийма Ф. Забытая статья Бернарда Шоу о С. М. Степняке-Кравчинском. С. 166.

³⁷⁰ Peaker C. Reading Revolution. P. 50.

³⁷¹ Там же. Ед. хр. 125. Л. 5, 15, 21.

³⁷² ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 121 об.

³⁷³ Там же. Л. 137.

направил на помощь русским эмигрантам в Париже³⁷⁴). Феликс Волховский часто подыскивал для Кравчинского подходящие варианты. «С тех пор, как я стал писать любезные письма... всем, кто чем-нибудь выдвинулся в рядах симпатизирующих нам, — писал Волховский Сергею Михайловичу, — с тех пор мы... устроили несколько лекций, приносящих до 70 фунтов Обществу». «Заводятся интересные связи», — так ёмко охарактеризовал он результаты своей активности³⁷⁵. С ростом популярности русских политических эмигрантов возросли и расценки. В письме от 4 марта 1893 г. Волховский предлагал Степняку выступить в качестве «известного изгнанника» в доме одной престарелой леди, «заявляющей себя сторонницей нашего дела». По словам Феликса Вадимовича, эта леди «обязуется заплатить за наши речи (конечно — нашему обществу, а не нам). За меня одного она заплатит 5 гиней, за обоих — больше. Едва ли можно ожидать двойной платы за двоих, но гиней 8 может и даст. Это — кое-что и следовало бы не брезговать»³⁷⁶. Степняку и Волховскому не раз предлагали выступать перед аудиторией в костюмах каторжников и обещали за это солидные деньги. Евгения Таратута указывает, что Кравчинский от подобных предложений всегда отказывался, тогда как Феликс Волховский, желая подогреть любопытство английских обывателей, обычно соглашался, притом выступал даже в кандалах³⁷⁷.

Я.М. Прилукер уже на следующий год после своего прибытия в Англию начал выступать с лекциями о Толстом и штундистах. Они имели большой успех — желая закрепить его, Прилукер в 1893–94 гг. отправился в длительное турне по Шотландии. Познакомившись со вкусами британской публики, эмигрант пускал в ход все средства для того, чтобы не только просветить, но и развлечь своих слушателей: в частности, он устраивал демонстрации изображений при помощи «волшебного фонаря», проводил званые и музыкальные вечера³⁷⁸.

В.Г. Чертков с 1899 г. проводил лекционное турне по британским университетам, выступал в различных ассоциациях, создал в окрестностях Крайстчёрча сообщество для вольных собеседований на религиозно-философские и социальные темы. Здесь Чертков читал новейшие произведения Льва Толстого, переведенные на английский язык, представлял личные доклады о своем мировоззрении и с анализом общественно-культурных явлений европейской жизни. Небывалый интерес английская публика проявляла к выступлениям Черткова в Лондоне на многотысячных митингах Общества борьбы со смертной казнью и на съездах вегетарианцев³⁷⁹.

³⁷⁴ Peaker C. Reading Revolution. P. 96–97.

³⁷⁵ РГАЛИ Ф. 1158. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 7, 8.

³⁷⁶ Там же. Л. 31, 32.

³⁷⁷ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 465.

³⁷⁸ Grant R. British radicals and socialists and their attitudes to Russia. P. 108, 115.

³⁷⁹ Попов А. Генерал от толстовства [Электронный ресурс].

В целом активная жизненная позиция и деятельное участие в общественной жизни принимающей страны была свойственна большей части русских эмигрантов.

Достаточно специфической «статьёй доходов» политических эмигрантов являлись пожертвования от частных лиц, с которыми они вели знакомство. К примеру, обеспеченные и влиятельные знакомые Кравчинского очень часто делали щедрые пожертвования. К примеру, граф У. Дайзарт, в доме у которого Кравчинский обедал, прислал чек на 5 фунтов стерлингов — в благодарность за рассказ о русских песнях³⁸⁰. О средствах, которыми Степняк привык оперировать в повседневной жизни, может свидетельствовать сумма, находившаяся при нём в момент трагической смерти — она составила 2 фунта 10 шиллингов золотом³⁸¹.

Такие доходы оставались для большинства эмигрантов недостижимыми. В.В. Берви-Флеровский, сообщая Степняку о своём намерении поселиться в Англии, писал: «Я бы счёл для себя весьма счастливой случайностью, если бы мне удалось остаться в Лондоне и получать там 5 фунтов в месяц». Василий Васильевич совершенно справедливо проводил прямую связь между заработками эмигранта и его владением английским, и поэтому ставил перед собой задачу скорейшего изучения языка: «По-английски я могу только читать, полагаю впрочем, что в течение двух лет могу приспособиться и к работе на английском языке»³⁸².

Стоит сказать несколько слов о трудовой занятости жён русских политических эмигрантов. Наличие работы у супруги было необязательным, но всё же довольно весомым фактором, определяющим саму возможность дальнейшей адаптации эмигранта. К примеру, Розалии Марковне Боград, жене Г.В. Плеханова, так и не удалось найти в Лондоне медицинскую практику, отчего супругам пришлось покинуть Лондон, прервав процесс адаптации, поначалу казавшийся удачным³⁸³. Другой пример являет Фанни Марковна (урождённая Личкус), супруга С.М. Степняка-Кравчинского. Как уже было указано, она, а затем её сестра, поселились в Лондоне уже после того, как Степняк прошёл этап первичной адаптации. После гибели мужа Фанни Марковне пришлось достаточно нелегко. Тяжёлое финансовое положение вынудило её искать заработок. Известно, что она пыталась зарабатывать на жизнь продажей книг Сергея Михайловича — в этом ей помогал Фонд вольной русской прессы, а также А.Л. Теплов, советовавший вдове Кравчинского точки сбыта книг в Уайтчепеле (отношения Кравчинской с Фондом довольно быстро испортились как раз из-за того, что она не желала продавать книги при посредничестве Фонда). Теплов также снабжал Фанни Марковну

³⁸⁰ РГАЛИ Ф. 1158. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 1, 3, 4.

³⁸¹ Там же. Ед. хр. 584. Л. 42.

³⁸² Там же. Ед. хр. 199. Л. 5, 6.

³⁸³ Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 133.

предложениями заработать, давая уроки английского и французского детям русских эмигрантов³⁸⁴.

Совсем другое отношение демонстрировала жена П.А. Кропоткина Софья Григорьевна (урождённая Рабинович). В сентябре 1888 г. она читала для шести английских дам «курс из 6-ти уроков, по физиологии растений» — не владея в должной мере английским, лекции ей пришлось читать по-французски. В марте 1889 г. Софья Григорьевна повторила курс, добавив «микроскопические демонстрации». На сей раз курс читался на английском, и сам Пётр Алексеевич с удовлетворением отмечал, что его супругу «понимают, несмотря на бедность и, подчас, неправильность выражений». Развивая успех, к осени 1890 г. Кропоткина подготовила уже два курса — новый, по биологии, она читала на дому, а для своих «традиционных» лекций, посвящённых физиологии растений, снимала помещение в публичной библиотеке Хэмстеда — видимо, гостиная уже не могла вместить всех желающих. Трудно сказать, сколько средств приносили Кропоткиным эти лекции. В сентябре Кропоткин писал в одном из писем о том, что «биться приходится бедовым образом»: судя по всему, в такой тяжёлой ситуации заработка Софьи Григорьевны, пусть и скромные, всё же помогали «латать дыры» в семейном бюджете³⁸⁵.

Английская дороговизна, ставшая бичом эмиграции второго периода, в 1880-1890-х годах была частично преодолена русской колонией в Лондоне. Глава заграничной агентуры Департамента полиции П.И. Рачковский, в начале 1891 г. посетивший Лондон с целью изучить положение и деятельность русских эмигрантов, докладывал затем директору Департамента П.Н. Дурново о том, что колония в целом живёт без финансовых затруднений, имея стабильный доход с продажи печатных изданий, сборов, благотворительности и т. д. «У них есть деньги, и все живут без нужды», — передавал о состоянии дел эмигрантов со слов Рачковского Н.В. Дурново. Это не помешало, однако, пожаловаться на лондонскую дороговизну самому Рачковскому³⁸⁶. Судя по всему, ситуация в колонии не была настолько хороша, как это пытался изобразить Рачковский. Содержание его доклада опровергает один из лондонских эмигрантов В.В. Берви-Флеровский, вспоминая, что в 1894 г. «политические эмигранты... в Лондоне... держали себя превосходно, но все они терпели нужду»³⁸⁷.

Гибель Степняка-Кравчинского, признанного лидера колонии, не могла не сказаться на положении её дел. В 1897 г., по свидетельствам В.Л. Бурцева, многим членам русской колонии не хватало средств: «Я и мои ближайшие приятели в Лондоне жили в это время в самых

³⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 1, 2, 5 об.

³⁸⁵ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Ед. хр. 245. Л. 95, 149 об., 223; Ф. 6753. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 15 об.

³⁸⁶ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 427.

³⁸⁷ Там же. С. 487.

тяжелых материальных условиях, и мы буквально не знали, что нас ждет завтрашний день — где будем спать, что будем есть — и перебивались грошовыми заработками»³⁸⁸.

В обстановке частой финансовой неопределённости взаимовыручка являлась эффективным и зачастую единственно возможным способом поддержки отдельных членов колонии, а также вновь прибывших эмигрантов. По воспоминаниям Берви-Флеровского, «один из эмигрантов, имевший средства, усердно помогал другим»³⁸⁹. Достаточно показателен, в частности, случай, произошедший с Алексеем Михайловичем Воденом, прибывшим в конце марта 1893 г. в Лондон с намерением поработать в библиотеке Британского музея. Отдыхая в Гайд-парке после прибытия на вокзал Виктория, он стал жертвой карманников, лишившись всех своих денег. Обратившись в редакцию газеты «Свободная Россия», Воден получил помощь — ему тотчас помогли «найти дешёвую комнату и даже кредит», что позволило ему приступить к своей научной работе в библиотеке, как и было задумано³⁹⁰.

Советская историография, основываясь на такого рода свидетельствах, была склонна преувеличивать бедственность положения русских политических эмигрантов в Англии. Выводы, к которым приводит анализ жилищных условий, трудовой и общественной деятельности русской эмиграции, позволяют немного скорректировать эти оценки.

Необходимо подчеркнуть, что жизни русской колонии были свойственны внутренние противоречия, обуславливаемые разногласиями между эмигрантами различных идеологических убеждений, а также личной неприязнью. По свидетельству Бурцева, «враждебные отношения» в первой половине 1890-х годов были «довольно обычным явлением между эмигрантами»³⁹¹. В то же время Я.М. Прилукер в письме Кравчинскому выражал своё «удивление и крайнее огорчение по поводу замечаемых мною не совсем дружелюбных чувств ко мне со стороны некоторых русских эмигрантов»³⁹². Десятилетием позже, в начале XX столетия, А.Л. Теплов также с неудовольствием отмечал, что «настроение между товарищами стало враждебным»³⁹³. Эти разногласия и противоречия нужно рассматривать как свидетельство постепенного усложнения структуры русской колонии и многообразия процессов, протекавших внутри неё.

Противоречия между «поколениями» эмигрантов были свойственны не только колонии политических изгнанников. Виктор Шпанец, описывая жизнь российских рабочих Ист-Энда начала XX в., выделил две группы эмигрантов — «жёлтые» и «зелёные». ««Жёлтыми»

³⁸⁸ Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. С. 122.

³⁸⁹ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 487.

³⁹⁰ Воден А. М. Из воспоминаний. С. 79.

³⁹¹ Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. С. 114.

³⁹² РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 1.

³⁹³ ГАРФ. Ф. 1721. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 119.

называют себя давно живущие в Лондоне эмигранты. Большинство из них покинуло Россию ещё в те времена, когда в каком-нибудь захолустье о «политике», о какой-то «борьбе» не было и помину... Сохранив все свои предрассудки, унаследованные от отцов, и не впитав в себя духовной культуры англичан, они переняли отчасти внешнюю цивилизацию и мнят себя «энглишмэнами»³⁹⁴.

«Жёлтые» эмигранты, по наблюдению Шпанца, «смотрят сверху вниз на вновь приезжающих соотечественников, презрительно называя их «зелёными ослами». А между тем, многие из этих зелёных ослов в развитии своём стоят неизмеримо выше своих пожелтевших земляков и, вместо того, чтобы безропотно склониться перед авторитетом этих джентльменов, смотрят на них, как на полудиких, и, что всего более возмущает их, хотят их чему-то учить». Шпанец признавал наличие в этих двух «кастах» исключений — как «жёлтых», сделавшихся «вполне развитыми и образованными людьми», так и зелёных, которые «мало отличаются от своих пожелтевших товарищей». Обе «касты», по мнению Шпанца, «представляют как бы два различных мира, имеющих очень мало общего между собой и плохо друг друга понимающих»³⁹⁵.

Следует более подробно остановиться на положении представителей российской трудовой эмиграции. Оно отличалось от условий, в которых жили политические эмигранты, и было заметно более тяжёлым. Обратимся к воспоминаниям Виктора Шпанца, являвшего собой типичный пример трудового эмигранта из России. «Я сам еврей, — признавался Шпанец, — но, благодаря тому, что родился и вырос меж русских, евреев знал очень плохо»³⁹⁶. Шпанцу удалось устроиться рабочим на «шапочной фабрике». «Фабрика, куда я поступил, была довольно обширная, народу там работало не менее двух тысяч, и из них разве только десятая часть англичан: остальные почти все русские, и лишь небольшая часть румын, галицийцев и австрийцев. Работали там с 8 утра до 7 вечера и получали: мужчины от 10 до 30 шиллингов в неделю, а женщины от 4 до 10–11. Как живут эти женщины на своё жалованье, для меня до сих пор остаётся загадкой»³⁹⁷. Шпанец, получая на первых порах по 10 шиллингов в неделю и едва сводя концы с концами, ощущал себя настоящим «счастливцем», «так как работал, и место моё было не временное, не «сезонное», как тут говорят, а постоянное. Совсем не то в других ремёслах, особенно в портняжном, которым занята добрая половина всех эмигрантов. Там работать приходится всего несколько месяцев в году, всё же остальное время ходят без дела и

³⁹⁴ Шпанец В. Из воспоминаний дезертира. Часть 2. С. 29–30.

³⁹⁵ Там же. С. 30.

³⁹⁶ Шпанец В. Из воспоминаний дезертира. Часть 1. С. 122.

³⁹⁷ Шпанец В. Из воспоминаний дезертира. Часть 2. С. 25.

ждут, когда, наконец, начнётся «сезон». Работают почти всегда поштучно, и с началом сезона начинается в буквальном смысле нечеловеческий труд... Рабочий день в это время продолжается чуть ли не круглые сутки, и портные жалеют лишь о том, что эти сутки так коротки, и что нужно хоть сколько-нибудь, но поспать»³⁹⁸.

Однако пример Виктора Шпанца, нашедшего работу благодаря связям своего друга, являл собой скорее счастливое исключение. Очень часто, даже имея высокую квалификацию, трудовые эмигранты из России не могли подыскать себе работу. А.Л. Теплов, являвшийся негласным лидером русской колонии в Ист-Энде, вёл учёт ищущих работу эмигрантов. Пометка «согласен на какую угодно работу» рядом с фамилиями трудовых мигрантов достаточно красноречиво свидетельствует об их бедственном положении, хотя многие из них обладали ценными навыками: Александр Беликов, к примеру, имел 6-летнюю практику лесоведа-землемера, А. Чугун, вынужденный снимать квартиру в трущобах на Вест Индия док-роуд, имел специальности токаря по металлу и слесаря³⁹⁹.

По прошествии некоторого времени многие эмигранты всё же подыскивали применение своим знаниям и навыкам. Русские, участвовавшие в переписи 1901 г., указывали в переписных листах профессии, связанные с технической сферой (механики, инженеры, электрики), а также торговлей (клерки торговых компаний, торговцы и бакалейщики, реже — ткачи, сапожники и пр.) и образованием (учителя — чаще всего на такую профессию могли рассчитывать жёны эмигрантов, владеющие языком и способные заниматься его преподаванием).

Очевидно, немалую роль в процессе поиска русскими работы по специальности сыграл всё тот же Алексей Теплов. Со временем ему удалось организовать Бюро труда при справочной конторе своей Бесплатной Русской Библиотеки с целью рекомендации «опытных рабочих по всем отраслям труда, а равно и интеллигентных работников: переписчиков, переводчиков на всевозможные языки, секретарей, учителей, гидов, инженеров, чертёжников и прочих»⁴⁰⁰. Большую помощь в поиске работы оказывали русские эмигранты, чья адаптация в Лондоне к тому моменту уже прошла достаточно удачно и которые обладали необходимыми связями и контактами. Одним из них был Я.М. Прилукер, предлагавший помощь нуждающихся русских англичанам, желавшим брать уроки русского языка. В одном из писем Теплову Прилукер писал о некоем англичанине, мистере М., готовом платить 1 шиллинг 6 пенсов (плюс давать 6 пенсов на проезд) за час занятий русским языком. Эту достаточно прибыльную по эмигрантским

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 18–20.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 41.

меркам возможность заработать Прилукер предлагал офицеру-фотографу, за которого хлопотал Теплов, в случае отказа прося «предложить этот урок кому-либо другому»⁴⁰¹.

Кроме того, Теплов создал эмигрантскую кассу взаимопомощи, которая выдавала небольшое количество денег наиболее нуждающимся. «У меня сейчас нуждающихся 6 человек, — сетовал он в одном из писем к Гольденбергу, — из которых двум надо выдать по 8 шиллингов, а остальным четырём по 5 шиллингов в неделю, следовательно, всем шести — 36 шиллингов. Помимо этих 6 человек приходится выдавать нескольким лицам по 1–2,5 шиллинга, чтобы дотянули неделю во время работы, ибо получка бывает в субботу»⁴⁰². Касса выдавала не только деньги на текущие нужды колонии. Часть средств выделялась для помощи эмигрантам, только прибывшим в страну (в том числе и политическим). Один из корреспондентов Теплова в 1901 г. спрашивал в письме о некоем «рабочем, бежавшем из Сибири»: «если он... эмигрант политический, то отчего Вам не воспользоваться для него, пока отыщется место, поддержкой из Эмигрантской кассы?»⁴⁰³. Впрочем, Теплов строго следил за тем, чтобы деньги из кассы (а объём средств в ней в среднем составлял 5 фунтов, ежемесячно в кассу поступало 4–6, реже 7–8 шиллингов) расходовались лишь для помощи действительно нуждающимся. «Я в принципе против того, чтобы касса... выдавала на разные спекулятивные предприятия ссуды. Касса не может рисковать. Завтра может понадобится (кому-то) на покупку табака и плату ренты за лавку — касса такими ссудами заниматься не может», — с видимым раздражением писал он в одном из писем Лазарю Гольденбергу⁴⁰⁴. В другом письме он жаловался на то, что помощь попросту не всегда доходит до тех, кто в ней нуждается из-за того, что «многие из русских эмигрантов, проживающие в Лондоне», занимают инертную, пассивную позицию, касса не в состоянии оказать им «посильную помощь в надлежащих размерах»⁴⁰⁵.

Эмигрантская касса и Бюро труда, организованные усилиями Теплова, стали прообразами «Лондонского общества вспомоществования политическим эмигрантам из России», созданного на их основе в июле 1904 г. с целью «поддерживать нуждающихся политических эмигрантов денежными пособиями, отысканием работы и другими имеющимися в распоряжении общества средствами»⁴⁰⁶.

Старания А.Л. Теплова всё же приносили свои плоды. В его бумагах несколько раз встречается имя Артура Рублёва. На примере этого русского эмигранта, прибывшего в Лондон

⁴⁰¹ Там же. Л. 3–4.

⁴⁰² Там же. Л. 5.

⁴⁰³ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 7.

⁴⁰⁴ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 13.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 16.

⁴⁰⁶ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 58, 60.

вместе с супругой, можно попытаться построить одну из моделей успешной социокультурной адаптации. Только устроившись на новом месте в Ист-Энде, Рублёв принялся искать работу. Судя по всему, этот русский являлся высококвалифицированным рабочим и просто образованным человеком — в картотеке Теплова он числится как «специалист по электричеству (проводка, установка машин)», владеющий английским и французским языками. Его жена Ольга была готова давать уроки русского и французского, чтобы заработать хотя бы немного денег. Можно предположить, что между Рублёвыми и Тепловым установились дружеские отношения. Во всяком случае, о мытарствах русского рабочего стало известно Чайковскому, который пожелал даже встретиться с супругами лично. В конечном итоге для помощи Рублёву была организована подписка, по которой удалось собрать 45 шиллингов, притом большую часть этой суммы внесли видные представители русской колонии: 10 шиллингов поступило от Шкловского, 5 шиллингов — от Волковых, ещё по 5 шиллингов — от Гольденберга и Ротштейна. Факт сбора средств в пользу отдельного эмигранта может косвенно указывать на то, что Рублёв мог попасть в ситуацию, схожую с описанной выше, и получить какое-то увечье. Видимо, помощь эмигрантской колонии в конечном итоге помогла Рублёвым встать на ноги. В дальнейшем имена Артура и Ольги Рублёва регулярно появлялись в афишах благотворительных концертов, даваемых в пользу Бесплатной русской библиотеки — супруги исполняли на этих вечерах русские народные песни⁴⁰⁷.

В конце XIX в. Рублёвым, как и другим трудовым мигрантам, недавно приехавшим в страну, приходилось снимать квартиру в Ист-Энде. В начале нового века, когда финансовые возможности семьи улучшились, Рублёвы смогли улучшить жилищные условия, перебравшись в дом на Сити-роуд, близ Финсбери-сквер⁴⁰⁸. Район, в котором находилась их новая квартира, лежал к северу от Сити и также считался не самым благополучным, однако находился уже за пределами Ист-Энда. Более того, дом Рублёвых на «карте бедности» Бута отмечен красным цветом. Всё это свидетельствует о том, что супругам в конечном итоге удалось достаточно успешно адаптироваться к новым условиям.

Известно, что некоторые русские эмигранты имели собственный бизнес — в местах наибольшего скопления представителей многонациональной эмиграции из России. Э. Амфелт упоминает об имевшихся в Ист-Энде банке и почтовой конторе. Банк, судя по всему, обслуживал в основном еврейское население квартала, тогда как услуги почтовой конторы пользовались популярностью у всех представителей трудовой эмиграции, проживавших в Ист-

⁴⁰⁷ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 205, 321.

⁴⁰⁸ ГАРФ. Ф. 1721, Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 20.

Энде. Здесь также существовали кафе и рестораны⁴⁰⁹. Судя по всему, в подавляющем большинстве случаев владельцами такого рода бизнеса являлись русские евреи — примеры этнических русских, имеющих собственное дело, встречаются в материалах переписей крайне редко.

Финансовые возможности путешественников, сохранивших связь с родиной, в корне отличались от возможностей политических и трудовых эмигрантов. О доходах О.А. Новиковой, об обеспеченной жизни которой уже писалось выше, известно не очень много. Очевидно, что они были весьма высоки, позволяя Ольге Алексеевне ни в чём не отказывать себе и окружающим. К примеру, в 1886 г. Ольга Новикова подарила дочери Уильяма Гладстона на свадьбу кольцо с сапфирами⁴¹⁰. Расходы Новиковой на проживание в гостиницах уже были приведены выше — они могли составлять порядка двух сотен фунтов за осенне-зимний сезон. В то же время важно отметить, что многие или даже все свои траты Новикова осуществляла в долг, который составлял значительные суммы, увеличиваясь во время пребывания в Лондоне осенью-весной и уменьшаясь летом, когда Ольга Алексеевна возвращалась в Россию — в своё поместье или в одну из столиц. Так, к 1 января 1880 г. долг Новиковой составил 1630 фунтов стерлингов; к 1 июля он уменьшился до 1352 фунтов⁴¹¹.

§ 3. Издательская деятельность эмигрантов

Издательская деятельность традиционно занимала важное место в жизни лондонской эмиграции. В отличие от разных видов трудовой деятельности, описанных в предыдущем параграфе, она чаще всего не имела своей целью получение прибыли — напротив, требовала значительных затрат, особенно на ранних этапах. Трудовая и издательская деятельность эмигрантов находились в тесной связи, но именно последняя, продолжая герценовские традиции «бесцензурной печати», сделалась одной из наиболее заметных и значимых форм общественно-политической жизни эмиграции.

Книгоиздательская деятельность, имевшее колоссальное значение для политической эмиграции, достаточно успешно осуществлялось в рамках Фонда вольной русской прессы. Данная организация вписала ряд значимых страниц в историю русской колонии.

Фонд вольной русской прессы, основанный в Лондоне в 1891 г., ставил своей задачей издание сочинений, запрещенных в России по политическим мотивам, и их распространение.

⁴⁰⁹ Armfelt E. Russia in East London. P. 28.

⁴¹⁰ Births, Deaths, Marriages and Obituaries // Daily News. 1886. 3 February. P. 5.

⁴¹¹ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 1000. Л. 58 об.

Данная организация, в отличие от Общества друзей русской свободы, состояла исключительно из русских эмигрантов. Она была организована на деньги, заработанные Степняком-Кравчинским во время его пропагандистской поездки в США в 1890–1891 годах. В июне 1890 г. в письме к Джорджу Кеннану, одному из организаторов визита Степняка в США, Сергей Михайлович писал, что такая поездка будет иметь смысл лишь в том случае, если ему предложат договор на чтение 50 лекций по 50 долларов (чуть более 10 фунтов стерлингов) каждая⁴¹². В августе Кравчинский получил приглашение прочитать в Америке 40 лекций по 10 фунтов стерлингов каждая. По словам самого Кравчинского, от этой суммы в 400 фунтов стерлингов «при моих больших долгах у меня мало что останется»⁴¹³. Тем не менее, он надеялся прочитать ещё, по крайней мере, 40 дополнительных лекций, чтобы иметь возможность поддержать из заработанных средств выпуск «Свободной России». Даже после выплаты долгов и передачи части средств Обществу у Кравчинского оставалась солидная сумма денег. Именно она и пошла на реализацию его давней мечты — возрождение русской бесцензурной печати. По оценкам А.Б. Ободовой, на обустройство типографии должно было уйти не менее 60 фунтов стерлингов⁴¹⁴.

Закупив необходимое оборудование, арендовав помещения (по этой статье расходов Кравчинскому удалось немного сэкономить — редакция Фонда первоначально располагалась в том же помещении, что и редакция «Свободной России»), Степняк обеспечил деятельность Фонда на первое время. В дальнейшем издание агитационных, публицистических и художественных произведений (значительная часть их была написана Степняком), а также их доставка в Россию, где и находились основные потребители данной печатной продукции, осуществлялась за счёт взносов, поступавших опять-таки из России.

Тем не менее, Фонд не мог не взаимодействовать с английским обществом. Одной из статей его доходов являлись как раз пожертвования представителей английской общественности. Впрочем, они были относительно немногочисленны и явно не могли удовлетворить потребностей издательства. Чайковский в сентябре 1893 г. в письме Гольденбергу сетовал на нехватку денег на издание одной из книг Степняка-Кравчинского. За счёт английских и прочих зарубежных подписчиков удалось собрать лишь 15 фунтов стерлингов, «когда издание книги стоило около 80 фунтов. Ведь их надо откуда-нибудь взять, да и других работ и шансов нельзя забросить из-за одной этой книги»⁴¹⁵. Транспортировкой

⁴¹² Степняк-Кравчинский С.М. В лондонской эмиграции. С. 423.

⁴¹³ Там же. С. 287.

⁴¹⁴ Ободова А.Б. Общество друзей русской свободы и Фонд вольной русской прессы. С. 31.

⁴¹⁵ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 494.

литературы занимался польский революционер, бежавший из Сибири, Михаил Войнич, известный по взятому в Англии псевдониму Иван Кельчевский, а также ставшая в 1893 г. его женой молодая англичанка Лилиан Буль, будущий автор «Овода». Фонд выкупил у лондонского книготорговца Н.Трюбнера все издания Герцена и собрал разбросанную по разным городам Европы старую революционную литературу⁴¹⁶. Разумеется, для этого также потребовались немалые средства.

Типография Фонда вольной русской прессы была оборудована в подвале дома №15 по Огастус-роуд (15, Augustus Road) на юго-западной окраине города. Там же находилась и редакция Фонда, которая первоначально размещалась по адресу Иффлей-роуд, 3 (3, Iffley Road) на востоке английской столицы. На Иффлей-роуд также располагался книжный склад Фонда, которым заведовал В.М. Войнич. Следует отметить, что книготорговля со временем стала для него настоящим призванием. Успешная адаптация в Англии, обеспечившая стабильный доход, позволила ему даже открыть в 1897 г. антикварную лавку в Лондоне, где были выставлены на продажу старинные книги. Войнич, в дальнейшем эмигрировавший из Англии в США, в итоге вошёл в историю именно как библиофил и антиквар, открывший миру знаменитый «манускрипт Войнича».

За первые 18 месяцев существования Фондом было продано 12 776 экземпляров книг, ещё 291 издание было распространено бесплатно⁴¹⁷. 7 октября 1892 г. Михаил Войнич отправил письмо в Британский музей, к которому приложил каталог русских книг и памфлетов, запрещённых российской цензурой. Войнич (письмо подписано его псевдонимом — «Иван Кельчевский») обещал даже скидку в размере 10% в случае, если руководство Музея пожелает заказать какие-то из этих книг для русского отдела музейной библиотеки. Ричард Гарнетт, хранитель Отдела печатной книги, имевший репутацию «русофила» из-за своего интереса к русской литературе, откликнулся на предложение. Между Фондом и библиотекой Британского музея завязалось сотрудничество. До конца века Фонд поставлял в библиотеку как книги, запрещённые в России, так и собственные издания. Так, в 1901 г. Фонд продал библиотеке Музея 100 наименований книг и брошюр, выручив за эти крайне дешёвые издания совсем немного, чуть больше 6 шиллингов⁴¹⁸.

По подсчётам американского исследователя Дональда Сенеса, к середине 1890-х гг. выручка Фонда составляла более 400 фунтов в год, что являлось весьма солидной суммой для

⁴¹⁶ Лазарев Е.Е. Моя жизнь. С. 23–34.

⁴¹⁷ Free Russia. December 1, 1893. № 11. P. 135.

⁴¹⁸ Рогачевская Е. Указ. соч. С. 54.

эмигрантского издательства⁴¹⁹. Немалый доход Фонда и его сношения с Россией и другими странами Европы развились настолько, что члены Фонда решили приступить к изданию политических брошюр и памфлетов. Для этих целей из Швейцарии в Лондон был приглашён Владимир Львович Бурцев, которому Фонд выделил двух человек в качестве помощников. Под руководством Степняка Бурцев со своими помощниками несколько месяцев работал в библиотеке Британского Музея, где имелось обширное русское отделение; ими были добыты весьма ценные материалы по истории революционного движения в России, которые легли в основу изданной Фондом книги В.Л. Бурцева «За 100 лет»⁴²⁰. Прделанная работа имела и ещё один важный итог — в ходе неё удалось составить исчерпывающее описание русского собрания библиотеки Британского музея⁴²¹.

Успешная издательская деятельность Фонда подвигла его членов издавать периодический орган. Эта идея была далеко не нова и давно уже вынашивалась членами русской колонии. «При наших обширных связях за границей этот орган позволит нам постоянно воздействовать на общественное мнение иностранцев, — писал Владимир Бурцев. — Нас будут цитировать английские и французские, немецкие и американские газеты. «Таймс» и «Тан» будут писать о нашей борьбе с правительством»⁴²². Эмигранты успели выбрать название для своего печатного органа («Земский Собор»), а также главного редактора (Степняка-Кравчинского). Однако его гибель и последовавшие после нее конфликты в руководстве Фонда не дали этим планам осуществиться⁴²³, что стало причиной постепенного угасания деятельности этой организации, прекратившей своё существование в середине 1900-х годов, вскоре после смерти Феликса Волховского.

Существуют различные оценки деятельности Фонда. Евгения Таратута полагала, что на работе Фонда в значительной степени «сказались обычные в эмиграции споры и раздоры, а также крайняя нужда, буквально нищета, в которой жили не только члены Фонда, но и все эмигранты»⁴²⁴. Однако имеющиеся данные не позволяют полностью согласиться с такими выводами. Бесспорно, в самые первые годы своего существования Фонд действительно не отличался высокой доходностью. Ситуация несколько выправилась к середине 1890-х годов. Конечно, цели и задачи Фонда диктовали максимально активный, изнурительный темп, в котором приходилось работать его организаторам и сотрудникам. Однако, как было

⁴¹⁹ Senese D. Felix Volkhovsky in London. P. 75.

⁴²⁰ Лазарев Е.Е. Моя жизнь. С. 25.

⁴²¹ Hollingsworth B. Op. cit. P. 58.

⁴²² Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. С. 62.

⁴²³ Лазарев Е.Е. Моя жизнь. С. 25.

⁴²⁴ Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 465.

продемонстрировано выше, эта работа в рамках Фонда позволила им достаточно безбедно существовать в Лондоне. Стоит согласиться с тем, что одной из отличительных черт работы Фонда являлись внутренние конфликты и противоречия. Степняк, пользовавшийся непререкаемым авторитетом в русской колонии, являлся объединяющей фигурой, до поры до времени сдерживая противоречия, сполна обнажившиеся после его гибели. В известной степени это может свидетельствовать о незрелости институтов русской колонии конца XIX в. Д. Сенес, а вслед за ним и А.Б. Ободова, указывали на широту международных связей Фонда, подчёркивая, что его деятельность распространялась далеко за пределы Англии. Они называют Фонд в числе крупнейших русскоязычных издательств за рубежом⁴²⁵. Представляется, что оценки этих авторов достаточно взвешены и являются адекватной оценкой деятельности данной организации.

Желание членов Фонда вольной русской прессы выпускать собственный периодический орган отнюдь не было уникальным в своём роде. После того, как Герцен свернул свою издательскую деятельность в Англии, идея возобновить «бесцензурную печать», сделавшись своего рода правопреемниками «Колокола», не покидала русских эмигрантов — и время от времени находила новое воплощение.

Из всех периодических изданий лондонские эмигранты отдавали наибольшее предпочтение журналу. Представляется наиболее оправданным разделить издания русской эмиграции на две неравные части. Первая из них представлена журналами, выходившими на русском языке и ориентированными в первую очередь на российского читателя. К ним следует отнести «Вперёд!», «Летучие листки» Фонда вольной русской прессы, «Народоволец», «Листки «Свободного Слова»» и ещё ряд изданий.

«Общество изданий "Вперед!"», осуществлявшее выпуск одноимённого журнала, было основано в августе 1876 г. на собрании эмигрантов. В этом собрании приняли участие П.Л. Лавров, Я.В. Воцакин, А.Л. Линев, Л.Б. Гольденберг, Н.Г. Кулябко-Корецкий, А. Либерман, А.Ф. Таксис⁴²⁶. Собственно, эти люди и составляли тогда костяк кружка Лаврова в Лондоне. В издательской деятельности Лаврову помогал И.С. Тургенев, ежегодно передавший ему 500 франков на расходы⁴²⁷. В переводе на английскую валюту эти деньги, в силу слабости послевоенного франка, составляли не слишком значительную сумму.

Кружок Лаврова не располагал собственной типографией, в квартире-редакции осуществлялся лишь набор страниц в кассах. После этого наборные кассы вставлялись в

⁴²⁵ Senese D. Felix Volkhovsky in London. P. 75; Ободова А.Б. Общество друзей русской свободы и Фонд вольной русской прессы. С. 25.

⁴²⁶ Итенберг Б.С. П.Л.Лавров в русском революционном движении. С.155.

⁴²⁷ Лавров. Годы эмиграции. Лавров и Лопатин. С. 249.

специальные формы, которые отвозились наборщиками на ручной тележке в центр Лондона, на Флит-стрит, в типографию газеты «Дэйли Ньюс». В этой типографии по договоренности с редакцией «Дэйли Ньюс» за определенную плату печатался весь тираж «Вперед!», и отпечатанные листы отвозились на тележке обратно в квартиру Лаврова в Холловэй⁴²⁸. Данный пример свидетельствует о том, что выпуск в Лондоне изданий, ориентированных на российскую аудиторию, всё же не мог являться замкнутым процессом. Договорённость, достигнутая с редакцией «Дэйли Ньюс» в условиях отсутствия необходимого оборудования у русских эмигрантов, явилась примером достаточно успешного взаимодействия эмигрантов в системе английских общественно-деловых отношений. Прекращение выпуска журнала «Вперёд!» ознаменовало утрату Лондоном статуса одного из центров русской вольной печати. Только после длительного перерыва длиной в полтора десятилетия здесь возобновилось издание русских печатных органов.

С 1893 г. Фонд вольной русской прессы, о котором говорилось выше, начал издавать «Летучие листки», стремясь продолжать традиции герценовского «Колокола». Редактором их был Феликс Волховский. «Листки» быстро откликались на все злободневные вопросы русской общественной жизни, однако были весьма равнодушны к происходящему в Англии. Цена их была крайне невысока и составляла всего пенни за четыре первых номера и полпенни за каждый следующий номер⁴²⁹. В «Листках» помещались сообщения из России и из иностранной прессы, публиковались тайные циркуляры правительства, давалась информация о деятельности Фонда. В первый период издания (№1–28) данный журнал печатался тиражом 4000 экземпляров⁴³⁰. В дальнейшем, после гибели Кравчинского и начала конфликтов внутри Фонда, тиражи стали падать. Данное издание, выходившее на русском языке, было предназначено главным образом для русских противников самодержавия, поэтому не нашло почти никакого отражения в английском общественном мнении. Тем не менее, оно издавалось на средства Фонда, который был довольно тесно связан с Обществом друзей русской свободы и английскими общественными деятелями. По сути своей существование такого печатного органа являлось свидетельством достаточно успешной адаптации в Англии его издателей.

В 1897 г. в Лондоне приступил к изданию журнала «Народоволец» Владимир Львович Бурцев. Данное периодическое издание отличалось весьма радикальным тоном. Как вспоминал сам Бурцев, «набравши несколько страниц 1-го № „Народовольца“, я разослал их корректуру лондонским эмигрантам. Они забили тревогу... В Британский музей ко мне пришел Чайковский

⁴²⁸ Тхоржевский С. Испытание воли [Электронный ресурс].

⁴²⁹ Ободова А.Б. Общество друзей русской свободы и Фонд вольной русской прессы. С. 31; Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 1. С. 341.

⁴³⁰ Журналистика русского зарубежья XIX-XX веков. С. 87.

и от имени своих товарищей стал уговаривать меня прекратить издание „Народовольца". Он принес выписки из английских газет об аналогичных делах и предсказывал, что я неизбежно буду осужден за „Народовольца" в каторжные работы... За тем же специально приходил поговорить со мной и Волховский. Он тоже уговаривал меня отказаться от издания „Народовольца"»⁴³¹.

В 1897 г. Бурцев успел издать три номера «Народовольца». Журнал этот печатался прямо в квартире эмигранта. «Народоволец» издавался исключительно на русском языке и был посвящён вопросам русского революционного движения. Эти два фактора, а также чрезвычайно высокая стоимость (1 шиллинг за номер или 4 шиллинга за подписку на пять номеров) исключали спрос на этот журнал со стороны представителей английского общества.

После заключения в английской тюрьме Бурцев по совету врачей некоторое время восстанавливал здоровье в Джерси. Вернувшись в Лондон, он в 1900 г. начал издавать новый журнал «Былое» — это издание было посвящено истории русского революционного движения. Как и «Народоволец», данное издание было ориентировано исключительно на русского читателя. Несмотря на это, именно публикации в «Народовольце» вызвали громкий судебный процесс над Бурцевым, прошедший в Англии и вызвавший резонанс. Этот пример указывает на то, что даже те издания, которые были ориентированы на читателей ввне Англии, могли оказывать довольно ощутимое влияние на русскую колонию.

В конце XIX в. В.Г. Чертков развернул бурную издательскую деятельность в толстовской колонии в Крайстчёрче. Типография «Свободного слова» начала свою работу ещё в годы проживания Черткова близ Перли — тогда она находилась в Хилл-фарм⁴³². Однако расцвет издательства пришёлся на рубеж столетий, уже после переселения русских толстовцев в Крайстчёрч. Теперь типография располагалась на Айфорд-лэйн в Дорсете, в паре километров от колонии. Здесь печатался журнал «Листки «Свободного Слова»», распространявшийся по цене в 4 пенса. На страницах этого журнала печатались преимущественно статьи о положении дел в России, исключительно на русском языке — соответственно, по этой причине нельзя говорить, что издание могло иметь сколько-нибудь существенный спрос в Англии.

Значительно более важной стороной деятельности Черткова являлось издание им произведений Л.Н. Толстого. Оно стало возможным благодаря продуктивному сотрудничеству Черткова с Эйлмером Моудом, который взялся переводить произведения Толстого. Как писал сам Толстой в благодарственном письме от 24 декабря 1900 г, «издания получились крайне

⁴³¹ Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. С. 124.

⁴³² Tolstoy, Utopians and Revolutionaries [Электронный ресурс]. URL: <http://www.flickr.com/photos/sludgeulper/2989643310/in/set-72157608886613587> (дата обращения: 20.08.2017).

аккуратными и привлекательными, а также — что представляется мне наиболее важным — очень дешёвыми, посему они должны стать весьма доступными для широкой публики»⁴³³. Впрочем, надо сказать, что Чертков с его инициативой выпуска дешёвых книг с произведениями русских авторов не был первым. Изданием произведений русских авторов на английском языке в 1890-е годы занялись многие крупные английские издательства. В частности, издательство У. Стэда предприняло с 1898 г. издание серии под общим названием «русская библиотека». Каждая книжка из этой серии, включавшая произведения Тургенева, Толстого, Чехова, стоила всего 6 пенсов, что обеспечивало гарантированный сбыт и широкий спрос среди англичан⁴³⁴. Деятельность Черткова по популяризации творчества Л.Н. Толстого в Англии заслуживает пристального внимания — не занимаясь выпуском периодических изданий на английском языке, он, тем не менее, предоставлял возможность англичанам лучше понять русских.

Вторую категорию изданий, осуществляемых русскими эмигрантами в Англии, составляли журналы, выходившие на английском языке и ориентированные на читателей-британцев. Именно такие журналы можно считать своего рода индикаторами, свидетельствовавшими о высокой степени социокультурной адаптации эмигрантов и их интеграции в английское общество. Это были, в первую очередь, журналы «Свободная Россия» и «Англо-Русский», а также «Люцифер».

С лета 1890 г. Общество друзей русской свободы с целью ознакомления английской общественности с событиями в России начало выпуск печатного органа на английском языке под названием «Free Russia» («Свободная Россия»). Его главным редактором и автором большинства статей стал С.М. Кравчинский. Он редактировал журнал анонимно, чтобы поддерживать впечатление, будто печатный орган издаётся главным образом усилиям английских общественных деятелей, а не русских эмигрантов⁴³⁵. Тон статей «Свободной России» отличался корректностью. Степняк-Кравчинский с разной степенью успеха пытался действовать с позиций объективности и сдержанности. В частности, в статье, содержащей библиографический список литературы о положении дел в России, Кравчинский счёл возможным включить ссылку на произведения О.А. Новиковой, своего идеологического противника. В глазах англичан такой жест, безусловно, выглядел свидетельством того, что редакция журнала готова рассматривать различные точки зрения. Впрочем, необходимо

⁴³³ Tolstoy L. Letter to the Free Age Press [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikisource.org/wiki/Letter_to_the_Free_Age_Press (дата обращения: 20.08.2017).

⁴³⁴ Иванова Н. В. Из истории русско-английских культурных связей. С. 145–146.

⁴³⁵ Peaker C. We are not Barbarians. P. 4.

учитывать, что у данного журнала имелась своя конкретная социальная база, на которую в первую очередь и рассчитывали издатели. Евгения Таратута полагает, что такой базой являлась радикальная интеллигенция и английские социалисты⁴³⁶. Подобное положение дел изначально влекло за собой несколько стеснённые перспективы развития.

Журнал «Свободная Россия» распространялся по небольшой цене в 1 пенни за выпуск (месячный тираж журнала составлял первоначально 5 тысяч экземпляров, однако в последующие годы не превышал 3 тысяч экземпляров). Минимальная стоимость годовой подписки составляла 1 шиллинг 6 пенсов. Для сравнения номер «Колокола» без приложений обходился тридцатью годами раньше в 6 пенсов.

Издательская деятельность не приносила значительного дохода. Нехватка средств неизбежно влекла за собой и падение качества печатной продукции. «Вы видите по отвратительной бумаге, на которой отпечатан этот номер, что дела финансовые не очень блестяще в Лондоне», — с сожалением писал Кравчинский Гольденбергу о седьмом номере журнала⁴³⁷.

Удалось наладить издание собственного ежемесячного журнала и Я.М. Прилуকেরу. Первый номер журнала «Англо-русский» («The Anglo-Russian») вышел в июне 1897 г. По словам самого Прилукера, он начал издавать свой журнал с целью «преодолеть недопонимание между англичанами и русскими»⁴³⁸. Столь благородное начинание было с пониманием встречено многими представителями английской общественности. В первом номере «Англо-русского» было опубликовано письмо Джером К. Джерома, в котором известный английский писатель заявлял, что всецело разделяет и поддерживает цель издателя журнала⁴³⁹.

Издание журнала, бесспорно, следует считать наиболее значимой заслугой Прилукера и важным вкладом в дело распространения и признания русской культуры в Англии. Интерес, пробудившийся у английской публики к России, породил невиданный ранее спрос на русскую литературу — а за ним и симпатию к русским персонажам. По итогам этой, по выражению Кэрл Пикер, «читающей революции», в английском общественном сознании «русский царь и его угнетённые подданные отныне рассматривались не как единое целое»⁴⁴⁰.

Важным фактором успеха журнала «Англо-русский» являлся учет Прилукером вкусов и предпочтений английской читающей публики. Приступив к выпуску журнала, Яков Моисеевич,

⁴³⁶ Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 411.

⁴³⁷ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Ед. хр. 644. Л. 1.

⁴³⁸ Slatter J. Jaakoff Prelooker and «Anglo-Russian». P.59.

⁴³⁹ Russian journals [Электронный ресурс] // Adam Matthew Publications [сайт]. URL: http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/russian_journals/Publishers-Note.aspx (дата обращения: 20.08.2017).

⁴⁴⁰ Peaker C. Reading Revolution: Russian Emigres and the Reception of Russian Literature in England, c. 1890-1905. — Oxford, 2006. — P. 245.

проживший к тому времени в Англии без малого шесть лет, имел хорошее представление об английской периодике. Массовый читатель 1880-90-х гг., пресытившись материалами общественно-политической направленности, стал проявлять заметный интерес к недорогим изданиям, полным статей о повседневной жизни и т.н. «human interest story» — материалам, ориентированным скорее на пробуждение эмоций, нежели на объективное освещение актуальных событий⁴⁴¹. Поэтому Прилукер намеренно сделал «Англо-русский» по форме и содержанию очень близким к английским ежемесячным изданиям 1890-х гг. Структура нового журнала включала следующие рубрики: «Коммерция», «Политические, религиозные и общественные новости», «Литература», «Искусство», «Музыка», «Обзор собраний и обществ», «Движение за гуманизм и мир», «Биографии», «Истории», «Остроумие и юмор». Наряду с материалами, посвящёнными религиозным преследованиям в России, всевластию чиновников, голоду и прочим тёмным сторонам российской жизни, Прилукер печатал многочисленные статьи о русских писателях и композиторах, переводы поэзии Лермонтова и Пушкина. В журнале размещались статьи, посвящённые англо-русской торговле, финансовой политике царского правительства, российскому сельскому хозяйству. Публикации о русском юморе, а также статьи, в которых, к примеру, сравнивались русский и английский чай, вполне соответствовали вкусу английского среднего класса.

Стремясь обеспечить себе максимально широкую читательскую аудиторию, Прилукер не боялся идти на значительные издержки — к примеру, он разослал бесплатные экземпляры второго номера «Англо-русского» 3 тысячам английских писателей и журналистов (что соответствовало месячному тиражу «Свободной России»)⁴⁴². В дальнейшем Прилукер ежемесячно рассылал бесплатные экземпляры «Англо-русского» в редакции ведущих газет и журналов Великобритании, Соединённых Штатов, Франции, Германии, Австро-Венгрии, а также послам и консулам, и даже наиболее известным английским общественным организациям и клубам, членам парламента⁴⁴³. Стараясь разговаривать с англичанами на их же языке, Прилукер также размещал в журнале многочисленные выдержки из статей о России, публиковавшихся в английских журналах и газетах. Вскоре «Англо-русский» завоевал репутацию надёжного и объективного источника информации о России. Статьи из журнала нередко перепечатывались другими изданиями.

Кэрол Пикер считает, что важными составляющими успеха Прилукера являлись его обращения к ценностям христианства и консерватизма: вкупе с приверженностью идеям

⁴⁴¹ Altick R. D. The English Common Reader. P. 363; Beegan G. The Mass Image: A Social History of Photomechanical. P. 5, 37–38.

⁴⁴² Peaker C. We are not Barbarians. P. 10.

⁴⁴³ Grant R. British radicals and socialists and their attitudes to Russia. P. 113.

пацифизма и умеренного реформизма это обеспечивало «Англо-Русскому» весьма широкую читательскую аудиторию — в отличие от «Свободной России», социалистическая окраска которой всё же отпугивала массового английского читателя⁴⁴⁴. По мнению Рона Гранта, Якову Моисеевичу пошло только на пользу то, что он занял свою нишу вне основного русла деятельности русской эмиграции — и в итоге сделался «вольным стрелком в армии противников самодержавия», сыграв уникальную роль в деле распространения знаний о России среди английской образованной публики⁴⁴⁵. Соглашаясь с этими выводами, следует также отметить личные и деловые качества Прилукера, которые помогли ему добиться столь выдающихся результатов. К. Пикер полагает, что «проект эмигранта оказался в целом успешным. Новообретённое чувство культурной близости Англии и России помогло большей части населения принять новость о русской революции 1905 года с широкой, хоть и не всемерной поддержкой»⁴⁴⁶.

Офис «Англо-Русского» находился в самом центре Лондона, на Патерностер-сквер (21, Paternoster Square). Судя по всему, издание журнала вполне окупало себя, так как аренда помещений в центре столицы обходилась недёшево. Цена за годовую подписку на этот журнал, издававшийся на английском и русском языках, составляла, как и на «Свободную Россию», 1 шиллинг и 6 пенсов, один номер журнала продавался несколько дороже — по цене в 1,5 пенса⁴⁴⁷.

Также в Лондоне под редакцией Е.П. Блаватской издавался «Люцифер». Он выпускался Теософской издательской компанией (находилась по адресу 7, Duke Street) — сами номера печатались до весны 1890 г. в типографии Келли и СО. (Gate Street), с марта по август 1890 гг. — в типографии А. Боннера (34, Bouverie Street) а затем, до самой смерти Блаватской, Женским издательским обществом (21b, Great College Street).

«Люцифер» выходил раз в месяц и отличался довольно солидным объёмом номеров — в 88 страниц. Этим объяснялась довольно высокая стоимость журнала — цена годовой подписки на журнал первые несколько лет составляла 15 шиллингов, затем была увеличена до 17 шиллингов 6 пенсов⁴⁴⁸. Такая стоимость, впрочем, была вполне оправдана, так как подписчиками журнала являлись в основном представители интеллигенции, обладавшие достатком выше среднего. Они же и составляли костяк Теософского общества, обеспечивая его, как уже было сказано выше, достаточно значительными пожертвованиями.

⁴⁴⁴ Ibid. P. 9–10.

⁴⁴⁵ Grant R. British radicals and socialists and their attitudes to Russia. P. 133.

⁴⁴⁶ Ibid. P. 14.

⁴⁴⁷ Preeloker J. Russia — what she was and what she is. P. 140.

⁴⁴⁸ Theosophical & Mystic Publications // Lucifer. —1890. — Vol. 6 (31). — P. 88.

В отличие от «Свободной России» Степняка и, в меньшей степени, «Англо-Русского» Прилукера, «Люцифер» Блаватской не являлся общественно-политическим журналом — в этом отношении он стоял особняком. Содержание его статей, как правило, напрямую касалось теософии и той проблематики, которая так или иначе была связана с этим религиозно-мистическим учением. Впрочем, среди многочисленных статей по истории, религии, мифологии и эзотерике время от времени появлялись статьи общественно-политического содержания, написанные Еленой Петровной. Примечательна в этом отношении её статья «Пылинка и луч», напечатанная в августовском номере «Люцифера» за 1890 г. В ней Блаватская, откликнулась на прошедший в Гайд-парке митинг, организованный «во имя цивилизации и человечности» против жестокости российских чиновников и надзирателей, имевшей место в сибирских тюрьмах. Блаватская в своей статье избрала достаточно осторожный тон, всячески подчёркивая, что выступает не как политик, а скорее как духовный деятель: «Принимая во внимание, что «Люцифер» никак не касается политической стороны этого дела, напоминаем читателю, что имеются, с другой стороны, все причины для того, чтобы затронуть моральный аспект дела». Указывая в статье на примеры бесчеловечного и жестокого отношения к заключённым в английских и американских тюрьмах, Блаватская в конце напоминала читателям о евангельской заповеди «Не суди, да не судим будешь». В то же время она подчеркнула, что «заявляет это в первую очередь как теософ, и только затем уже как русская; не оправдывая Россию, ни обвиняя Англию с Америкой, а просто лишь проливая свет факела истины на обстоятельства, которые никто не может отрицать»⁴⁴⁹. В этой и прочих статьях Блаватской отразился её русский патриотизм, который она сохранила даже после того, как отказалась от российского подданства. Однако ей приходилось достаточно сдержанно проявлять его в своих статьях — более резкие высказывания могли бы отвратить англичан-теософов, придерживавшихся весьма умеренных политических взглядов.

Выводы:

Большую часть описываемого периода русская колония в Лондоне не имела постоянных институтов. До 1890-х гг. существовали лишь относительно малочисленные организации, деятельность которых почти никак не влияла на жизнь колонии. Возникшие в дальнейшем русские объединения прямо или опосредованно способствовали адаптации и трудоустройству эмигрантов, занятию ими своей ниши в британской общественной структуре. Отправной точкой для многих объединений на рубеже веков Бесплатная русская библиотека в Ист-Энде. Несмотря на это, общего для всей русской эмиграции культурно-бытового центра в Лондоне в начале XX в. так и не сложилось.

⁴⁴⁹

The Mote and the Beam // Lucifer. — 1890. — Vol. 6 (36). — P. 470, 471, 478.

Русские политические эмигранты зарабатывали себе на жизнь, за редким исключением, интеллектуальным трудом, осуществляя публикации статей в газетах и журналах, занимаясь издательской деятельностью, выступая с лекциями и т. п. Наиболее успешные и популярные эмигранты могли рассчитывать на достойный заработок, доходы же прочих были достаточно невелики. Трудовые эмигранты были вынуждены заниматься преимущественно физическим трудом, а также работать в сфере обслуживания.

Издаваемые эмигрантами периодические издания выходили преимущественно на русском языке и освещали российскую повестку дня. Существовало небольшое количество журналов, издававшихся на английском языке. Их тематика была различна, в зависимости от убеждений и мировоззрения редакторов, а материалы, адресованные в первую очередь англичанам, отличались умеренностью.

Глава IV. Отношение английских властей и общества к русским эмигрантам

§ 1. Британские власти и российская эмиграция

Проблема взаимоотношений британских властей и политической эмиграции уже долгое время является объектом интереса историков, хотя надо признать, что часто этот вопрос рассматривается опосредованно, вскользь, редко становясь предметом специальных работ. Из авторов, наиболее подробно исследовавших данную проблематику, нужно назвать Бернарда Портера и Алана Кимбалла⁴⁵⁰. Последовательно проследив отношение властей к политическим изгнанникам, начиная с середины викторианской эпохи, Портер пришёл к выводу о том, что правительство использовало эмиграцию для воздействия на общественное мнение. На её примере демонстрировалось несовершенство политических систем других стран и, соответственно, доказывалось преимущество английского строя. Алан Кимбалл в своём исследовании уделил внимание исключительным случаям, когда английские власти использовали политических эмигрантов в качестве «разменной монеты» в крупной дипломатической игре — в центре внимания историка оказался громкий процесс над русским эмигрантом Владимиром Бурцевым.

В последней трети XIX в. отношение английских властей к политическим эмигрантам оставалось традиционно-нейтральным, а на фоне остальной Европы его можно было бы и вовсе назвать благожелательным. Такой порядок вещей формировался многие десятки лет — это была своего рода традиция, освящённая временем. Бернард Портер указывает на то, что в английских правительственных кругах никогда не существовало враждебности против политических эмигрантов — хотя бы ещё и потому, что их количество никогда не было достаточно большим для того, чтобы представлять опасность для британских властей⁴⁵¹. Это утверждение особенно верно в отношении политической эмиграции ввиду её относительной малочисленности.

Однако было бы ошибочно утверждать, что английские власти предоставляли каждого новоявленного эмигранта самому себе. Среди своеобразных индикаторов, которые могут указать на истинное отношение английских властей к русским политическим эмигрантам, можно назвать шпионаж, осуществляемый агентами и осведомителями российского правительства в Англии. Настроения российских эмигрантов в Лондоне, опасавшихся

⁴⁵⁰ Porter B. The refugee question in mid-Victorian politics; Porter B. The British Government and Political Refugees; Kimball A. The Harassment of Russian Revolutionaries Abroad.

⁴⁵¹ Porter B. The British Government and Political Refugees. P. 24

преследования со стороны царских агентов, хорошо отражает история эмигранта Сибирякова, рассказанная в письме к супруге Валерианом Смирновым, помогавшим П.Л. Лаврову издавать журнал «Вперёд!».

Сибиряков перебрался в Англию в середине 1870-х годов из Женевы, воображая, будто царское правительство снарядило двадцать агентов, чтобы его арестовать. В Лондоне он сначала успокоился, однако затем ему вновь стало казаться, что его отслеживают уже пятьдесят царских агентов. История Сибирякова закончилась печально — оказавшись в психиатрической лечебнице, он утверждал, что весь её персонал подкуплен русским послом в Лондоне. Характерно, что Смирнов, а вслед за ним и П.А. Кропоткин, соглашались, что история Сибирякова, при всей своей нелепости, всё же не являлась целиком плодом больного воображения эмигранта⁴⁵².

Воспоминания самого Кропоткина также содержат ряд указаний на то, что российские агенты ощущали себя в Англии достаточно свободно и в последующие годы. Так, осенью 1881 г. Кропоткина с женой, направлявшихся на поезде в Лондон, всю дорогу сопровождал русский шпион. Более того, в доверие к одному из знакомых Кропоткина сумел войти русский, «состоявший в Париже шпионом при русском посольстве»⁴⁵³. Во время своего последующего пребывания в Англии Кропоткин вновь привлёк интерес российской агентуры: «Когда я был в Лондоне в 1882 г., мне тоже сказали раз, что человек, называющий себя агентом русского правительства и берущийся доказать это, желает вступить со мною в переговоры»⁴⁵⁴. Русские эмигранты всерьёз подозревали даже, что осведомителем Заграничной агентуры Департамента полиции является один из сотрудников библиотеки Британского музея — неудивительно, что по этой причине многие эмигранты предпочитали при получении читательских билетов не указывать своих настоящих имён. К примеру, читательский билет Степняка-Кравчинского был выписан на имя Адольфа Рублёва, а Вера Засулич имела билет на имя Веры Бель⁴⁵⁵.

Российский Департамент полиции, по-видимому, имел возможность привлекать в качестве своих агентов самих англичан — вместо того, чтобы присылать их из Франции или России. Кропоткин вспоминал, что «в Англии есть газеты, в особенности в курортах, столбцы которых наполнены объявлениями «сыскных агентов»... делающих всё что угодно, лишь бы им платили»⁴⁵⁶. Но, конечно же, для обеспечения эффективного функционирования агентуры

⁴⁵² Kimball A. The Harassment of Russian Revolutionaries Abroad. P. 52.

⁴⁵³ Кропоткин П.А. Записки революционера. С. 453.

⁴⁵⁴ Там же. С. 427.

⁴⁵⁵ Henderson R. Russian Political Emigres and the British Museum Library. P. 63.; Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 1. С. 319.

⁴⁵⁶ Кропоткин П.А. Записки революционера. С. 458.

требовалось заручиться, по крайней мере, молчаливым согласием английских властей и полиции. А. Я. Киперман сообщает, что Скотланд-Ярд за определённую плату оказывал услуги русскому посольству, но чисто информативного характера⁴⁵⁷. Когда в Англии был арестован немецкий анархист Мост, связанный с русскими эмигрантами, лондонская полиция любезно предоставила в посольство России изъятые у него бумаги для снятия копий. В конце 1884 — начале 1885 годов в Лондоне раздалось несколько взрывов, устроенных ирландскими патриотами. Царские агенты воспользовались смятением, чтобы поднять шумную кампанию против русских эмигрантов⁴⁵⁸.

Надо отметить, что практика привлечения осведомителей была широко распространена и в английской полиции, которая не имела такого обширного арсенала средств, как российская жандармерия. В частности, полиция не обладала полномочиями для «домашних обысков», а политический надзор за революционерами осложнялся отсутствием внутренней паспортной системы. Особый отдел лондонской полиции, образованный в 1883 г. как раз для противоборства ирландским террористам, к концу века приобрёл, по сути, функции тайной полиции. Поэтому относительная свобода, предоставляемая английскими властями российской агентуре, может быть объяснена желанием держать политических эмигрантов под присмотром, не подвергая их, впрочем, серьёзной опасности.

В самом деле, нежелательные для эмигрантов последствия, которые могла за собой повлечь такого рода слежка, были минимизированы английским законодательством. Иммигранты не могли быть депортированы из Англии, за исключением случаев, когда этого требовали власти страны, с которой Англия имела соглашение о взаимной выдаче (такого соглашения между Россией и Великобританией подписано не было). Кроме того, с 1870 г. либеральный кабинет Гладстона установил запрет на выдачу иммигрантов, которые подверглись у себя на родине преследованию за политические преступления. Притом чёткой границы между политическими и простыми преступлениями установлено не было — даже убийство, совершённое по политическим мотивам, могло стать достаточным основанием для отказа в выдаче⁴⁵⁹. Всё это позволяло российским эмигрантам, нашедшим пристанище в Англии, чувствовать себя в относительной безопасности.

Вопрос об иностранных эмигрантах являлся одной из излюбленных тем консерваторов. В марте 1887 г. член Консервативной партии капитан Джон Коломб затронул в одном из своих выступлений вопрос о количестве иммигрантов, прибывших в страну в течение предыдущих

⁴⁵⁷ Киперман А. Я. Главные центры русской революционной эмиграции. С. 279–280.

⁴⁵⁸ Киперман А. Я. Разночинская революционная эмиграция. С. 143.

⁴⁵⁹ Porter B. The British Government and Political Refugees. P. 24.

пяти лет. В своей речи он во многом определил направление консервативной риторики по миграционному вопросу последующих лет. Коломб вопрошал: «Какие ещё великие державы, кроме Великобритании, допускают неограниченную иммиграцию нищих иностранцев? И не должно ли правительство Ее Величества иметь заранее оговорённую возможность принятия правил, которые могли бы положить конец свободному притоку обездоленных чужеземцев в Соединённое Королевство?»⁴⁶⁰. Очевидно, что риторика консерваторов была направлена главным образом против масс трудовых иммигрантов, въезжавших в страну. Однако даже в этом случае вопрос с трудовой иммиграцией увязывался с проблемой политических эмигрантов — въезд и тех, и других осуществлялся на общих условиях.

Массовый приток иммигрантов совпал по времени с Долгой депрессией – мировым экономическим кризисом, вызванным освоением американцами территорий Среднего Запада после завершения Гражданской войны в США. Великобритания оказалась сильнее других европейских держав поражена Долгой депрессией. Цены упали в среднем на 40% (особенно сильно это падение коснулось сельскохозяйственных товаров), а темпы экономического роста с 1880-х гг. не превышали 1%. В конечном итоге Британия утратила своё мировое лидерство во многих отраслях промышленности, уступив пальму первенства США и Германской империи.

Уровень безработицы в последней трети столетия составил, по разным оценкам, от 4,8% до 5,4%, притом в ряде отраслей промышленности она достигала заметно более высоких показателей (к примеру, в сталелитейной отрасли она составила в 1886 году 34,2%); в Лондоне ситуация представлялась поистине угрожающей: средний процент безработицы достиг в 1887 году 27%, притом среди судостроителей насчитывалось безработных 44 %, среди докеров – 55 %⁴⁶¹.

Наметившееся падение уровня жизни британских рабочих привело к росту профсоюзного движения. Лидеры тред-юнионов всё более охотно прибегали к антииммиграционной риторике, обвиняя приезжих в росте безработицы и ухудшении жилищных условий. В одном из своих выступлений Бен Тиллет, лидер лондонских докеров, обратился к трудовым мигрантам с такими словами: «Да, вы наши братья, и мы исполним свой долг по отношению к вам. Но мы хотели бы, чтобы вы не приезжали вовсе»⁴⁶².

Правительство, безусловно, не могло оставить без внимания рост антииммиграционных настроений в рабочей среде. Трудная ситуация в экономике и рост социальной напряжённости требовали решительных мер. Острота вопроса об иммиграции, возраставшая в конце 1880-х

⁴⁶⁰ Цит. по: Garrard J. A. The English and Immigration. P. 26.

⁴⁶¹ Musson A. E. The Great Depression in Britain. P. 201–202, 203, 206–208.

⁴⁶² Цит. по: Brown R. Racism and immigration in Britain.

годов, заставила британские власти пересмотреть своё отношение к контролю за иммиграцией в портах. Списки въезжающих в страну иностранцев, составляемые капитанами морских судов, являлись основными источниками, на основании которых Министерство торговли могло вести учёт иммигрантов. Показательно, что Роберт Гиффен, видный статистик и экономист, возглавлявший в конце 1880-х годов Департаменты коммерции и статистики при министерстве, ещё в 1888 г. был совершенно не осведомлён о том, каким образом исполняются нормы Акта, регламентирующие составление таких списков⁴⁶³. Более того, списки не давали исчерпывающих сведений ещё и потому, что, начиная с 1850-60-х годов и до мая 1890 г., собирались в полном объёме только в Лондонском порту, частично — в Галле и ещё в ряде портов. Существующий порядок, по сути, позволял иммигрантам и вовсе не информировать власти о своём въезде в страну⁴⁶⁴.

В начале 1888 г. лордом Кэмпбином, возглавлявшим Комитет по состоянию дел рабочего класса, на имя Солсбери была направлена резолюция, предусматривавшая запрет на иностранную иммиграцию⁴⁶⁵. Такого рода инициатива, конечно, была излишне радикальной. Однако понимание того, что миграционная политика должна быть изменена, уже пришло. В 1889 г. Палата общин направила запрос в Комитет по иммиграции о необходимости обеспечить беспрекословное соблюдение положений акта в портах. В апреле 1890 г. Министерство торговли обязало Таможенный департамент обеспечить сбор «списков иностранцев» на борту всех судов, прибывающих в Англию из иностранных портов, с указанием их имени, происхождения и рода деятельности. За предоставление ложных списков капитану должен был грозить денежный штраф⁴⁶⁶.

Между тем для соблюдения законности было необходимо обеспечить проверку предоставляемых капитанами судов списков. По словам секретаря Таможенного департамента, проделать это было крайне затруднительно в силу явной нехватки персонала. В итоге Министерству торговли удалось договориться о проведении выборочных проверок. Несколько лет спустя такие внеплановые проверки вошли в правило — каждый сотрудник таможни, помимо своих основных обязанностей, должен был осуществлять выборочную проверку списков иностранцев. Эти меры быстро продемонстрировали добросовестность британских капитанов — все проверенные списки соответствовали действительности⁴⁶⁷.

⁴⁶³ Fox S. N. The invasion of Pauper Foreigners // Contemporary Review. — 1888. — Vol. 53. — June. — P. 862.

⁴⁶⁴ Porter B. The British Government and Political Refugees. P. 24.

⁴⁶⁵ Garrard J. A. Op. cit. P. 26.

⁴⁶⁶ London, National Archives (Public Record Office), MEPO 2/260. File 24. P. 5.

⁴⁶⁷ Gainer B. Op. cit. P. 9.

Параллельно был предпринят ещё ряд мер. 10 февраля 1888 г. было принято решение о создании правительственного комитета. Ему было предписано «изучить законы, существующие в США и других странах по вопросу об иммиграции малоимущих иностранцев, а также масштабы и последствия таковой иммиграции в Соединенное Королевство, и доложить, является ли желательным введение подобного законодательства»⁴⁶⁸.

В августе 1892 г. Комитет представил свои основные выводы по эмигрантскому вопросу. Отмечая в докладе, что «численность иностранцев, хоть и не является достаточно большой, чтобы вызывать тревогу, в течение уже многих лет непреклонно растёт», члены комитета признавали, что в то время, как «лучшие» из иммигрантов рассматривали Англию лишь в качестве транзитного пункта на пути в Новый Свет, «худшие и беднейшие» из беженцев, напротив, оседали в Лондоне и других английских городах. Будучи «нечистоплотными в своих привычках», они были готовы к долгой и изнурительной работе за небольшую плату, чем, отмечали авторы доклада, обрекали на дальнейшее пребывание в нищете тех англичан, которые не сумели по этой причине найти работу для себя⁴⁶⁹.

Доклад содержал две основных рекомендации. Всячески акцентируя внимание на проблеме ненадёжности и недостаточности статистических данных, члены комитета советовали наладить регулярный сбор достоверных данных о прибывающих в Англию. Не считая возможным введение в ближайшем будущем миграционного законодательства по образцу американского, авторы доклада всё же рекомендовали рассмотреть возможность подобных мер, по мере нарастания перенаселённости Лондона и, как следствие, роста социальной напряжённости среди низших слоёв его населения.

Усиленная антииммиграционная агитация, предпринятая в конце 1880-х годов сторонниками ограничения иностранной иммиграции, почти возымела эффект. В мае 1892 г., в преддверии выборов, консервативное правительство объявило о подготовке законопроекта об иностранцах. В конечном счете, кабинет Солсбери был спасён от необходимости нести ответственность за предвыборное обещание, каким бы популистским оно ни было — в июле того же года к власти вновь пришло либеральное правительство Гладстона.

Консерваторы, уйдя в оппозицию, постарались вновь поднять знамя борьбы с нежелательными иностранцами — Говард Винсент предложил на рассмотрение нижней палаты проект нового закона, регулирующего иммиграцию в страну. Данный законопроект вызвал ажиотаж в парламенте — Генри Лабушер и другие либеральные депутаты опасались болезненной реакции некоренных жителей восточного Лондона на подобные законодательные

⁴⁶⁸ Цит. по: Garrard J. A. Op. cit. P. 27.

⁴⁶⁹ Цит. по: Ibid. P. 28.

инициативы и всячески подчёркивали, что вопрос об ограничении иностранной иммиграции не является политическим. В конечном итоге за законопроект высказалось 119 депутатов, тогда как против него проголосовало 234 члена парламента.

1894 г. всё же был отмечен одним показательным решением — Бернард Портер полагает, что после процесса над французским анархистом Теодором Мёнье, подвергнувшимся экстрадиции из Англии на родину, в праве убежища было, по сути, отказано немалой части политических эмигрантов, придерживавшихся анархических убеждений⁴⁷⁰. Впрочем, выводы британского историка можно до известной степени оспорить. Во всяком случае, эти ограничения никак не затронули П.А. Кропоткина, известного на всю Европу «князя анархистов». Он по-прежнему не встречал каких-то серьёзных препятствий в своей деятельности и не был ограничен в контактах.

Законодательно оформить такой запрет не удалось. В июле 1894 г. консерваторы повторили попытку провести через нижнюю палату проект миграционного законодательства — билль, подготовленный уже самим Солсбери, должен был не только защитить страну от малоимущих иностранцев, но и стать орудием борьбы против анархистов и всех тех, кто «живёт в постоянных приготовлениях к смертоубийствам». Законопроект прошёл два парламентских чтения, однако либералам всё же удалось «похоронить» этот билль⁴⁷¹.

Либеральный кабинет продолжал последовательно защищать права политических эмигрантов на протяжении большей части 1890-х годов. «Должны ли мы изменить своё отношение из-за нескольких анархистских заговоров?» — задаёт в своей статье риторический вопрос Джоффри Дрэйдж. По его мнению, законодательные инициативы Джозефа Чемберлена по ограничению иммиграции не имели обоснования ни с экономической, ни с политической точки зрения⁴⁷².

Но в итоге либералам всё же пришлось предпринять ряд символических мер под давлением консерваторов. Одна из них касалась, в частности, библиотеки Британского музея, являвшейся, как было показано в предыдущей главе, одним из важных культурных и коммуникационных центров русской иммиграции. В октябре 1894 г. Хоум-офис направил в Совет Попечителей Британского Музея письмо. Оно было написано в преддверии выхода второго издания «Словаря взрывчатых веществ» Кандилла. В письме настоятельно рекомендовалось не выдавать эту книгу в читальном зале библиотеки музея неизвестным посетителям, а в случае её запроса со стороны таковых доложить Главному инспектору по

⁴⁷⁰ Porter B. The British Government and Political Refugees. P. 24

⁴⁷¹ Garrard J. A. Op. cit. P. 32–33.

⁴⁷² Drage G. Alien Immigration // Fortnightly Review. — 1895. — Vol. 57. — P. 46.

взрывчатым веществам Её Величества. Совет Попечителей внял обеспокоенности Хоум-офиса — после получения экземпляра словаря Гарнетт распорядился не включать его в общедоступный каталог⁴⁷³. Данный пример лишь служит подтверждением тезиса о том, что в целом инициативы консерваторов почти никак не сказались на положении русских эмигрантов.

Возвращение консерваторов к власти по итогам выборов в июле 1895 г. не привело, однако, к перелому в вопросе принятия нового миграционного законодательства. Либералы, оказавшись в роли парламентской оппозиции, продолжали блокировать инициативы консерваторов — так было в январе 1897 г. и в июле 1898 г. Впрочем, меньшая периодичность, с которой консерваторы стали выносить свои проекты на рассмотрение Палаты общин, свидетельствовала, с одной стороны, о том, что проблема успела несколько утратить свою остроту. Вторая половина 1890-х годов стала временем снижения процента безработицы среди беднейших слоёв населения. В то же время приток мигрантов в страну несколько стабилизировался. Министерство торговли в своём отчёте за 1895 г. отметило, что общее число иностранцев в стране даже несколько сократилось. В то же самое время гибель Степняка-Кравчинского в декабре 1895 г. ознаменовала начало увядания колонии российских политических эмигрантов, которая характеризовалась до конца десятилетия своей стабильной малочисленностью. С другой стороны, консерваторам, вернувшимся к власти, не было нужды слишком часто обращаться к данной проблематике, неизменно отдававшей популизмом.

В свою очередь, в российском правительстве на протяжении всех 1880-х годов росло недовольство деятельностью «лондонских эмигрантов». Статьи, публикуемые С.М. Степняком-Кравчинским и его соратниками в британских газетах, вызывали возмущение российских властей, притом в общем гуле негодования слышались даже призывы запретить всякое распространение «Таймс» в России⁴⁷⁴. Ответом стала возросшая в 1890-е годы активность российской агентуры в Лондоне — что вызвало у русских эмигрантов неподдельную тревогу. В январе 1891 г. П. И. Рачковский, ведавший заграничной агентурой Департамента полиции, отправился в британскую столицу для выяснения условий «учреждения в Лондоне специального наблюдения», как он сообщал в Петербург. 19 марта 1891 г. он доложил, что приступил к организации «постоянного наблюдения за выдающимися эмигрантами в Лондоне». Рачковский немало труда затратил на «работы по устройству правильной агентурной организации в Лондоне», которые, как он писал в докладе от 21 сентября 1891 г., «закончились к настоящему времени с успехом, на который почти нельзя было надеяться; внутренним агентам удалось достигнуть самого тесного сближения с местной эмиграцией и занять среди

⁴⁷³ Henderson R. Op. cit. P. 64.

⁴⁷⁴ News in Brief: Russia // Times. 1885. 5 September. P. 5.

нее совершенно прочное положение, что дает нам постоянную возможность знать в зародыше о каждом предприятии или замысле как русской, так и польской эмиграции»⁴⁷⁵.

Видимо, российские власти всерьёз полагали, что создание агентурной сети в Лондоне является первым шагом на пути к полной нейтрализации колонии политических эмигрантов. Во всяком случае, произошло это при молчаливом согласии британских властей. Члены агентуры и их деятельность были хорошо известны Скотланд-Ярду. Более того, главному российскому агенту Эдгару Жану Фарсу в его деятельности активно помогал Майкл Торп, отставной офицер Особого отдела лондонской полиции (значимость такой помощи не стоит недооценивать, поскольку к началу XX в. штат Особого отдела насчитывал всего 15 офицеров)⁴⁷⁶.

Ещё в 1890 г., до начала решительных мер по созданию агентуры, премьер-министру Солсбери был передан меморандум царского правительства, в котором содержались факты о деятельности революционных эмигрантов против российских властей. Меморандум должен был доказать английскому премьеру, что «преступное движение», которое «царит в лагере политических эмигрантов в Англии», представляет большую опасность для царской России. И хотя Солсбери, по словам российского посланника Стааля, был «весьма взволнован» этими данными, русскому послу не удалось добиться большего, чем обещания отдать распоряжение об установлении слежки «за действиями русских эмигрантов и их английских приспешников»⁴⁷⁷.

Солсбери поручил изучить меморандум ответственному работнику министерства иностранных дел и доложить о результатах в Палате общин. Не исключено, что английский премьер в данном случае преследовал цель опереться на мнение палаты при объяснении своей позиции русскому правительству. Доклад был в скором времени подготовлен и представлен в Палате общин. Изложенные в нём соображения наверняка разочаровали российских дипломатов. В докладе министерства признавалось, что факты, приведённые в меморандуме относительно заговорщической деятельности, действительно имеют место; в то же время он высказывал сомнения в наличии данных о совершении эмигрантами преступных действий в Англии. Подчёркивалось, что деятельность эмигрантов получает поддержку со стороны многих представителей английской общественности — докладчиком были названы фамилии многих англичан-членов Общества друзей русской свободы; притом именно это обстоятельство рассматривалось в качестве поруки того, что деятельность эмигрантов не перейдёт за грань дозволенного, сохранив известную степень умеренности. Материалы, размещаемые в журнале

⁴⁷⁵ Цит. по: Таратута Е. А. Этель Лилиан Войнич. С. 102–103.

⁴⁷⁶ Хендерсон Р. Русская библиотека в Ист-Энде. С. 65.

⁴⁷⁷ Цит. по: Иванова Н. В. Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей. С. 91–96.

«Свободная Россия» и вызывавшие возмущение российских властей, докладчик также счёл вполне умеренными «по сравнению с тем, что публикуют безнаказанно английские газеты против правительства нашей собственной страны». И всё же в докладе некоторые из наиболее резких статей осуждались как «опасные», впрочем, докладчик счёл нужным заметить, что вопрос о запрещении или разрешении к печати подобных статей могут решать только члены комитета «Общества друзей русской свободы»⁴⁷⁸.

Английские правительства, независимо от партийной принадлежности, никак не препятствовали агитации Общества, дабы избежать обвинений в ограничении «традиционного» английского права на убежище политическим эмигрантам. Российские власти, однако, усматривали в такой позиции открытое проявление враждебности к России. Поэтому, по мнению Д. Нечипорука, деятельность русских революционных эмигрантов в Англии в определённой степени способствовала ухудшению русско-английских отношений⁴⁷⁹.

В то же время, наблюдая сквозь пальцы на деятельность русских «нигилистов», английские власти предпочитали дистанцироваться от неё. В 1893 г. Ольга Новикова обратила внимание Гладстона на то, что в Обществе друзей русской свободы принимают участие два члена его кабинета и члены парламента Шоу-Лефевр, Акланд и Томас Бёрт. Гладстон, возмущившись, потребовал доказательств, после чего Новикова прислала ему номер «Свободной России», который с негодованием назвала не иначе как «печатным органом нигилистов и всех злейших врагов России»⁴⁸⁰. На обложке журнала был напечатан список членов Исполнительного комитета Общества друзей русской свободы и упомянутые ею имена в том числе. Гладстон ответил ей 6 декабря 1893 г.: «Дорогая госпожа Новикова. Я снёсся с Лефевром и посылаю вам выдержку из его ответа ко мне. Должен сказать, что Томас Бёрт, имя которого находится в списке этого мало известного общества, человек, по моему мнению, совершенно неспособный участвовать в нигилистических планах. Если же окажется очевидным какое-нибудь отношение к обществу, я продолжу своё расследование и приму против этого должные меры. Верьте моей преданности. Гладстон». Через два дня Гладстон сообщил Новиковой, что Лефевр и Акланд «отказали Обществу в своих именах и говорят, что забыли о своей принадлежности к нему...»⁴⁸¹.

Упомянутый в предыдущей главе процесс над Владимиром Бурцевым, по общему мнению, был скорее исключением из правил — британское правительство, насколько это было

⁴⁷⁸ Там же. С. 97.

⁴⁷⁹ Нечипорук Д. М. Американское общество друзей русской свободы. С. 14.

⁴⁸⁰ Цит. по: Peaker C. Reading Revolution. P. 62.

⁴⁸¹ Цит. по: Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 425–426.

возможно, стремилось избежать судебного преследования политических эмигрантов и, если дело все же доходило до суда, то только под давлением иностранных правительств, как это и произошло в случае с Бурцевым. Характерно, что ключевую роль в аресте Бурцева сыграли сотрудники Особого отдела лондонской полиции.

Важно отметить, что в тюрьме осуждённый русский эмигрант пользовался некоторыми привилегиями и не привлекался к наиболее тяжёлым видам каторжных работ — во многом благодаря ходатайству вдовы Степняка-Кравчинского, что, к слову, лишний раз указывает на значительный авторитет последнего, сохранившийся даже после его гибели. Английские сторонники Бурцева также сделали всё возможное для облегчения его положения. 18 июня 1898 г. Чарльз Дилк направил в секретариат министерства внутренних дел письмо, в котором просил рассмотреть вопрос о передачи книг для заключённого. Три дня спустя он получил ответ, в котором уполномоченный сотрудник секретариата сообщал, что не видит каких-либо препятствий для этого — в случае, если книги для Бурцева будут пересылаться через министерство⁴⁸².

Но даже заключение в достаточно сносных условиях, созданных усилиями друзей и соратников, стали для Владимира Бурцева настоящим испытанием. «Я не мог себе представить, чтоб я, Бурцев, привыкший жить жизнью среднего интеллигентного человека, физически мог просуществовать в таких условиях целых 18 месяцев!», — так описывал Владимир Львович своё отчаяние в первые дни заключения. Бурцев содержался в отдельной камере, не подвергался насилию со стороны других заключённых или надзирателей, однако осознание себя лишённым почти всяческих прав заключённым было весьма тяжело для эмигранта — позднее он писал о «грубом, нечеловеческом отношении» с арестантами⁴⁸³. Представляется, что эти выводы свидетельствовали не столько о жестокости персонала тюрьмы, сколько о том, что отношение к русскому эмигранту действительно отличалось в лучшую сторону.

Таким образом, хотя официально Британия и продолжала утверждать, что люди не могут оказаться в английском суде лишь за свои убеждения, некоторые ответственные лица были готовы пересмотреть эту либеральную политику. Показательной оказалась реакция Совета попечителей Британского музея на дело Бурцева, который, как уже упоминалось, был одним из наиболее активных русских читателей Библиотеки музея. Через месяц после процесса над русским эмигрантом Главный библиотекарь вынес на повестку дня Совета предложение навсегда исключить Бурцева из числа посетителей читального зала, без права восстановления читательского билета. Это предложение было поддержано Попечителями. За права Бурцева

⁴⁸² РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 816. Л. 1.

⁴⁸³ Бурцев В. Л. В погоне за провокатором. С.31.

вступились такие известные либеральные деятели, как Джон Морли и сэр Чарльз У. Дилк. Но даже их ходатайства не принесли результата — имя Бурцева было исключено из алфавитного перечня держателей билетов. Более того, вся документация, в которой упоминался Бурцев, была уничтожена.

Судя по всему, руководство Библиотеки Британского музея сильно пеклось о репутации своего учреждения и всеми путями стремилось не запятнать её контактами с «неблагонадёжными» элементами вроде Бурцева, даже с учетом того, что вынесенный ему приговор в большей степени являлся не актом правосудия, а шагом, рассчитанным на внешнеполитический эффект. По мнению Роберта Хендриксона, дело Бурцева вынудило руководство музея не на словах, а на деле изменить политику по отношению к русской политической эмиграции⁴⁸⁴. Судя по всему, энтузиазм руководства Библиотеки даже превзошёл ожидания властей, не предпринимавших каких-то масштабных действий, направленных на ограничение деятельности эмигрантов.

Процесс над Бурцевым, воспринимавшийся в английском обществе как постыдная уступка России, стал неприятной ценой, которую пришлось заплатить кабинету консерваторов в своём стремлении нормализовать отношения с Петербургом. Желая отчасти восстановить авторитет внутри страны, Солсбери в 1898 г. недвусмысленно пояснил отношение своего правительства к практике преследования политических эмигрантов, скрывшихся за границей: «Наша, а возможно, и другие страны с крайним неодобрением отнесутся к любой попытке устранить угрозу анархистских заговоров путём покушения на свободу остальной части общества»⁴⁸⁵.

Всё в том же 1898 г. российское правительство, воодушевлённое процессом Бурцева, предприняло попытку закрепить свой успех. Теперь Петербург попытался добиться соглашений о высылке или даже выдаче наиболее опасных, с точки зрения российской стороны, эмигрантов. Однако на сей раз английский кабинет дал решительный отпор, совершенно ясно продемонстрировав предел допустимого в этом вопросе. Посол Стааль писал в своём донесении царю: «Высылка из пределов Великобританских владений, совершенно недопускаемая английскими законами, настолько противная его (кабинета) духу, что нет надежды на какие-то меры в этом направлении»⁴⁸⁶.

⁴⁸⁴ Henderson R. Op. cit. P. 65, 66.

⁴⁸⁵ Цит. по: Сондерс Д. Отзвуки Русской революции 1905 года на берегах Тайна // Русское присутствие в Британии. С. 133.

⁴⁸⁶ Цит. по: Иванова Н. В. Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей. С. 100.

Два года спустя российское правительство попыталось убедить британский кабинет в необходимости «ввести наказание за приверженность анархистским учениям даже в тех случаях, когда те не подстрекают к преступлениям». На такую инициативу лорд Солсбери дал однозначный ответ: «подобное законодательство совершенно невозможно в Великобритании»⁴⁸⁷.

По мнению Бернарда Портера, прибывающие в Англию политические эмигранты стали мощным идеологическим оружием в руках правящих кругов — как либералов, так и консерваторов. Неиссякающий поток мигрантов способствовал дальнейшему формированию образа Британии как «острова свободы», являющим собой разительный контраст с авторитарными режимами континентальной Европы. Историк пришёл даже к выводу о том, что власти сознательно терпели беженцев с континента, и даже растущая социальная напряжённость казалась им на первых порах малой ценой за такой мощный идеологический козырь в руках⁴⁸⁸. Вызывает возражения излишняя категоричность этого суждения. Совершенно очевидно, что подобное отношение к эмиграции сложилось в результате долгих обсуждений и разделялось далеко не всеми представителями правящих кругов. Более того, как показала практика, британское правительство даже в конце века не чувствовало себя достаточно уверенно, используя эмиграцию в качестве «идеологического оружия». Нарастающее в обществе недовольство масштабами въезда в страну иммигрантов со временем вынудило власти пересмотреть своё отношение к эмиграции.

Уже после смерти королевы Виктории правительству пришлось вновь вернуться к Закону об иностранцах. Завершение англо-бурской войны поставило проблему иммиграции в ряд важнейших политических вопросов повестки дня. Новый приток иммигрантов из России, спровоцированный кишинёвскими погромами 1903 г., заставил консерваторов перейти к решительным действиям, итогом которых стало принятие в 1905 г. нового Закона об иностранцах. Однако этот закон, по мнению Колина Холмса, сохранив возможность свободного въезда в страну для тех иностранцев, которые подверглись на родине политическим или религиозным преследованиям, имел не столько практическое, сколько психологическое значение⁴⁸⁹. Данный вывод следует дополнить — принятие такого акта логически вытекало из сложившегося в поздневикторианскую эпоху отношения к иммигрантам. Британское правительство не было склонно к принятию сиюминутных и жёстких ограничительных мер в

⁴⁸⁷ Цит. по: Сондерс Д. Указ. соч. С. 133.

⁴⁸⁸ Porter B. The British Government and Political Refugees. P. 28.

⁴⁸⁹ Holmes C. Introduction — A bibliographical and historical essay. P. xviii.

отношении эмигрантов; действия властей нередко были призваны скорее повлиять на состояние общественного мнения, нежели реально изменить положение вещей в миграционной политике.

§ 2. Английское общество и российская эмиграция

На протяжении всей викторианской эпохи прибывавшие в Англию русские отмечали в массе своей неприязненное отношение англичан к иностранцам. П.Д. Боборыкин писал, что от нетерпимости англичан страдают в том числе и народы, объединённые под властью королевы в Британской империи: «Вся жёсткая нетерпимость англичан — даже и к расам, которые объединены под общей кличкой «Британия», — выставлялась во всей своей неприглядности»⁴⁹⁰. Он пытался объяснить это свойство национального характера крайней важностью для англичан рекомендации авторитета: «Англичанин вообще не очень приветлив и на иностранца смотрит скорее недоверчиво, но раз вы ему рекомендованы, он окажется куда обязательнее и, главное, гостеприимнее француза и немца»⁴⁹¹. О.А. Новикова, будучи представителем русской консервативно-охранительной мысли, наиболее остро реагировала на «откровенное выражение недоброжелательности» применительно конкретно к русским. «У нас нет ни малейшей надежды заслужить признание англичан в их стране», — с сожалением и обидой констатировала она воцарение в Англии после русско-турецкой войны русофобии и пытается затем проделать её анализ. Новикова предполагала, что главная причина русофобии заключается в «простом, тривиальном, незамысловатом невежестве»⁴⁹².

По мнению Джона Слэттера, в 1880-е годы новому поколению русской эмиграции удалось добиться явного прогресса в непосредственном воздействии на английское общественное мнение. Это стало возможно благодаря тому, что эмигранты начали более деятельно и осмысленно взаимодействовать с английскими общественными деятелями — в отличие от А.И. Герцена или П.Л. Лаврова, которые, даже находясь в эмиграции, продолжали существовать в силовом поле российской общественной жизни, стараясь влиять на неё с помощью своих изданий. Второй важной причиной таких перемен стало постепенное пробуждение английского общества из «политической спячки» постчартистских десятилетий. Это общество было куда более восприимчиво к радикальным течениям социально-политической мысли — таким, как социализм и анархизм. Неудивительно, что в течение двух последних десятилетий XIX в. русские эмигранты постоянно находились в поле зрения англичан⁴⁹³.

⁴⁹⁰ Боборыкин П. Д. За полвека: Мои воспоминания. С. 503.

⁴⁹¹ Там же. С. 480.

⁴⁹² Новикова О. А. Об Англии // «Я берег покидал туманный Альбиона». С. 302.

⁴⁹³ Slatter J. Bears in the Lion's Den. P. 32.

А) Участие российских эмигрантов в деятельности английских общественных организаций

Различное отношение представителей английского общества к русским политическим эмигрантам можно проследить, проанализировав деятельность тех общественных организаций, с которыми непосредственно были связаны русские эмигранты. Можно выделить несколько типов таких общественных организаций поздневикторианской Англии.

Первый тип — это организации либерально-реформистского, просветительского типа. Ярким примером может служить Общество содействия российским реформам, создание которого стало итогом активного сотрудничества Я.М. Прилукера с видными деятелями английского общественного движения. Оно было основано 1 ноября 1895 г. на учредительной конференции, состоявшейся в лондонском Сити. Одним из инициаторов создания Общества выступил Уильям Эванс Дерби — видный английский пацифист, на протяжении 30 лет (1885–1915 гг.) являвшийся секретарём Общества содействия постоянному и всеобщему миру. Он был избран председателем исполнительного комитета Общества содействия российским реформам, Джеймс Робертсон стал казначеем, а Я.М. Прилукер — почётным секретарём⁴⁹⁴.

Руководство Общества избрало сугубо мирные и легальные методы своей информационной и культурно-просветительской деятельности. Она должна была быть направлена на достижение нескольких целей: содействовать лучшему взаимопониманию между народами Великобритании и России, а также оказывать помощь тем русским, которые стремятся к проведению в России реформ, ранее осуществлённых в Западной Европе. Для достижения этих целей предполагалось решить ряд практических задач. В частности, руководители Общества планировали наладить издание литературы о России на английском языке и систематически организовывать лекции для распространения более полных знаний о ее национальных обычаях, культуре, государственных и общественных институтах. «Дэйли Телеграф» в одной из статей упомянула о создании «общества, которое было сформировано в Лондоне для содействия русским реформам». Сообщалось, что общество планирует, среди прочего, «создание газеты, с помощью которой он (Прилукер) надеется помочь двум великим народам узнать друг о друге больше, нежели они сейчас знают»⁴⁹⁵. Характерно, что Общество содействия российским реформам ставило перед собой задачу распространения публикаций на русском языке среди русских эмигрантов и подданных империи, оказавшихся за рубежом. Таким образом, очевидно, что Общество, хотя и признавало официальную Россию и даже ставило своей задачей улучшение отношений с ней, весьма скептически относилось к

⁴⁹⁴ Frank H. Jaakoff Prelooker. P. 26.

⁴⁹⁵ Prelooker J. Russia, What She Was And What She Is. P. 140.

существующему в этой стране политическому строю. Российских эмигрантов, оказавшихся в Англии (во всяком случае, тех из них, что занимали, как и сам Прилукер, умеренно-либеральные позиции), члены Общества рассматривали в качестве своих потенциальных союзников, с которыми следует вести активную просветительскую работу.

Общество имело незначительное количество местных отделений. Известно об их существовании в Гастингсе, Истборне, Малверне, а также в Бирмингеме (впрочем, в этом городе оно существовало лишь непродолжительное время). Данные отделения, однако, почти не оказывали влияния на деятельность Общества и зачастую являлись не более чем разновидностью неформального кружка единомышленников. На это указывает вот такой пример: члены отделения Общества в Малверне были найдены Прилукером «на водах», куда тот отправился после чтения лекций в этом вустерширском курортном городке⁴⁹⁶.

Другой тип общественных организаций — респектабельные просветительские общества консервативного толка, члены которых придерживались «русофильских» взглядов и отличались, чаще всего, лояльным отношением к официальной России. Такого рода организацией являлось Англо-Русское литературное общество. Оно было основано ещё в конце 1892 г., а первое его собрание состоялось 3 января 1893 г. в аудитории № 6 Имперского института в Южном Кенсингтоне — именно она стала своего рода штаб-квартирой Общества, здесь проходили собрания и даже была оборудована библиотека⁴⁹⁷. Идеологом создания организации и его первым президентом был Эдуард А. Казалет, по долгу службы много времени проведший в России и хорошо знавший русскую культуру и язык. Вальтер Торнтон был избран почётным секретарём и казначеем Общества. Среди провозглашённых целей организации на первом месте стояли, конечно же, изучение русского языка и литературы, а также формирование собрания из книг и периодики на русском языке. Кроме того, создатели Общества надеялись своей деятельностью содействовать улучшению взаимоотношений между Великобританией и Российской империей. Собрания планировалось проводить ежемесячно.

За год своего существования количество членов Общества увеличилось от примерно 50 до без малого 200 человек, притом среди них было и несколько русских (специально для них была предусмотрена возможность выплачивать годовые взносы в рублях — в размере 5 рублей, вместо 1 фунта и 1 шиллинга, которые должны были выплачивать члены-англичане). То обстоятельство, что в качестве патронов Общества его члены выбрали принца Альберта, сына королевы Виктории, и его супругу великую княжну Марию Александровну, дочь Александра II,

⁴⁹⁶ Grant R. British radicals and socialists and their attitudes to Russia. P. 110–111.

⁴⁹⁷ Galton D. The Anglo-Russian Literary Society. P. 272.

а также цесаревича Николая, будущего императора Николая II, свидетельствует об их верноподданнических чувствах и лояльности к российской императорской фамилии. Такое положение дел может быть объяснено тем, что Общество было создано не без помощи представителей российских властей. Во всяком случае, на первые же организованные лекции, была приглашена Ольга Новикова, ставшая, по-видимому, посредником между организацией и российскими властями⁴⁹⁸.

К концу 1897 г. насчитывалось уже около 500 членов Общества, однако только половина из них не были британскими подданными, а ежемесячные собрания посещало не более 50 человек. В основном это были представители респектабельной публики — университетские профессора, журналисты, военные. По данным Галтона, оставшиеся двести с небольшим членов организации являлись гражданами других стран, преимущественно российскими подданными, постоянно проживавшими в России. Были, однако, и те, кто проживал непосредственно в Лондоне — помимо Ольги Новиковой, членом Общества являлся также и российский посланник барон де Стааль⁴⁹⁹. Разумеется, члены этой общественной организации в лучшем случае просто игнорировали сам факт существования в Лондоне колонии российских политических эмигрантов, в худшем — считали этих эмигрантов персонами нон-грата, «нигилистами» и опасными преступниками, своей деятельностью подрывающими внутреннюю стабильность как России, так и Англии.

Практически полной противоположностью организациям первых двух типов являлись общества, основанные при активном участии русских революционных эмигрантов. Об Обществе друзей русской свободы, ставшем своего рода рупором русских «нигилистов», уже говорилось выше. В его задачи, в частности, входило распространение информации о положении дел в России, формирование общественного мнения в Англии, помощь русским политическим заключённым⁵⁰⁰. Учредительный комитет состоял из 29 англичан, в том числе членов парламента, представителей духовенства, университетских преподавателей.

Р.С. Уотсону удалось привлечь в молодое Общество многих английских общественных деятелей и парламентариев, притом это были не только социалисты, но и представители либеральной интеллигенции и даже консерваторы (следует отметить, что первая попытка подобного объединения, предпринятая несколько ранее с опорой на одних лишь английских социалистов, провалилась). В Исполнительный комитет вошли Спенс Уотсон, В.П.Байлс,

⁴⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1218. Л. 1.

⁴⁹⁹ Galton D. Op. cit. P. 273, 274, 280.

⁵⁰⁰ The Society of Friends of Russian Freedom // Manchester Guardian. 1894. 4 June. P. 8.

Эдуард Пиз, Д. Алласон Пиктон, Д.Г.Перрис, Д.Роунтри, Хесба Стреттон, Т.Фишер Унвин и другие⁵⁰¹.

Не принижая значения энергичной деятельности Кравчинского, который играл изначально одну из ключевых ролей в деятельности Общества, следует все же учитывать, что оно существовало главным образом за счёт энтузиазма английских общественных деятелей, в первую очередь Роберта Спенс Уотсона. Сам он признавал, что управление Обществом осуществлялось руками англичан, но отдавал должное заслугам русских членов Общества, которыми «проделывается умелая и скрупулёзная» работа по донесению до английской общественности «точных фактов» о положении дел в России, высказывании собственных суждений, которые основаны «исключительно на основе опыта, а не являются домыслами»⁵⁰². Как уже было сказано, осенью 1890 г. Общество начало издавать свой журнал, его редактированием занимались С.М. Степняк-Кравчинский и Ф.В. Волховский.

Деятельность Общества друзей русской свободы так и не достигла того размаха, о котором мечтал Степняк. Английские члены Общества фактически самоустранились от участия непосредственно в издательской деятельности, заявляя о своей недостаточной осведомленности в конкретных «русских вопросах». Показательно также, что большинство английских «друзей русской свободы» отказывались принимать всерьёз социалистические идеи русских революционеров, а также отрицательно относились ко всем насильственным методам борьбы русских «борцов за свободу». Даже Спенс Уотсон, один из самых близких С.М. Кравчинскому англичан, не одобрял методов, которые отстаивал его друг. Крайние средства политической борьбы, и прежде всего революционный терроризм, не могли рассчитывать на сколько-нибудь широкое общественное одобрение в Англии. В большей степени это касалось, конечно, представителей либеральной общественности. Дональд Сенес полагает, что Общество потерпело неудачу, не сумев склонить на свою сторону значительное число англичан, которые симпатизировали Либеральной партии⁵⁰³. Евгения Таратута, в свою очередь, указывает на другую сторону проблемы. По её мнению, Общество друзей русской свободы «вряд ли успешно могло развиваться... без «подогревания» активными русскими деятелями»⁵⁰⁴. Но даже при таком деятельном участии немногочисленных русских Общество не могло рассчитывать на долгую жизнь — необходимого ему стержня из активных англичан так и не сформировалось.

На ещё один аспект деятельности Общества указывает Д. М. Нечипорук. Он отмечает, что пропагандистская деятельность Общества друзей русской свободы разворачивалась на фоне

⁵⁰¹ Hollingsworth B. The Society of Friends of Russian Freedom. P. 50–52.

⁵⁰² Цит. по: Senese D. Felix Volkovsky in London. P. 72.

⁵⁰³ Senese D. J. S. M. Stepniak-Krachvinskii. P. 63.

⁵⁰⁴ Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 424.

непростых англо-российских взаимоотношений. С одной стороны, это приводило к тому, что многими англичанами агитация в пользу российских революционеров воспринималась негативно как сознательная деятельность, направленная на ухудшение и без того напряжённых англо-русских отношений. Многие либералы, несмотря на своё враждебное отношение к России, отказывались поддерживать движение, которое стремилось дискредитировать российское самодержавие, чтобы не стать заложниками агитации русских революционеров и английских социалистов. Для консерваторов же вступление в организацию было неприемлемым по идеологическим соображениям, ввиду присутствия в ней большого числа социалистов⁵⁰⁵.

Обобщая выводы исследователей, необходимо выделить несколько причин неудачной деятельности Общества. Первостепенной причиной, как отметили Сенес, Нечипорук и прочие авторы, стало нежелание многих англичан сотрудничать с российскими «нигилистами» — в силу как внутреннеполитической конъюнктуры, так и собственных убеждений. Представляется, что недостаточное участие русских в деятельности Общества, отмечаемое Е. А. Таратутой, действительно имело место, однако преувеличивается исследовательницей. Являясь по своему составу и методам сугубо английским «продуктом», Общество выражало интересы русской политической эмиграции, однако не находилось в прямой зависимости от целей и потребностей эмигрантов.

Б) Отношение английского общества к трудовым мигрантам из России

Если русский политический эмигрант оставался в английской общественной жизни фигурой достаточно заметной, то русские трудовые мигранты зачастую растворялись в потоках своих соотечественников-евреев, гротескный и даже несколько демонизированный образ которых сделался к концу столетия объектом пристального внимания английских общественных деятелей и журналистов. Мигранты-русские находились в тени этого образа обездоленного и невежественного еврея-поденщика, прибывшего из далёкой России. Поэтому трудно говорить о наличии сформировавшемся в английском обществе комплексе представлений и оценочных суждений именно о русских трудовых мигрантах. Стереотипы и расхожие суждения о русских в таком случае с лёгкостью могли переноситься и на русских евреев. Поэтому во многих случаях представляется достаточно сложным вычленить из общей массы суждений о трудовых иммигрантах из России те, которые могли бы быть применимы исключительно к русским евреям, не распространяясь при этом ещё и на собственно русских

⁵⁰⁵ Нечипорук, Д. М. Указ. соч. С. 15.

иммигрантов (их присутствие в Лондоне, хоть и было на порядок менее заметным, всё же не могло не остаться незамеченным).

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что эмигранты собственно русского (или же хотя бы восточнославянского) происхождения составляли буквально считанные проценты от общего числа выходцев из России, прибывавших к английским берегам. Притом евреи, как и собственно русские, зачастую воспринимались англичанами как «russians» — то есть как не столько «русские», сколько «россияне», носители специфической эклектичной восточноевропейской культуры, совершенно чуждой рядовому англичанину, не слишком разбирающемуся в национальном составе Российской империи. Недаром автору «Контемпорэри Ревью» в одной из своей статей пришлось напомнить соотечественникам, что «евреи, будучи русскими, не являются славянами»⁵⁰⁶. Кроме того, еврейские погромы в России, как раз спровоцировавшие приток еврейских иммигрантов в Англию, позволили англичанам считать именно русских одними из главных антисемитов и наиболее закоренелыми угнетателями в Европе. Гладстон довольно резко отреагировал на еврейские погромы в России в 1891 г. По его словам, русским «надо напомнить, что, несмотря на внешний лоск парижской культуры, они принадлежат к варварскому обществу; что их правительство — воплощение бесчеловечности, нетерпимости и неверия»⁵⁰⁷.

Конечно, социальные портреты иммигрантов русского и еврейского происхождения могут считаться лишь схожими, иногда вплоть до смешения, но далеко не всегда тождественными. Безусловно, играли свою роль, притом довольно заметную, религиозные различия. Впрочем, состояние источников не позволяет считать вопрос о вероисповедании надёжным и однозначным маркером, указывающим на национальность российских иммигрантов. Колин Холмс, воспроизводя в своих исследованиях общую точку зрения о том, что большая часть выходцев из России и Польши являлась евреями, всё же призывает «проявить известную осторожность в определении их численности, потому как официальная статистика не ставила перед собой задачу установления религиозной принадлежности»⁵⁰⁸. Кроме того, не подлежит сомнению тот факт, что далеко не все русские евреи исповедовали иудаизм. Различия проявлялись и в семейном положении иммигрантов. Ллойд Гартнер отмечал, что те немногочисленные русские, которые прибывали в Англию вместе с российскими евреями, являлись по большей части мужчинами-одиночками, иногда с женой — в отличие от евреев,

⁵⁰⁶ Adler E. N. The Bird's-eye View of the Transcaspian // Contemporary Review. — 1899. — Vol. 73. — P 689.

⁵⁰⁷ Garrard J. Op. cit. P. 67, 89.

⁵⁰⁸ Holmes C. John Bull's island. P. 26.

чаще всего приезжавших с женой и несколькими детьми⁵⁰⁹. Важно учитывать, что дети русских евреев могли претендовать на обучение в английских школах, что являлось немаловажным фактором социализации и их родителей, в то время как русские, не имея возможности упрочить своё положение на новом месте за счёт детей, оставались вне поля зрения общества.

И всё же следует признать, что определённые тенденции в отношении англичан к мигрантам из России могут и должны быть распространены и на собственно русских — в силу определённой социокультурной близости, схожести культурного контекста и моделей поведения, совпадения мест компактного проживания.

К концу викторианской эпохи в английском обществе было широко распространено представление об эмигрантах из России как о безликой массе забитых и невежественных людей. Бернард Портер отмечает, что англичане крайне редко испытывали к беженцам, прибывающим из других стран, искреннюю любовь или хотя бы приязнь. Большинство иммигрантов из России считались одними из самых бедных, тогда как викторианское общество однозначно расценивало бедность как грех⁵¹⁰. «Прибывшие в большом количестве... русских, истощённых и плохо одетых, по большей части без каких-либо средств к существованию» — это устойчивый образ, созданный также и лондонскими полицейскими на страницах своих отчётов и рапортов⁵¹¹. Английская пресса в большинстве своём поддерживала подобные настроения, по мере разрастания иммигрантских гетто нагнетая обстановку. Призыв не допустить превращения Англии в «мусорный ящик для восточноевропейских поденщиков», звучащий со страниц «Пэлл Мэлл Газет», в разной форме повторялся и другими изданиями⁵¹².

Очень часто иммигранты рассматривались как носители и распространители радикальных учений и социальных пороков, которые могли бы расшатать основы английского общества. Так, «Сент Джеймс Газет» в 1887 г. писала, что в среде иммигрантов распространены «всевозможные формы нравственной и физической деградации» и что немалую часть выходцев из России составляют «нигилисты и анархисты самого худшего типа»⁵¹³.

Неудивительно, что настороженное, а подчас и откровенно агрессивное отношение англичан к трудовым мигрантам из России нередко являлось причиной разного рода неприятностей для последних. Иммигранты часто становились жертвами злоупотреблений и откровенного обмана со стороны англичан. В одном из рапортов на имя сэра Чарльза Уоррена,

⁵⁰⁹ Gartner L. P. The Jewish Immigrant in England. P. 220.

⁵¹⁰ Porter B. The British Government and Political Refugees. P. 23.

⁵¹¹ The National Archives. MEPO 2/260. File 24. P. 8.

⁵¹² Деннис Н. Израэль Липски, преступник или жертва: еврейская иммиграция в викторианской Англии [Электронный ресурс] // Альманах «Еврейская старина». — 2006. — № 23. URL: <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer23/Dennis1.htm> (дата обращения: 20.08.2017).

⁵¹³ Garrard J. Op. cit. P. 26.

главы лондонской полиции, сообщалось, что многие иммигранты, едва только сошедшие с корабля, вводились в заблуждение грузчиками, которые вызывались доставить их по нужному адресу. Чаще всего иммигрант оказывался после этого в одной из «меблированных комнат», где ему настоятельно рекомендовалось остановиться, разумеется, уплатив за проживание. Более того, хозяева комнат нередко пытались убедить иммигрантов, что необходимые им адреса находятся за пределами Лондона, и вызывались приобрести железнодорожный билет (требуя за эту услугу от одного до пяти фунтов). Прodelав короткое путешествие по железной дороге, обманутый и зачастую разорённый иммигрант оказывался обычно на станции Тоттенхем, в северных предместьях Лондона⁵¹⁴.

Конечно, отношение к иммигрантам в большей степени зависело от того, какую модель поведения в новой стране они избирали. Виктор Шпанец, вспоминая жизнь русской колонии в Лондоне, указывал на некоторые особенности менталитета россиян, вызывавшие со стороны англичан неприязнь ко всей общине в целом: «Самые типичные представители добровольных переселенцев — так называемые «искатели счастья». Идеал их во что бы то ни стало добыть побольше денег... Своим штрейкбрехерством [они] мешают другим рабочим улучшать своё положение. Это они, сделавшись хозяевами, поддерживают «систему потенья», делая этим ненавистной в глазах англичан всю русскую эмиграцию, на которую большая часть их часто смотрит с нескрываемым презрением»⁵¹⁵.

Шпанец упоминает «систему потенья» — то есть такое положение вещей, когда подрядчик передавал заказ субподрядчику, в свою очередь распределявшего работу между несколькими низкоквалифицированными работниками, которым приходилось трудиться по 10–12 часов в сутки, притом за неоправданно низкую плату. «Потение» являлось одной из главных проблем для низкоквалифицированных иммигрантов из России. В 1888 году палата Лордов поручила особой комиссии рассмотреть вопрос о масштабах распространения «потения». В августе были опубликованы первые материалы расследования, в которых описывались «серьёзные пороки» сложившегося положения дел — авторы доклада полагали, что, если ничего не предпринять, «торговля готовым платьем в крупных городах окажется в руках иностранцев»⁵¹⁶. Однако в обществе часто слышались голоса тех, кто полагал, будто бы масштабы распространения «потения» в среде иммигрантов были преувеличены. В одной из статей «Ревью оф ревьюс», опубликованных в марте 1899 г., высказывалась точка зрения, будто бы образ обездоленного иммигранта является всего лишь мифом. Королевская «комиссия по

⁵¹⁴ The National Archives. MEPO 2/260. File 5. P. 5, 6.

⁵¹⁵ Шпанец В. Из воспоминаний дезертира. Часть 2. С. 26–27.

⁵¹⁶ Gray D. D. London's Shadows. P. 87, 125.

потению», по мнению издания, снабжалась ложными свидетельствами о положении дел, что способствовало укреплению этого образа. В качестве необходимых мер предлагалось «тщательно отобрать свидетельства с целью демонстрации общественному мнению пагубных последствий иностранной иммиграции»⁵¹⁷.

К концу викторианской эпохи у многих англичан сложилось также мнение о нечестности иммигрантов из России. Такие представления возникли под воздействием идеологии рестрикционизма (от англ. «restriction» — «ограничение»). Данный термин утвердился в работах англоязычных авторов для обозначения общественного движения, сторонники которого выступали за ограничение въезда и правоспособности иммигрантов, чтобы свести до минимума их влияние на политическую и экономическую жизнь страны. Рестрикционисты часто обвиняли иммигрантов в том, что они сознательно уклоняются от участия в переписи или же предоставляют ложные данные. Арнольд Уайт, видный идеолог рестрикционизма, утверждал, что «результаты переписи среди русских и поляков никуда не годятся», потому как «основываются не на данных, установленных регистраторами, а на непроверенных и подложных сведениях, предоставленных евреями»⁵¹⁸. Рестрикционисты полагали, что иммигранты шли на фальсификации из страха перед решительными мерами, на которое будет вынуждено пойти британское правительство, «оказавшись в затруднительном положении» после обнародования данных переписи. Очевидно, что такая точка зрения подразумевала осознание российскими эмигрантами враждебной настроенности к себе со стороны, по крайней мере, части английского общества. Вера в наличие массовых нарушений и фальсификаций, к которым прибегали иммигранты в ходе переписей, способствовала формированию убеждения о безусловном вреде иммиграции.

Официальные власти между тем были склонны видеть причину неучастия российских эмигрантов в переписи в другом. Ллевеллин Смит, возглавлявший Департамент статистики при Министерстве торговли, полагал, что многие российские эмигранты попросту не были учтены в силу того, что не могли правильно заполнить анкету в силу недостатка образования⁵¹⁹.

Однако общественный резонанс, вызванный антимиграционной риторикой рестрикционистов, вынудил Генеральную регистрационную службу организовать ряд проверок. Были направлены дополнительные запросы в Восточный Лондон. Результаты проведённых проверок явно шли вразрез с утверждениями рестрикционистов. Все участвовавшие в ней регистраторы, за исключением трёх, были убеждены в том, что никто из иммигрантов не имел

⁵¹⁷ The Poor Jewish Alien // Review of Reviews. — 1899. — Vol. 19 (111). — P. 239.

⁵¹⁸ Gainer B. Op. cit. P. 7

⁵¹⁹ Ibid. P. 6

«мошеннических замыслов уклониться от переписи». Впрочем, данные проверки не заставили скептиков изменить свою точку зрения. Сэр Говард Винсент, один из главных идеологов ограничения иммиграции, и в августе 1901 г. продолжал настаивать на том, иммигранты попросту «развлекались, водя за нос и Правительство, и частные проверки»⁵²⁰.

Иммигранты, компактно селившиеся в восточных округах Лондона, часто становились объектом недовольства проживавших там англичан ещё по ряду причин. Так, серия убийств, совершенных во второй половине 1888 года Джеком-Потрошителем, послужила предлогом для подъёма волны антисемитизма в Уайтчэпеле; многие жители восточного Лондона нисколько не сомневались в том, что убийцей являлся иммигрант из Российской империи, на что недвусмысленно указывали, давая показания полиции⁵²¹. В 1899–1900 годах в Ист-Энде поднялась новая волна протеста, на сей раз вызванная ростом цен на жильё. Лондонцы небезосновательно связывали такое повышение с новым притоком иммигрантов. Этот всплеск возмущения обеспечил достаточное количество голосов на выборах кандидатам с антииммиграционными убеждениями. Заняв места в совете округа Степни, они инициировали создание Жилищного комитета. Состоявшееся в Степни в марте 1901 г. массовое собрание квартиросъёмщиков заключило в принятой резолюции, что виновными в чрезмерном росте арендной платы являются иностранные иммигранты, и потребовало регистрации всех собственников жилья.

В то же время представители зажиточных слоёв населения, практически никак не контактировавшие с иммигрантами Ист-Энда, в своём отношении к ним нередко проявляли жалость и сострадание. П.А. Кропоткин, описывая беспокойный 1886 г., отмеченный кризисом в промышленности и ростом безработицы среди лондонских рабочих, упомянул о следующих мерах, предпринятых обеспеченными лондонцами: «Немедленно в Вэст-Энде (западной, богатой части Лондона) собраны были громадные суммы для облегчения нищеты в бедной части — Ист-Энде». «Конечно, — добавляет Кропоткин, — этих денег совершенно не хватало, чтобы облегчить широко распространённую нищету, но их было достаточно, чтобы проявить хорошие намерения»⁵²². Очевидно, что подобные ограниченные меры не могли способствовать коренному улучшению жизни малоимущих иммигрантов, об условиях существования которых состоятельные лондонцы вообще едва ли имели чёткое представление, и являлись скорее данью старинным традициям благотворительности, которые были сильны в Англии, как нигде⁵²³.

⁵²⁰ Ibid. P. 7

⁵²¹ Gray D. D. London's Shadows. P. 235.

⁵²² Кропоткин П.А. Записки революционера. С. 465.

⁵²³ The Cambridge Social History of Britain. Vol. 3. P. 357–359.

Однако этот и другие филантропические акты свидетельствуют о том, что в Вест-Энде в той или иной мере понимали, что социальное расслоение, вызванное значительным притоком иммигрантов из Восточной Европы, уже стало серьёзной проблемой.

Упомянутый выше Арнольд Уайльд, будучи главным идеологом английского рестрикционизма в конце XIX в., стал выразителем взглядов той части английского общества, которая придерживалась правых политических взглядов. По сути, эти взгляды можно охарактеризовать как националистические и даже шовинистические. Один из памфлетов Арнольда Уайта носил вполне красноречивое название «Англия для англичан». Объектом критики Уайта являлись в первую очередь русские евреи, притом в своей полемике против них он довольно часто высказывал антисемитские суждения. Впрочем, при этом назвать его русофобом нельзя. Трудно сказать, различал ли Уайт в огромной массе российских евреев собственно русских, но он 1890-е годы он призывал «изгнать Избранный народ, поддержать дело Святой Руси»⁵²⁴. Совершив поездку в Россию, Уайт одобрительно отозвался о внутренней политике царского правительства в отношении евреев.

Осторожно высказываясь в пользу «английской традиции гостеприимства по отношению к иностранцам, ставших жертвами политических или религиозных притеснений», которую Уайт, как и любой «здравомыслящий политик или мыслитель» не желал бы «поколебать», он в то же время призывал смотреть на вещи здраво. Эмигранты из России, являясь «вчерашними лоточниками», не могут и не должны сопоставляться по своей значимости с высококвалифицированными ремесленниками-гугенотами, нашедшими пристанище в Англии после отмены во Франции Нантского эдикта: в отличие от гугенотов, в своё время позволивших Англии «достичь уровня передовой страны», иммигранты из России, напротив, являются для общества обузой⁵²⁵. Уайт особо подчёркивал, что у себя на родине русские иммигранты часто являлись париями, неприкаянными людьми, не сумевшими найти себя в жизни⁵²⁶.

Тем не менее, настороженное, а порой и враждебное отношение англичан к трудовым мигрантам из России чаще всего проявлялось не открыто, а скорее исподволь. Колин Холмс пришёл к выводу, что серьёзный приток малоимущих эмигрантов из России в последние десятилетия XIX в., хоть и вызвал подъём рестрикционизма, почти никак не сказался на традиционно-благожелательном отношении не только британского правительства, но и простых англичан к иммигрантам, ставшим на родине жертвами притеснений⁵²⁷. С этой точкой зрения

⁵²⁴ Деннис Н. Израэль Липски, преступник или жертва [Электронный ресурс].

⁵²⁵ White A. Alien immigration — A rejoinder // Fortnightly review. New Series. — 1895. — Vol. 57. — March. — P. 501–507.

⁵²⁶ Times. 1895. 6 December. P.11

⁵²⁷ Holmes C. A Tolerant Country? P. 14.

отчасти соглашается Бернард Гейнер, подчёркивая, что, несмотря на участвовавшие попытки переосмыслить проблему с позиций рационализма и прагматизма, «право на убежище» и на рубеже XIX–XX вв. воспринималась англичанами как неотъемлемая часть национальной политической культуры⁵²⁸. Действительно, англичане в своей массе относились к эмигрантам из России скорее нейтрально, чем враждебно. Поэтому рестрикционистское движение в XIX столетии так не сумело мобилизовать достаточное число своих сторонников.

В) Рестрикционизм и связанные с ним общественные организации

Попытки создания в Англии общественных организаций для борьбы с притоком иммигрантов из России предпринимались в конце XIX в. регулярно. Как и в случае с российскими политическими эмигрантами, перелом в сознании англичан случился в 1880-х годах, а именно во второй половине десятилетия. Постепенно импульс передался от социальных низов, существовавших буквально бок о бок с иммигрантами, к элите английского общества, располагавшей ресурсами для создания такого рода организаций.

В 1886 г. было основано Общество по борьбе с иммиграцией малоимущих иностранцев. Финансирование организации осуществлялось совместно Арнольдом Уайтом и графом Данравеном. Оба они пришли к пониманию важности вопроса об иностранной иммиграции — посредством изучения жизни широких социальных слоёв Восточного Лондона. Списков членов данного общества не сохранилось, поэтому о составе участников можно судить исключительно по сообщениям прессы. На собраниях общества, проходивших под председательством А. Уайта, сразу заявившего о себе как о лидере английского антииммиграционного движения, выступали такие деятели, как лорд Брабазон, капитан Дж. Р. Коломб, полковник Говард Винсент и лорд Чарльз Бересфорд — все они являлись депутатами от Консервативной партии. Кроме того, на встречах присутствовали и представители еврейской общины, в лице сэра Сэмюэля Монтегю, Ф. Д. Мокатта и Альфреда Л.Козн. Их участие в собраниях общества было призвано, по мнению Гаррарда, создать видимость объективности и непредвзятости выдвигаемых требований⁵²⁹.

Общество успело провести всего одну или две достаточно «громких» встреч в Ист-Энде. В частности, 19 апреля 1887 г. состоялось собрание «налогоплательщиков из Майл Энд», принявших решение ходатайствовать за высылку нищих иностранцев. На этом собрании состоялась публичная дискуссия под председательством Арнольда Уайта. Однако к сколько-

⁵²⁸ Gainer B. Op. cit. P. 67.

⁵²⁹ Garrard J. Op.cit. P.26.

нибудь значительным последствиям эта активность не привела. После образования в 1888 г. Комитета по вопросам иммиграции, о деятельности которого было упомянуто выше, деятельность общества пошла на спад. Сам Уайт позднее даже не упоминал его в своих воспоминаниях — по мнению Бернарда Гэйнера, организация не внесла сколько-нибудь существенного вклада в формирование общественного мнения⁵³⁰.

В апреле 1891 г. общество, по сути, возродилось под схожим названием — Ассоциация по предотвращению иммиграции малоимущих иностранцев. Целью данной ассоциации объявлялось «формирование и направление общественного мнения — в качестве действий, предвещающих принятие нового законодательства». Президентом ассоциации стал граф Данравен. Его заместителями были избраны герцоги Аберкорн и Монтроуз, а также граф Эдмонт. Вскоре на пост вице-президентов ассоциации также были избраны граф Феррерс, леди Сэндхёрст и леди Дороти Невилл. В состав исполнительного комитета вошли Арнольд Уайт и сэр Джон Коломб, а также сэр Уильям Мэриот, бывший председатель Комитета по вопросам иммиграции. 24 июля эта организация провела свое первое открытое заседание, на котором выступили его члены — что характерно, по большей части это были уже не консерваторы, а депутаты Либеральной партии, успевшей уйти в оппозицию, и видные профсоюзные активисты⁵³¹.

Время показала, что Ассоциация достаточно неповоротлива в вопросах агитации. Практически полное отсутствие в составе её руководства представителей рабочего класса осложняло работу с жителями Восточного Лондона и привлечение новых сторонников.

Ожесточённые споры, развернувшиеся в 1892–1894 годах в парламенте вокруг проблемы иностранной иммиграции, оказали вполне определённое воздействие на общественную жизнь. Так, на позиции рестрикционизма встал Конгресс тред-юнионов, призвавший в 1892 году полностью запретить трудовым иммигрантам въезд в королевство⁵³². В 1894 и 1895 гг. Конгресс принял ещё две резолюции антимиграционной направленности. Однако в середине 1890-х годов уже не нашлось человека, который смог бы подхватить упавшее знамя рестрикционизма. С момента фактического прекращения деятельности Ассоциации и до начала нового столетия практически никто не пытался мобилизовать население Восточного Лондона для борьбы с иммигрантами.

Последней вехой, подводящей итог английскому рестрикционизму конца XIX столетия, стало возникновение Лиги Британских Братьев.

⁵³⁰ Gainer B. Op. cit. P. 62

⁵³¹ Garrard J. A. Op. cit. P. 30–31.

⁵³² Brown R. Racism and immigration in Britain.

Осенью 1900 г. в анонимном письме, опубликованном в газете «Ист Пост», была высказана идея создания организации, которая смогла бы объединить всех разрозненных сторонников рестрикционизма и стать действенным инструментом политики. Таким образом, была подготовлена почва для дальнейших действий. В самом скором времени, уже в декабре, такая организация была создана. Основателем Лиги британских братьев выступил Уильям Стэнли Шоу. Не будучи до этого связан с Ист-Эндом, он, однако, полагал, что «иммиграция нищих иностранцев касается всех классов ... и непосредственно затрагивает интересы человека труда... И именно взывая к рабочим Восточного Лондона, я основываю Лигу британских братьев»⁵³³. Целью Лиги Шоу видел создание «сплочённой группы» из всех тех соотечественников, которые смогли увериться в том, что иностранцы забирают английских хлеб — и уже силами этой группы вести агитацию за введение ограничительных мер против иммиграции. Шоу предлагал «выступить под его знамёнами — за неимением лучших».

В работу молодой организации достаточно быстро включился майор Уильям Эден Эванс-Гордон, в ходе осенних выборов 1900 г. избранный депутатом Палаты общин. Лига всецело отвечала его политическим устремлениям. Будучи убеждённым консерватором и империалистом, он вдохнул новую жизнь в антииммиграционное движение Восточного Лондона. Деятельность Лиги выходит за хронологические рамки данного исследования, однако не вызывает сомнения, что её создание придало мощный импульс дальнейшему развитию рестрикционизма, в конечном итоге ставшего одной из причин принятия нового Закона об иностранцах. Постепенно набиравшие в обществе популярность идеи об ограничении иммиграции, в первую очередь из России, нашли свое воплощение уже после завершения викторианской эпохи.

Приведённые выше факты свидетельствуют о том, что попытки англичан, разделяющих идеи рестрикционизма, создать общественную организацию не увенчались сколько-нибудь значительным успехом. Бернард Гейнер подчёркивает, что на протяжении всей викторианской эпохи в Англии не существовало ни одной общественной организации, деятельность которой была бы направлена против иммиграции⁵³⁴. Надо признать, что описанные организации не отличались многочисленностью, не имели чёткой программы действий и, соответственно, не имели ресурсов для практической деятельности. Однако они внесли определенный вклад в формирование английского рестрикционизма — именно он в конечном итоге составил основу идеологической базы Лиги Британских Братьев.

⁵³³ Gainer B. Op. cit. P. 67–68.

⁵³⁴ Ibid. P. 60.

§ 3. Образ русского эмигранта в английском общественном сознании

Две крайности в отношении к представителям русского народа (в частности, и к иммигрантам из России) нашли своё воплощение в русофобии и русофильстве. На английской почве две эти формы отношения к русскому приобрели ряд специфических черт. В частности, как подчёркивает Энтони Кросс, и русофобия, и русофильство характеризовались, в первую очередь, неприязненным или, напротив, положительным отношением к российскому политическому режиму, к действиям российских властей, российского самодержавия. Исследователь обращает внимание на сравнительно слабое распространение русофильства в Англии и считает, что его во многом искусственная идеология формировалась не без помощи русского посольства⁵³⁵. Представляется, что исследователь несколько переоценил влияние царской дипломатии на состояние умов английской просвещённой публики, однако в целом с его точкой зрения следует согласиться.

В начале 1890-х годов С.М. Степняк-Кравчинский, долгое время отслеживавший общественное мнение, мог с уверенностью заявить Владимиру Бурцеву в одном из писем, что «при нынешнем положении дел в Англии удастся найти сердечную поддержку»⁵³⁶. В самом деле, в последнем десятилетии XIX века представители русской политической эмиграции в Лондоне сумели, по меньшей мере, привлечь к себе интерес, а порой и вызвать искреннюю симпатию у немалого количества социально-активных англичан. Боборыкин вспоминал о вполне определённом интересе, который проявляло по отношению к русским эмигрантам английское общество: «Эмигранты должны по необходимости держаться особо, но и ими английское общество, вплоть до самых фешенебельных и респектабельных кружков, интересуется серьёзнее, чем, например, парижские соответствующие кружки...»⁵³⁷.

Бернард Портер отмечал, что в британском обществе зачастую подвергались порицанию не столько жестокие методы самих политических эмигрантов, допускавших террор, сколько правительства родных стран эмигрантов, своей жестокой, тираничной политикой вызвавшие такое противодействие. Чаще всего объектом такой критики становилась Россия — отчасти из-за остроты англо-русского колониального соперничества, отчасти из-за традиционного либерального неприятия неограниченной монархии, ярчайшим проявлением которого на континенте являлось российское самодержавие⁵³⁸. Соответственно, российские революционеры всех мастей, являвшиеся политическими оппонентами самодержавия, зачастую находили в

⁵³⁵ Cross A. The Russian theme in English literature. P. 46.

⁵³⁶ РГАЛИ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 223. Л. 7.

⁵³⁷ Боборыкин П. Д. Столицы мира: Тридцать лет воспоминаний. С. 316–317.

⁵³⁸ Porter B. The British Government and Political Refugees. P. 25–26.

английском обществе искреннюю поддержку. Наиболее популярной была фигура русского нигилиста, пытавшегося совмещать в своей бескомпромиссной борьбе методы террора и высокие принципы. Как отмечалось в «Контемпорэри Ревью», нигилизм, «как бы уродлив он не был, является лишь порождением чего-то более уродливого», а именно — русского самодержавия⁵³⁹.

Энтони Кросс отмечал необыкновенный всплеск интереса к нигилизму в английском обществе начиная со второй половины 1880-х годов. Ещё в начале этого десятилетия нигилизм вызывал у англичан достаточно неоднозначную реакцию. «О нём [нигилизме] известно немного — не ясно даже, существуют ли нигилистические организации... мы склонны считать нигилизм, равно как и фенианизм, сборищем нескольких глупцов и парочки плутов», — в столь категоричной форме отзывался о нигилизме «Вестминстер ревью»⁵⁴⁰. В 1885 г. сам Степняк писал о том, что волна интереса к нигилизму в Европе словно бы сошла на нет — «Литература о нигилизме, ещё несколько лет назад в изобилии представленная в памфлетах, трактатах и подпольных газетах, сейчас сократилась практически до двух периодических изданий очень малой значимости»⁵⁴¹. Нигилистам приходилось предпринимать усилия для того, чтобы донести свою идеологию до англичан, не вызвав при этом отторжения. В одной из своих статей, опубликованной в «Таймс» в сентябре 1885 г., Сергей Михайлович в максимально мягких и корректных выражениях объяснял, почему нигилисты, при всех своих высоких идеалах, не могут отказаться от насилия. «Борьба с моральным оружием в руках является, конечно, наиболее предпочтительной. Нигилисты неоднократно объявляли, что все их насильственные действия направлены лишь на одну цель — дать русскому народу возможность не использовать никакого другого оружия, кроме как морального. Но читатели «Таймс» знают, что в современной России моральное оружие бессильно». Таким образом, резюмировал Степняк, отказ нигилистов от террора «был бы равносителен полной капитуляции... и отказу от любого действия вообще»⁵⁴². Как следует из другого письма Кравчинского, отправленного в редакцию «Пэлл Мэлл газет», «русские эмигранты ничего не замышляют... Обретённые мною свободу и безопасность я использую с одной лишь целью — склонить общественное мнение цивилизованного мира в сторону российских революционеров»⁵⁴³. Очевидно, что подобными

⁵³⁹ Hopps J. P. Nihilisms and Socialisms of the World // The Contemporary Review. — 1890. — Vol. 58. — August. — P. 273.

⁵⁴⁰ Russia and Russian Reformers // Westminster Review. — 1880. — Vol. 57 (1). — P. 174.

⁵⁴¹ Times. 1885. 21 August. P. 5.

⁵⁴² Times. 1885. 2 September. P. 9.

⁵⁴³ Correspondence // Pall Mall Gazette. 1885. 23 January. P. 14.

воззваниями к английскому обществу через прессу Степняк рассчитывал создать такой образ «нигилистов», который вызывал бы у публики симпатию и сочувствие.

И, в самом деле, отношение английского общества к русским нигилистам начало меняться в лучшую сторону. Эти перемены нашли своё отражение, в частности, в художественной литературе. Характерно, что до 1880-х годов выходившие из-под пера английских беллетристов произведения в массе своей давали деятельности нигилистов почти столь же негативную оценку, как и их противникам — царским жандармам и чиновникам. Пьеса Оскара Уайльда «Вера, или нигилисты» является одним из немногих произведений того времени, в котором автор сочувственно отзывался о нигилистах — впрочем, в Англии пьесу ждал провал. В остальном же русские угнетатели и их жертвы по давней традиции изображались с одинаковой неприязнью⁵⁴⁴.

К началу 1890-х годов отношение общества к русским «нигилистам» претерпело серьёзные изменения. Многие общественные деятели и люди искусства предпринимали попытки понять и даже оправдать идеологию и методы русских революционеров. Уже упомянутый выше Оскар Уайльд, не утративший интереса к «нигилистам», доказывал тождественность их идеологической базы и христианства. По его мнению, «в России боль являет собой путь совершенствования», помогая таким людям, как нигилисты, «осознать свою личность». Для нигилистов христианский идеал — реальность⁵⁴⁵. Идеолога анархизма князя Кропоткина Уайльд описал как человека «с душой того красивого белого Христа, который, кажется, происходит из России»⁵⁴⁶. Примечательна и такая оценка, которую дал русским политическим эмигрантам Бернارد Шоу: «Вряд ли можно согласиться, что все русские обладают обаятельными манерами; но безусловно все русские революционеры, с которыми я сталкивался, были восхитительно приятными знакомыми. Степняк, Кропоткин, Софья Ковалевская и другие, чьи имена я не могу вспомнить, а если бы и вспомнил, то не смог бы правильно произнести, — все встречали вас с той исключительной человечностью, которая является пределом совершенства в общении с людьми»⁵⁴⁷.

На волне увлечения нигилизмом пишутся и публикуются художественные романы с громкими названиями: «Принцесса нигилистов», «Грех Ольги Засулич», «Сердца в изгнании», «В руках царя» и другие. Роман Генри Мэрримана «Сеятели» имел наиболее оглушительный успех — с января 1896 г. и до конца 1908 г. эта книга выдержала тридцать изданий. Проблемы

⁵⁴⁴ Slatter J. Bears in the Lion's Den. P. 34–35.

⁵⁴⁵ Wilde O. The soul of man under socialism // Fortnightly Review. New series. — 1891. Vol. 49 (290). — February. — P. 319.

⁵⁴⁶ Слэттер Д. Искандер со товарищи. С. 82.

⁵⁴⁷ Прийма Ф. Забытая статья Бернарда Шоу о С. М. Степняке-Кравчинском. С. 166.

притеснения штундистов и прочих религиозных меньшинств, поднятая сперва теми же русскими «нигилистами», а затем и Прилукером и Чертковым, нашли своё выражение в книгах Оливера Норриса, Хесбы Стреттон и Джозефа Хаттона⁵⁴⁸.

Как правило, в английской беллетристике русские политические эмигранты выступали в трёх ипостасях. Наиболее популярным был образ жертвы, которая, спасаясь от угнетателей, находит пристанище на английских берегах — в большинстве книг был изображён именно такой тип русского эмигранта. Очень часто прообразом для такого рода героев становился С.М. Степняк-Кравчинский, популярность которого в Англии в первой половине 1890-х годов достигла своего пика. С конца 1890-х годов становится всё более популярным образ проповедника, идеологического миссионера — безусловно, он сложился на фоне создания в Англии многочисленных толстовских колоний. Примером произведений о таком типе эмигранта может послужить роман Аннабэль Грей «От подмостков до креста», написанный при участии Якова Прилукера. Значительно реже русские эмигранты выступали в амплу авантюристов с сомнительными целями и идеалами. Такие герои являли собой полную противоположность нигилистам-революционерам, будучи карьеристами, мошенниками и даже двойными агентами. Интересно, что прообразом для некоторых таких персонажей в ряде случаев стала О.А. Новикова (мадам Вера Ковальски из «Поцелуя Иуды» и мадам Чёрная из «Джулиана Ревэла»); более того, в одном из романов Новикова открыто называется российской шпионкой, наравне с Е.П. Блаватской и Е.Э. Трубецкой, известной владелицей парижского салона⁵⁴⁹. Также довольно легко угадываются прототипы персонажей других романов, будь то посланник некой могущественной державы господин Владимир или же русский аристократ и анархист Петрович. Отношение авторов к этим героям можно определить как однозначно осуждающее, неприязненное⁵⁵⁰.

Но, разумеется, русская политическая эмиграция встречала в Англии не один лишь только сочувственный интерес. «Возможно, наиболее недостойная разновидность русофобии — детский страх, который полностью обнажается в момент признания связи с кем-либо из известных русских»⁵⁵¹, — с иронией отмечал редактор «Пэлл Мэлл газет», указывая на одну из крайних форм неприятия русских.

К самим русским революционным эмигрантам английская публика могла относиться по-разному, однако их пребывание на Британской земле являлось в первую очередь зримым

⁵⁴⁸ Cross A. Op. cit. P. 50, 51, 53–54.

⁵⁴⁹ Третьякова С.Н. Лондонский салон О.А. Новиковой. С. 32.

⁵⁵⁰ Slatter J. Bears in the Lion's Den. P. 39–54.

⁵⁵¹ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.

напоминанием о праве убежища, издревле предоставляемом политическим изгнанникам со всей Европы — что не могло не вызывать у британских подданных чувства гордости.

Длительное и регулярное присутствие в Англии тех русских людей, которые не только не претерпевали на родине гонений, но и не скрывали своих верноподданнических чувств, вызывало подозрения и настороженность, обычно выплескивавшиеся в виде обвинений в шпионаже. Особенно часто мишенью таких обвинений становилась О.А. Новикова. «Положение русского, приезжающего в Англию, далеко не всегда приятно. Англичане намерены видеть в каждом русском скрытого врага, интригующего против английских интересов. Что же удивительного в том, что русские теперь не особенно стремятся в эту страну?»⁵⁵² — так она описывала собственное положение в Лондоне. Е.П. Блаватская, будучи её подругой, также испытывала на себе неприязненное отношение британцев, которые даже использование русского языка могли трактовать превратно: «Ангел, лучше будем переписываться по-английски. Такие опасные англичанам русские как мы с вами... должны быть осторожными. Господи! Я — шпионка!! Хоть бы уже в покое оставили, только этого и прошу»⁵⁵³, — жаловалась она Ольге Новиковой в одном из писем. Примечательно, что к тому времени Елена Петровна уже отказалась от российского подданства и являлась американской гражданкой. Неудивительно, что сама О.А. Новикова, известная своими связями в российской политической верхушке, вызывала гораздо больше подозрений; многие английские издания открыто называли её «российской шпионкой» и «агентом царя» — общественное мнение представляло её как фигуру достаточно одиозную. «Говорят, что она появляется здесь всякий раз, когда в воздухе чувствуется приближение новых проблем с Россией»⁵⁵⁴, — сообщало о Новиковой одно из лондонских изданий. Даже знакомство с ней могло бы явиться достаточным основанием для того, чтобы скомпрометировать политика. По наблюдению «Пэлл Мэлл газет», «ни один другой человек во всей Европе не вызывает больше унижительного ужаса, нежели эта хорошо известная особа. Закоренелые радикалы прибегают к весьма забавным уловкам, силясь убедить своих друзей в том, что никогда не подпадали под чарующее влияние её голоса... Многие из тех, кто сейчас с горячностью отрицает своё знакомство с мадам Новиковой, наверняка обрадуются возможности быть представленными ей»⁵⁵⁵.

По мнению С.Н. Третьяковой, именно Гладстону Ольга Алексеевна была обязана популярностью своего салона. В 1870–80-х годах этот английский политик стал магнитом,

⁵⁵² Новикова О. А. Об Англии. С. 304.

⁵⁵³ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 101. Л. 6.

⁵⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.

⁵⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.

который манил публику в салон Новиковой — многие посетители приходили в надежде увидеть премьер-министра или даже быть замеченными в беседе с ним. Что характерно, ни самому Гладстону, ни Уильяму Стэду, другому признанному «завсегдатаю» салона Новиковой, не нравился ажиотаж вокруг салона⁵⁵⁶.

В то же время те русские путешественники, которые в меньшей степени были связаны с официальной Россией, имели значительно больше шансов заслужить благосклонный интерес англичан. К примеру, И.С. Тургенев в своих письмах также неоднократно жаловался на подъём волны русофобии («Антирусское чувство всё ещё очень сильно в Англии»⁵⁵⁷ и др.⁵⁵⁸). Описывая свой приём в Оксфорде по случаю присуждения ему докторского звания, он вспоминал, как всерьёз опасался, что будет освистан студентами. Однако русский писатель был встречен необычайно тепло. Он с облегчением писал: «Не могу довольно нахвалиться ласковым приёмом гг. англичан». Ссылаясь на последовавшую за ним заметку в «Таймс», Тургенев сообщал, что ему хлопали больше, чем другим⁵⁵⁹.

Английская пресса, достаточно пунктуально снабжавшая своих читателей новостями из самых разных областей жизни, не могла, конечно, пройти мимо наиболее заметных и ярких русских людей, оказавшихся на берегах Альбиона. Пресса играла исключительную роль в процессе формирования общественного мнения и самосознания в викторианскую эпоху⁵⁶⁰. Значимость средств массовой информации отмечали многие российские современники. «Нигде журналистика не играет в жизни народа такой важной роли. Печать в Англии в прямом смысле сделалась органом общественного мнения», — отмечала по этому поводу Е.Н. Водовозова⁵⁶¹.

Газетные статьи позволяют представить, как складывались и видоизменялись в английском общественном сознании представления о русских эмигрантах. Интересно проследить эти процессы на примере трёх россиян, имевших разные общественно-политические убеждения и обладавших различным статусом в Англии.

Первая из них, Ольга Алексеевна Новикова, как уже упоминалось, с лёгкой руки Бенджамина Дизраэли получила в английском обществе негласный статус «члена парламента от России»⁵⁶². Начало её активной деятельности в Англии совпало с новой волной русофобии, поднятой очередным Балканским кризисом 1875–1878 годов. Неудивительно, что в первых

⁵⁵⁶ Третьякова С.Н. Лондонский салон О.А. Новиковой. С. 32.

⁵⁵⁷ Тургенев И. С. Письма. 12 т., 2 кн. С. 91.

⁵⁵⁸ Тургенев И. С. Письма. 12 т., 1 кн. С. 370.; Тургенев И. С. Письма. 12 т., 2 кн. С. 93.

⁵⁵⁹ Тургенев И. С. Письма. 12 т., 2 кн. С. 91.

⁵⁶⁰ Altick R. D. The English Common Reader. P. 5; Beegan G. The Mass Image: A Social History of Photomechanical. P. 6–7;

⁵⁶¹ Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов: в 3 т. — СПб.: В.С. Балашев и Ко, 1899. — 2 т. Жители севера. С. 80.

⁵⁶² Stead W. T. The M.P. for Russia. P. v.

статьях, посвящённых ей, Новикова представлялась читателю в качестве царского агента, проводником интересов, враждебных Англии.

«Пэлл Мэлл газет» с долей скепсиса писала в 1878 г.: Новикова «утверждает, что ею движет чистый патриотизм, человечность, желание видеть взаимопонимание двух великих стран. Это кажется справедливым: ведь, получая за проделываемую работу деньги, Новикова была бы поднята на смех собственными же сторонниками»⁵⁶³. Гораздо прямолинейнее и категоричнее высказался в 1880 г. журналист газеты «Ворлд», назвавший Новикову «платным агентом русского правительства, занятие которого состоит в возбуждении интереса к этой стране, одурачивании влиятельных политических стариков и выведывании от них полезных сведений»⁵⁶⁴.

Как вспоминал Уильям Стэд, политический салон Новиковой «представлялся чем-то вроде пещеры ведьмы, в которой сплетались чары Цирцеи, превращавшие британских патриотов в проклятых прислужников российского деспотизма»⁵⁶⁵. Так описало реакцию английской прессы российская газета «Пятница»: «Русофобские газеты в Англии несколько лет тому назад пытались в прозе и даже в стихах инсинуировать, что m-me N. шпион русского правительства, — «Russian spy»; такая поэма была напечатана в World; чуждые политической окраске ходкие издания, жирно питающиеся общественными и семейными скандалами, вроде Truth, Refence и прочих, инсинуировали по поводу того обстоятельства, что m-me N. живёт в Лондоне почти постоянно и всегда без мужа»⁵⁶⁶.

Мэри Меллон подчёркивает, что очень часто английские журналисты, ставившие перед собой цель дать оценку публицистическим произведениям Новиковой, в итоге делали упор на её личностных качествах, рассматривая Ольгу Алексеевну в первую очередь как женщину и иностранку. В конце 1870-х годов Новикова оставалась слишком экзотической фигурой по меркам общественно-политической жизни Англии, и должно было пройти некоторое время для того, чтобы английские издания закончили спекуляции на тему статуса Новиковой и преследуемых ею целей⁵⁶⁷.

В то же время более умеренные журналисты отмечали, что появление в Лондоне Новиковой может помочь английской публике взглянуть на многие проблемы глазами противоположной — в данном случае русской — стороны. Так, «Дэйли ньюс» писала: «Английское общество до настоящего времени находилось почти в полном неведении

⁵⁶³ The Russians of Today // Pall Mall Gazette. 1878. 17 January. P. 32.

⁵⁶⁴ Цит. по: Митрофанов С. Кто вы, Ольга Новикова? [Электронный ресурс].

⁵⁶⁵ Stead W.T. Madame Olga Novikoff // Review of Reviews. — 1891. — Vol. 3. — P. 125.

⁵⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

⁵⁶⁷ Mellon M. Friend or Femme Fatale? P. 43.

относительно того, что думают русские по тем или иным насущным вопросам, и мы не сомневаемся, что оно будет счастливо, получив возможность знать чужую точку зрения»⁵⁶⁸.

В 1880-х и 1890-х отношении английской прессы к Новиковой сменилось на более благожелательное и объективное. В газетах регулярно печатались сообщения о каждом её очередном приезде в Лондон. Журналисты продолжили эксплуатировать яркий, необычный образ «женщины-дипломата», не вкладывая, впрочем, в него прежних негативных и даже уничижительных смыслов⁵⁶⁹. Даже Уильям Стэд, будучи близким другом Ольги Новиковой, не смог избежать подобного подхода. По его мнению, «мадам Новикова всецело остаётся женщиной, она единственная смогла произвести такое глубокое впечатление, чего не удавалось доселе ни одной из женщин-дипломатов... Она может быть легкомысленной, и даже неблагоразумной, но она всегда остаётся добродушной. Её ноготки могут поцарапать, но всегда остаются в шёлковой подушечке»⁵⁷⁰. «Лидс Меркюри» в феврале 1882 г. охарактеризовала Ольгу Алексеевну как «весьма интересную и примечательную представительницу своего пола, притом типичную представительницу традиций российской дипломатии»⁵⁷¹.

В 1880-х годах образ Новиковой оставался ещё во многом мифологизированным, окутанным тайной и вызывающим по этой причине большое количество кривотолков. Как и в 1870-х годах, журналисты очень часто соревновались друг с другом в подборе новых эпитетов для Новиковой, создавая в своих статьях, по меткому выражению журналиста «Йорк Гард газет», образ «ни то Юноны, ни то ясноокой Минервы, ни то даже самой Афродиты»⁵⁷². Уже упомянутая газета «Пятница» отмечала в 1885 г., что «руссофобские журналисты нынче ограничиваются только тем, что называют её нимфой, эгерией гладстонофильских журналистов»⁵⁷³. Конечно, подобные сравнения не способствовали объективному восприятию личности Ольги Алексеевны. Ироничная редакторская статья, опубликованная в «Пэлл Мэлл газет» 1 июня 1885 г., утверждала, что «лишь её истинные друзья, по-видимому, хорошо её знающие, понимают, насколько настоящая мадам Новикова не похожа на мадам Новикову народной молвы»⁵⁷⁴.

В целом же в английской прессе 1880-х годов наблюдалось преобладание достаточно благосклонных оценок в адрес Новиковой. Журналисты чаще всего отмечали её дипломатические особенности, а также прекрасное владение английским языком. Вот один из

⁵⁶⁸ Current Literature // Daily News. 1877. 26 December. P. 30.

⁵⁶⁹ Mellon M. Op. cit. P. 56.

⁵⁷⁰ Stead W.T. Madame Olga Novikoff. P. 136.

⁵⁷¹ Цит. по: Mellon M. Op. cit. P. 53.

⁵⁷² РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5. Л. 281.

⁵⁷³ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

⁵⁷⁴ Reflection on the late crisis // Pall Mall gazette. 1885. 1 June. P. 2.

примеров упоминания о Новиковой в прессе: «Царь не имеет более способного и умелого дипломата у себя на службе, чем мадам Новикова... Она — великолепный собеседник, её речь довольно-таки быстра и в то же время импульсивна... Мадам Новикова говорит по-английски, как настоящая английская леди — или, скорее, так, как не всякая английская леди сможет»⁵⁷⁵. По мнению «Бирмингем Дэйли Пост», высказанном в статье 1889 г., Ольга Новикова «говорит на английском языке с прекрасной идиоматической правильностью, с лёгким акцентом, настолько своеобразным, что это делает его восхитительной изюминкой. Она — один из лучших дипломатов в Европе»⁵⁷⁶. «Йорк Гард газет» писала: «Мадам Новикова обладает выдающимися интеллектуальными способностями и, стоит это признать, личным обаянием. Эта талантливая дама говорит и пишет по-английски столь же легко, сколь и элегантно и страстно»⁵⁷⁷.

На рубеже веков, когда борцы за женское равноправие всё громче стали заявлять о себе, а отношения между Англией и России стали постепенно стабилизироваться, многогранный образ Ольги Новиковой, по мнению М. Меллон являвший собой «сложное сочетание её национальности, пола, сексуальности, политических взглядов и рода деятельности», обрёл в глазах читающей публики целостность, перестав казаться чем-то из ряда вон выходящим⁵⁷⁸. Её присутствие в стране стало привычным, а высказываемые её мысли — имеющими право на жизнь. Можно заключить, что к концу века Ольга Новикова окончательно обрела статус одного из важнейших участников общественно-политической жизни Англии.

Другим видным представителем России в Англии являлся Я.М. Прилукер. В конце XIX в. английская пресса довольно много писала о его разноплановой деятельности. Будучи весьма плодовитым автором, а также издателем журнала «Англо-русский», о чём уже упоминалось в предыдущей главе, этот российский эмигрант в последние годы XIX в. часто становился объектом внимания английских журналистов. Состоя в оппозиции самодержавию и являясь убеждённым сторонником либеральных ценностей и эмансипации, Прилукер являл собою почти полную противоположность Ольге Новиковой.

«Дэйли хроникл» с одобрением отмечала, что Прилукер «демонстрирует похвальное желание содействовать установлению братских отношений между народами, и особенно развитию дружбы между Россией и нашей страной»⁵⁷⁹. Издательская и литературная деятельность Прилукера весьма широко освещалась не только английской

⁵⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5. Л. 37.

⁵⁷⁶ Цит. по: Mellon M. Op. cit. P. 56.

⁵⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5. Л. 281.

⁵⁷⁸ Mellon M. Op. cit. P. 60.

⁵⁷⁹ Цит. по: Prelooker J. Russia, What She Was And What She Is. P. 140.

прессой, но и многими другими изданиями Великобритании. Как правило, журналисты высказывали общее мнение о несомненной пользе этой деятельности, которая не только способствовала укреплению англо-русских отношений, но и, что представлялось даже более важным, помогала англичанам отбросить предрассудки в отношении России и сформировать более объективное представление об этой стране и её народах. Негативные отзывы касались, преимущественно, стилистических недоработок Прилукера, несовершенства его языка и т.п. И хотя пик популярности Прилукера приходится уже на начало XX в., можно с уверенностью утверждать, что он до истечения викторианской эпохи успел внести свою лепту в утверждение позитивного образа российского эмигранта.

Наконец, третьим видным русским, имя которого не сходило со страниц английских изданий, был С.М. Степняк-Кравчинский — достаточно отметить, что в одной только «Таймс» с 1884 г. по 1895 г. было опубликовано семьдесят пять статей и заметок с упоминанием его имени, то есть в среднем по две в месяц. Его политические взгляды, хоть и подверглись в Англии заметной либерализации, всё равно оставались крайне радикальными. Степняк находился в левой части политико-идеологического спектра «русской» Англии, уступая только «князю анархистов» Кропоткину, тогда как Ольга Новикова и Яков Прилукер занимали позиции справа и в центре соответственно.

Образ Степняка-Кравчинского (как и образ российских революционно-политических эмигрантов в целом), создаваемый усилиями английских журналистов, был неразрывно связан с тем, как воспринимало их идеологию английское общество. Как было показано выше, ещё в 1880-х годах англичане с большой настороженностью относились к «нигилистам». В середине 1880-х годов английские газеты были полны категоричных суждений о соратниках Степняка-Кравчинского. Нигилисты, по мнению «Атенеума», «полны решимости навязать неподготовленной и едва ли склонной к этому стране фантастическую свободу анархии» и, как утверждала «Монинг Пост», «добиваются не реформ и облегчения тягот народа, а только разрушения политического и социального порядка» и даже больше — «полного разрушения государства», по версии «Сейнт Джеймс газет»⁵⁸⁰.

Подобный взгляд сохранялся на протяжении достаточно долгого времени. «В общественном сознании нигилист — свирепый бунтарь, жаждущий крови, ненавидящий запреты и презирающий закон», — такова была оценка «нигилистов», данная в 1890 г. журналом «Контемпорэри Ревью»⁵⁸¹. Именно 1890-е годы стали временем постепенной «реабилитации» «нигилизма», на который, как уже было отмечено, началась настоящая мода.

⁵⁸⁰ Цит. по: Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 332.
⁵⁸¹ Nihilisms and Socialisms of the World. P. 273.

Точно так же, соответственно, менялось и отношение к колонии русских революционных эмигрантов — и в первую очередь к Степняку, её негласному лидеру.

Как бы часто не мелькало имя Степняка в заголовках статей и заметок, настоящий шквал оценок его деятельности и личности вызвала трагедия, оборвавшая жизнь российского эмигранта в декабре 1895 г. Гибель С.М. Степняка-Кравчинского нашла отклик в сердцах очень многих англичан. Во всяком случае, его трагическая смерть вызвала немалый резонанс — о ней широко писалось в газетах, которые, помимо сухих сообщений о случившемся несчастье, опубликовали на своих страницах немалое количество некрологов. Разумеется, в силу специфики жанра, содержание данных статей следует воспринимать с осторожностью. И, тем не менее, во многих из них содержится здоровое зерно — общая совокупность этих статей даёт возможность уяснить, какое место занимал Степняк при жизни в лондонском обществе. И, конечно же, обилие некрологов свидетельствует о том, что он являлся наиболее заметной фигурой в ряду прочих русских эмигрантов, привлекавшей к себе интерес читающей публики.

На следующий день после трагедии, 24 декабря 1895 г., такие крупные лондонские издания, как «Таймс», «Стар», «Дэйли Ньюс», «Стандарт», «Дэйли Телеграф», «Ивнинг Ньюс», «Ивнинг Пост», «Сан» перепечатали небольшую заметку, в которой сообщалось о гибели «известного русского изгнанника и литератора», «историка» С.М. Степняка-Кравчинского⁵⁸². Эти сообщения, конечно же, не дают почти никакого понимания роли Степняка, но являются ещё одним свидетельством широкой популярности, которой ему удалось достичь.

В последующие дни английские журналисты предприняли попытки дать более развёрнутые оценки жизни и деятельности Степняка в Англии. Мнения публицистов разделились. Так, на страницах многих некрологов Сергей Михайлович предстал довольно-таки архетипичным пламенным революционером, положившим свою жизнь на алтарь борьбы с царской тиранией. «Один из наиболее известных и решительных лидеров нигилистов, он являл собой пример человека, прожившего жизнь, полную приключений, бесчисленное множество раз смотревшего в глаза опасности», — такой яркий образ борца был представлен «Ивнинг Стандарт». По мнению журналиста из «Стар», Степняк «был человеком необычайного хладнокровия и мужества», а также «хорошо знал английский и обладал ораторским даром». Не поскупилась на похвалу и «Дэйли Кроникл»: «Степняк соединил в себе замечательный талант к теоретическим рассуждениям с подлинной мудростью, весьма редкой для политических вождей современной Европы»⁵⁸³.

⁵⁸² РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 584. Л. 1, 3–7, 12, 14.

⁵⁸³ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 584. Л. 19, 35, 70.

Упор делался также и на выдающиеся личные качества Сергея Михайловича. «Я нашел его человеком скромным, прямолинейным и чуждым всякой демонстративности, прожившим свою жизнь в крайней нищете, — писал журналист «Монинг Пост». — Он был верен своим убеждениям во всех делах, делясь с другими тем немногим, что имел сам»⁵⁸⁴. «Сильный человек, личность столь масштабная, одновременно сильной и мягкой души... родину он нашел в сердцах угнетенных и великодушных во всем мире», — такой посмертный портрет Степняка-Кравчинского нарисовала «Манчестер Гардиан». Подчеркивая значимость и масштабность его фигуры, сотрудник газеты признавал, что его гибель — «огромная потеря, не только для его соотечественников»⁵⁸⁵.

Другие издания были более осторожны в оценках, отмечая не только сильные, но и слабые стороны личности Кравчинского, а также высказывая мысли о том, что английский политический климат в достаточной степени способствовал либерализации взглядов русского революционера. «Дэйли Ньюс», отмечая, что Степняк за годы жизни в Лондоне «проникся большим уважением к нашей стране», констатировала: «При всём своём нигилизме Степняк отвергал жестокость его методов и посему, с нашей точки зрения, он являлся конституционалистом»⁵⁸⁶.

По мнению «Пэлл Мэлл Газет», Степняк и вовсе «знал очень немного о внутреннем устройстве нигилизма, однако ошибочно считался англичанами типичным представителем российских революционеров. В действительности же он напоминал заговорщика, злоумышляющего против высших сановников, не больше, чем пудель походит на бенгальского тигра». «Родись Степняк англичанином, — добавлял журналист «Пэлл Мэлл газет», — он стал бы образцовым членом приходского управления или даже членом Лондонского окружного совета»⁵⁸⁷.

Немного другой образ Кравчинского рисует «Норс Бритиш Дэйли Ньюс»: «Степняк в сущности своей был человеком меланхоличным... Он никак не мог примирить свои представления о том, какой должна быть жизнь с её реальными законами. Он был идеалистом». Близка к такой оценке и позиция автора из «Лидс Меркюри»: «Его личность нельзя назвать значительной или «выдающейся» — в том значении, в каком это слово обыкновенно используется. Однако он был ярким человеком, и всякий, кто имел случай с ним общаться, не мог не обратить внимание на его ярко выраженную индивидуальность. Как и многие другие

⁵⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 584. Л. 45.

⁵⁸⁵ Recollection of Stepniak / Manchester Guardian. 1896. 4 January. P. 4.

⁵⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 584. Л. 37.

⁵⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 584. Л. 18.

«опасные» политические эмигранты, он был человеком тихим и простым в общении, ведущим довольно скромную жизнь»⁵⁸⁸.

Многие журналисты сошлись на том, что при всех своих достоинствах и недостатках, Кравчинский «расширил горизонты нашего политического и социального видения, вскрыл наши наиболее насущные и зачастую неприглядные проблемы. Он способствовал развитию чувства международной ответственности и братства»⁵⁸⁹. Консервативная газета «Стандарт» писала, что Степняк «оказал значительное влияние на формирование в Англии мнений о России»⁵⁹⁰.

Выводы:

В последней трети XIX в. российские политические эмигранты пользовались правом свободного въезда в Великобританию. Правящие круги старались не иметь никаких связей с политической эмиграцией, при этом допуская присутствие в стране российской агентуры. И либералы, и консерваторы регулярно заявляли о необходимости изменения миграционного законодательства, однако полемика по данному вопросу носила скорее популистский характер.

По мере увеличения потоков трудовых мигрантов из России английское общество относилось к ним всё более настороженно и неприязненно. Устойчивый образ трудового мигранта русской национальности, ввиду их крайней малочисленности и незаметности в огромной массе евреев, в английском общественном сознании не сложился. Предпринимались попытки создать организацию рестрикционистского толка, призванную бороться с иностранной иммиграцией, в первую очередь из России. Они существовали недолго и не достигали сколько-нибудь ощутимых успехов, однако оказывали определённое влияние на общественное мнение.

⁵⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 584. Л. 27, 33.

⁵⁸⁹ Recollection of Stepniak / Manchester Guardian. 1896. 4 January. P. 4.

⁵⁹⁰ Цит. по: Иванова Н. В. Из истории русско-английских культурных связей. С. 155–156.

Заключение

Последняя треть XIX в. стала временем формирования новых потоков российской эмиграции — политической, религиозной, трудовой. Как правило, конечной целью эмигрантов становились Соединённые Штаты. Нередко в качестве «трамплина» для переезда в Новый свет использовались Британские острова. Кроме того, в ряде случаев Англия рассматривалась русскими эмигрантами в качестве места длительного пребывания. Тем не менее, на протяжении всей последней трети XIX в. русская колония в этой стране оставалась малочисленной — в сравнении не только с Соединёнными Штатами, но и другими европейскими странами (Франция, Швейцария, Германия).

В общем потоке русской эмиграции в Англию следует выделить четыре категории: политические, трудовые и религиозные эмигранты, а также путешественники. Политические эмигранты представляют наибольший интерес с точки зрения выявления специфических черт социокультурной адаптации русских в Англии.

Главным выводом, который можно сделать по итогам исследования, является утверждение, что русская эмиграция в поздневикторианской Англии обладала высокими адаптивными способностями. Об этом свидетельствует история эмигрантской колонии в этой стране.

Развитие русской колонии в Англии последней трети XIX в. отличала неравномерность. Прекращение издания в Лондоне «Колокола» А. И. Герцена и его отъезд из страны послужили причиной спада интереса русских эмигрантов к Англии — по этой причине 1870-е годы стали временем относительного «затишья». С 1880-х годов начала наблюдаться противоположная тенденция. Приток русских в Англию заставил наиболее деятельных эмигрантов колонии объединить свои усилия, направленные на устойчивое, поступательное развитие русской колонии, расширение её возможностей и успешную социокультурную адаптацию её членов. Эти попытки в целом увенчались успехом, что обусловило расцвет русской эмиграции в последнем десятилетии XIX в. В то же время, начиная с середины 1880-х годов, усиливался приток российских трудовых эмигрантов, преимущественно еврейской национальности. Именно национальная политика царизма по отношению к евреям, а не практика преследования оппозиционеров-революционеров, являлась одной из главных причин постоянной критики российского самодержавия британскими властями. Объективной причиной, обусловившей увеличение миграционных потоков, стала мягкость английского миграционного

законодательства, а также либерализация российских законов, регламентирующих выезд за рубеж.

Русская колония представляла собой достаточно неоднородный конгломерат эмигрантов, имевших неравный достаток и обладавших различными возможностями. Представители политической эмиграции являли собой пример наиболее деятельных представителей колонии, однако они находились в численном меньшинстве по сравнению с многочисленными трудовыми мигрантами, доля которых неуклонно возрастала.

Расслоение русской колонии определяло, в частности, достаточно широкий спектр жилищно-бытовых условий российской эмиграции. Так, политические эмигранты предпочитали селиться в западных и северо-западных частях Лондона, чаще всего в малоэтажных предместьях. Сопоставление лондонских адресов политической эмиграции и «карты бедности» Чарльза Бута однозначно указывает на то, что эти эмигранты лишь в крайних случаях снимали жильё в кварталах, где проживала городская беднота, отдавая предпочтение квартирам в домах, жильцы которых относились к среднему классу. Рабочие эмигранты, напротив, чаще всего селились в бедных районах Ист-Энда, в местах компактного проживания еврейской диаспоры. Финансовое положение трудовых мигрантов обычно было достаточно трудным, поэтому они вынужденно снимали квартиры в небогатых домах. По мере улучшения своего финансового положения они стремились покинуть Ист-Энд, подыскивая жилище в северной и западной частях города. Религиозные эмигранты, в первую очередь толстовцы, предпочитали селиться в сельской местности, где устраивали коммуны, следуя исповедуемому вероучению. Путешественники могли себе позволить руководствоваться вопросами удобства — чаще всего они обладали достаточными средствами для того, чтобы снимать апартаменты или гостиничные номера в фешенебельных кварталах центрального Лондона. Безусловно, именно финансовый фактор, напрямую влиявший на материальное положение, являлся источником наибольшего числа трудностей в процессе социокультурной адаптации.

В ходе исследования был выявлен ряд специфических факторов, затруднявших социокультурную адаптацию русских эмигрантов. Языковой барьер являлся общей проблемой для многих эмигрантов — далеко не все из них могли похвастаться достаточным уровнем владения английским языком даже после долгих лет проживания в этой стране. Это неизбежно влекло за собой замыкание эмигранта в границах колонии, сужение круга его знакомств и ограниченность коммуникативных возможностей. Непривычный климат и неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка становились причиной постоянных болезней членов

русской колонии — в редких случаях это влекло за собой даже преждевременную смерть. Болезням сопутствовали и проблемы недостаточного питания. Рост финансового благосостояния эмигрантов снимал эту проблему лишь отчасти — далеко не все из них могли привыкнуть к специфической британской кухне.

Интеграция русской эмиграции в экономическую жизнь Англии являлась не просто ещё одним весомым фактором адаптации, но и жизненной необходимостью. Русские политические эмигранты, за редким исключением, зарабатывали себе на жизнь интеллектуальным трудом, осуществляя публикации статей в газетах и журналах, занимаясь издательской деятельностью, выступая с лекциями и т. п. Работа, связанная с прежней деятельностью эмигрантов, позволяющая применять знания и навыки, полученные в России, становилась не только источником основного дохода, но и давала уверенность в завтрашнем дне, создавала ощущение жизненного равновесия и относительной стабильности. Наиболее успешные и популярные эмигранты могли рассчитывать на достойный заработок, доходы же прочих были достаточно невелики. Судя по данным переписей, положение русских трудовых эмигрантов отличалось от положения российских евреев в лучшую сторону: многие русские работали в сфере обслуживания или же имели технические профессии, тогда как евреи в массе своей являлись низкоквалифицированными рабочими или ремесленниками — ткачами и сапожниками. Постепенная адаптация вела к увеличению заработков представителей русской колонии, что на фоне протекавших в конце XIX в. процессов дефляции способствовало улучшению финансового положения русских в Англии. Рост благополучия в колонии стал одной из причин возрастания привлекательности Англии в глазах эмигрантов из России.

По мере удовлетворения первичных потребностей у эмигрантов закономерно возникали потребности более высокого порядка, в том числе и культурно-социальные. Русские принимали участие в вечерах, концертах и иных мероприятиях, устраиваемых в колонии. Эмигранты нередко допускались до участия в деятельности английских общественных организаций. Впрочем, русские не оказывали определяющего влияния на деятельность таких организаций, лишь в той или иной степени корректируя повестку дня. Ещё одним следствием успешной адаптации в стране являлось появление в эмигрантских семьях детей, взросление которых в английском обществе, однако, влекло за собой дополнительные трудности, связанные с социализацией и т. д. При этом показательно, что члены русской колонии не спешили натурализоваться в Англии и получить британское подданство: либо в силу недостаточной адаптации, либо из-за нежелания отказываться от российского подданства, окончательного порывая тем самым со своей родиной.

В русской колонии последней трети XIX в. только начался процесс складывания постоянных диаспоральных институтов. Своего рода двигателем этого процесса выступала политическая эмиграция, обладавшая более широкими финансовыми возможностями и организационным потенциалом, чем эмигранты других категорий. В 1870–1880-х годах существовали лишь относительно малочисленные общества, которые, по большому счёту, не ставили перед собой задач по координированию внутренней жизни колонии. С начала 1890-х годов в Англии начинают появляться организации, чья деятельность прямо или опосредованно способствовала адаптации и трудоустройству эмигрантов, занятию ими своей ниши в британской общественной структуре. К концу века настоящим «центром притяжения» для русских эмигрантов (как политических, так и трудовых) сделалась Бесплатная русская библиотека в Ист-Энде, ставшая впоследствии отправной точкой для многих объединений. Несмотря на это, общего для всей русской эмиграции культурно-бытового центра в Лондоне в начале XX в. так и не сложилось. С одной стороны, это свидетельствует о том, что русскую колонию, даже не располагавшей развитыми институтами, отличала высокая жизнеспособность. С другой стороны, это подтверждает тезис об отсутствии русской диаспоры как таковой в Англии конца XIX в.

Русские политические эмигранты активно пользовались возможностью свободно выражать своё мнение и осуществлять общественно-политическую деятельность – одной из излюбленных форм такой активности стала издательская деятельность эмиграции. Периодические издания, издававшиеся русскими эмигрантами, делились на две неравные группы. К первой из них принадлежали издания, печатавшиеся на русском языке и посвящённые внутренним проблемам России. Они не имели распространения в Англии и лишь опосредованно способствовали социокультурной адаптации издававших их эмигрантов. Тем не менее, их издание оказывало немалое влияние на русскую колонию. Издания второй группы издавались на английском языке и были адресованы в первую очередь английским читателям. Эти журналы отличала пестрота тематики, отражавшая убеждения и мировоззрение редактора. Однако всех их объединяла политическая сдержанность и умеренность (в сравнении с изданиями первой группы), а также стремление максимально приблизить содержание к вкусам и потребностям английской публики. Издание такого рода журналов не только способствовало положительному сближению двух культур; оно сыграло крайне важную роль в процессе интеграции эмигрантов-издателей в английское общество и может быть признано одним из мощных адаптирующих факторов.

Социокультурная адаптация россиян в Англии последней трети XIX в. не может рассматриваться в отрыве от общества страны-реципиента. Отношение к эмигрантам властей и их восприятие общественным мнением — два важнейших фактора, во многом предопределившими адаптационные модели русской колонии.

Русские эмигранты получали в Англии минимум прав, предоставляемый всем иностранцам — в абсолютном большинстве случаев этого было вполне достаточно для дальнейшей жизни. Процесс адаптации эмигрантов в Англии заметно облегчался и за счёт лояльного отношения к ним властей. Английское правительство предоставляло российским политическим эмигрантам убежище и давало определённые гарантии безопасности, препятствуя их выдаче на родину — такая практика была обусловлена давней политической традицией. При этом власти старались не иметь прямых контактов с политической эмиграцией и даже были готовы в исключительных случаях пожертвовать правом на убежище отдельных эмигрантов ради внешнеполитических целей (наиболее показателен в этом отношении громкий процесс над Владимиром Бурцевым). И либералы, и консерваторы регулярно поднимали вопрос о возможном ограничении въезда в страну, однако на протяжении последних десятилетий XIX в. эта проблема так и не была решена, а развернувшаяся вокруг неё полемика в парламенте носила скорее популистский характер.

Общество поздневикторианской Англии относилось к иммигрантам из России достаточно настороженно и неприязненно — причиной тому были накапливавшиеся социальные проблемы, а также предрассудки, не в последнюю очередь вызванные маргинализацией трудовых мигрантов в Англии. Некоторые общественные деятели в конце века предпринимали попытки создать организацию, призванную бороться с иммиграцией из России. Деятельность такого рода организаций не привела к каким-то ощутимым переменам, однако оказала определённое влияние на общественное мнение. Подобным организациям была свойственна не столько русофобская, сколько антисемитская риторика — в силу того, что подавляющее число иммигрантов из России являлись евреями. По этой причине неприязненное отношение англичан распространялось в первую очередь на трудовых мигрантов еврейской национальности; в то же время в английском общественном сознании не сложилось устойчивого образа собственно русских трудовых мигрантов, ввиду их крайней малочисленности и незаметности в огромной массе евреев. Образ русского политического эмигранта, революционера и «нигилиста», напротив, закрепился в сознании англичан довольно прочно. Общественные деятели проявляли устойчивый интерес к российским политическим изгнанникам.

Деятельность наиболее известных и видных русских эмигрантов достаточно широко освещалась английской прессой. Леворадикальные, социалистические издания наиболее охотно и часто публиковали подобные материалы, в то время как газеты и журналы консервативного и либерального толка занимали более сдержанную, порой даже откровенно враждебную позицию по отношению к эмигрантам. Степень лояльности эмигрантов к официальной России часто определял угол, под которым их деятельность рассматривалась английскими журналистами. Например, имевшие вес у себя на родине путешественники часто становились жертвами подозрений в шпионаже в пользу России. Русские, которые вынужденно покинули свою страну из-за участия в деятельности радикальных и революционных организаций, в свою очередь вызывали подозрения в попытках дестабилизации английского общества. Однако деятельность оппозиционно настроенных по отношению к самодержавию эмигрантов встречала в английской прессе всё же ощутимо большую поддержку. В целом, оценки русских, даваемые английской прессой, имели тенденцию становиться более взвешенными и объективными по прошествии определённого времени.

История русской эмигрантской колонии в Англии последней трети XIX в. представляет заметный интерес и сегодня. Изучение целого спектра проблем, связанных с «вхождением» русских эмигрантов в социокультурную среду поздневикторианской Англии закладывает условия для критического восприятия послереволюционной русской эмиграции. Представляется, что сделанные по итогам диссертационного исследования выводы позволят более детально, «в лицах» представить себе комплекс сложных, многоплановых и многогранных англо-русских отношений времён правления королевы Виктории. Кроме того, через призму «русского взгляда» более рельефно начинает выглядеть само викторианское общество. Последующее изучение русской эмиграции в Англии конца XIX столетия представляется перспективным, притом не только с целью обогащения представлений о прошлом.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1721, 1762, 6753.
2. Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 75, 345, 1158, 1390.
3. National Archives. MEPO 2/260 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.movinghere.org.uk/search/catalogue.asp?sequence=340&resourceTypeID=2&recordID=45053>
4. Боборыкин, П. Д. За полвека: Мои воспоминания / Д. П. Боборыкин // Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. / Д. П. Боборыкин. — М.: Художественная литература, 1965. — 1 т.
5. Боборыкин, П. Д. Столицы мира: Тридцать лет воспоминаний / Д. П. Боборыкин // Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. / Д. П. Боборыкин. — М.: Художественная литература, 1965. — 2 т.
6. Буланже, П. А. Толстой и Чертков [Электронный ресурс] / П. А. Буланже. — М.: Типография И. Д. Сытина, 1911. — Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bulanzhe_p_a/text_0020.shtml
7. Бурцев, В. Л. Борьба за свободную Россию: Из воспоминаний (1882—1924) / В. Л. Бурцев. — Берлин: Гамаюн, 1924. — 1 т. — 381 с.
8. Бурцев, В. Л. В погоне за провокаторами / В. Л. Бурцев. — М.: Современник, 1989. — 271 с.
9. Воден, А. М. Из воспоминаний / А. М. Воден // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Часть 2. — М.: Издательство политической литературы, 1983. — 327 с.
10. Желиховская, В.П. Радда-Бай: правда о Блаватской [Электронный ресурс] / В. П. Желиховская. — Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/raddabai.htm>
11. Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 1. Переписка 1883-1897 гг. / под ред. П. Ю. Савельева. — М.: Памятники исторической мысли, 2009. — 549 с.
12. Из архива группы «Освобождение труда». Выпуск 2. Переписка 1898-1903 гг. / под ред. П. Ю. Савельева. — М.: Памятники исторической мысли, 2009. — 574 с.
13. Кропоткин—Атабекяну, 22 января 1892 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters89.htm>.
14. Кропоткин—Волховскому, 27 июля 1903 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters90.htm>;
15. Кропоткин—Волховскому, 8 июня 1900 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters90.htm>;
16. Лавров. Годы эмиграции: архивные материалы: в 2 т. / под ред. Б. Сапира — Dordrecht-Boston: D. Reidel publishing company, 1974. — 1 т. Лавров и Лопатин. (Переписка. 1870—1883). — 679 с.
17. Лазарев, Е.Е. Моя жизнь. Воспоминания, статьи, письма, материалы / Е. Е. Лазарев. — Прага: Легиография, 1935. — 312 с.
18. Майский, И. М. Воспоминания советского дипломата (1925-1945) / И. М. Майский. — Ташкент: Узбекистан, 1980. — 672 с.
19. Майский, И. М. Путешествие в прошлое. Воспоминания о русской политической эмиграции в Лондоне 1912-1917 гг. / И. М. Майский — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 326 с.
20. Мэф, М. К. Личные мемуары Е. П. Блаватской [Электронный ресурс] / М. К. Мэф. — Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/biogrhp.htm>

21. Переписка // Степняк-Кравчинский С.М. В лондонской эмиграции. — М.: Наука, 1968. — 447 с.
22. Письма Рольстона к русским корреспондентам // Алексеев М.П., Левин Ю.Д. Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора / М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин. — СПб.: Наука, 1994. — 328 с.
23. Прийма Ф. Забытая статья Бернарда Шоу о С. М. Степняке-Кравчинском / Ф. Прийма // Русская литература. — 1967. — № 1. — С. 163–169.
24. Тургенев И. С. Письма: в 13 т. / Иван Сергеевич Тургенев // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. / И. С. Тургенев. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. — 12 т., кн. 1, 2.
25. Шпанец, В. Из воспоминаний дезертира / В. Шпанец // Русское богатство. — 1907. — № 4. — С. 120–142; № 5. — С. 22–45.
26. Adler, E. N. The Bird's-eye View of the Transcaspian / E. N. Adler // Contemporary Review. — 1899. — Vol. 73. — pp. 680-697.
27. An act for establishing regulations respecting aliens arriving in this kingdom, or resident therein, in certain cases // Anno Regni Georgii III. Regis Magnae Britanniae, Franciae, & Hiberniae, Tricesimo Tertio. — L.: Charles Eyre and Andrew Strahan, 1793. — 168 p.
28. Armfelt, E. Russia in East London / E. Armfelt // Living London / ed. by G. R. Sims. — L.: Cassel and Company, Limited, 1902. — Vol. 1. — P. 24–28.
29. Blavatsky, H. P. The Mote and the Beam / H. P. Blavatsky // Lucifer. — 1890. — Vol. 6 (36). — P. 470–478.
30. Cassell's Household Guide to Every Department of Practical Life [Электронный ресурс]. L.: Cassell, Petter, Galpin and Co., 1881. — Режим доступа: <http://www.victorianlondon.org/cassells/cassells.htm>
31. Cassell's Household Guide: being A Complete Encyclopaedia of Domestic and Social Economy, and forming A Guide to Every Department of Practical Life. — L.: Cassell, Petter, and Galpin, 1869. — Vol. 1. — 422 p.
32. Current Literature // Daily News. 1877. 26 December. P. 30.
33. Births, Deaths, Marriages and Obituaries // Daily News. 1886. 3 February. P. 5.
34. British Parliamentary Papers. 1883. Census of England and Wales. 1881. General Report. [Электронный ресурс]. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1883. — Режим доступа: http://www.visionofbritain.org.uk/text/chap_page.jsp?t_id=SRC_P&c_id=9&cpub_id=EW1881GEN&show=DB
35. British Parliamentary Papers. 1904. Census of England and Wales. 1901. General report with appendices. [Электронный ресурс]. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1904. Режим доступа: http://www.visionofbritain.org.uk/text/chap_page.jsp?t_id=SRC_P&c_id=9&cpub_id=EW1901GEN&show=
36. British Parliamentary Papers. 1893. Census of England and Wales. 1891. General Report with summary, tables and appendices. [Электронный ресурс]. — L.: Her Majesty's Stationery Office. — Режим доступа: http://www.visionofbritain.org.uk/text/chap_page.jsp?t_id=SRC_P&c_id=8&cpub_id=EW1891GEN&show=DB
37. Correspondence // Pall Mall Gazette. 1885. 23 January. P. 14.
38. Dickens, C. (Jr.) Dickens's Dictionary of London. [Электронный ресурс] / C. Dickens (Jr.). — L.: H. Baker Press, 1879. — Режим доступа: <http://www.victorianlondon.org/houses/hotels.htm>
39. Drage, G. Alien Immigration / G. Drage // Fortnightly Review. — 1895. — Vol. 57. — P. 37–46.

40. Frank, H. Jaakoff Prelooker / H. Frank // Prelooker J. Russian Flashlights / J. Prelooker. — L.: Chapman and Hall, 1911. — P. 1–53.
41. Fox, S. N. The invasion of Pauper Foreigners / S. N. Fox // Contemporary Review. — 1888. — Vol. 53. — June. — P. 855–867.
42. Henriques, H. S. The law of aliens and naturalization: including the text of the Aliens act, 1905 / H. S. Henriques. — L.: Butterworth & Co., 1906. — 241 p.
43. Hopps, J. P. Nihilisms and Socialisms of the World / J. P. Hopps // The Contemporary Review. — 1890. — Vol. 58. — August. — P. 271–282.
44. Layard, G. S. Family budget. A lower-middle-class budget / G. S. Layard // Cornhill Magazine. — 1901. — Vol. 10. — January-June. — P. 656–666.
45. Layard G. S. How to live on 700 £ a year / G. S. Layard // The Nineteenth Century. — 1888. — Vol. 23. — February. — P. 239–244.
46. Naturalization Act, 1870 // Lorimer J. The institutes of the law of nations a treatise of the jural relations of separate political communities: in 2 vol. / J. Lorimer. — L.: William Blackwood and Sons, 1883. — Vol. 2. — P. 510–525.
47. News in Brief: Russia // Times. 1885. 5 September. P. 5.
48. Occasional Notes // Pall Mall Gazette. 1895. 24 December. P. 2
49. Our Budget // Lucifer. — 1891. — Vol. 8 (45). — P. 264.
50. Prelooker, J. Russia, What She Was And What She Is: An Excursion Into a Land of Seething / J. Prelooker. — L.: Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co., 1904. — 157 p.
51. Recollection of Stepniak // Manchester Guardian. 1896. 4 January. P. 4.
52. Reflection on the late crisis // Pall Mall gazette. 1885. 1 June. P. 1–2.
53. Roberts, W. Life on a Guinea a Week / W. Roberts // The Nineteenth Century. — 1888. — Vol. 23. — March. — P. 464–467.
54. Russia and Russian Reformers // Westminster Review. — 1880. — Vol. 57 (1). — P. 160–180.
55. Stead, W. T. Madame Olga Novikoff / W. T. Stead // The Review of Reviews. — 1891. — Vol. 3. — February. — P. 123–136.
56. Stead, W. T. The M.P. for Russia. Reminiscence and Correspondence of Madame Olga Novokoff / W. T. Stead. — L.: Andrew Melrose, 1909. — Vol. 1. — 536 p.
57. Theosophical & Mystic Publications // Lucifer. — 1890. — Vol. 6 (31). — P. 87–89.
58. The Poor Jewish Alien // Review of Reviews. — 1899. — Vol. 19 (111). — P. 239.
59. The Russians of Today // Pall Mall Gazette. 1878. 17 January. P. 32.
60. The Society of Friends of Russian Freedom // Manchester Guardian. 1894. 4 June. P. 8.
61. Times. 1885. 21 August, 2 September; 1895. 6 December.
62. Tolstoy, L. Letter to the Free Age Press [Электронный ресурс] / L. Tolstoy. — Режим доступа: http://en.wikisource.org/wiki/Letter_to_the_Free_Age_Press
63. White, A. Alien immigration — A rejoinder / A. White // Fortnightly review. New Series. — 1895. — Vol. 57. — March. — P. 501–507.
64. Wilde, O. The soul of man under socialism / O. Wilde // Fortnightly Review. New series. — 1891. Vol. 49 (290). — February. — P. 292–319.

Литература:

1. Абрамович, К. Устав о паспортах. Со всеми изменениями, дополнениями и разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярами Министерств / К. Абрамович. — СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1905. — 199 с.
2. Антонов, В.Ф. Русский друг Маркса Герман Александрович Лопатин / В. Ф. Антонов. — М.: Соцэкгиз, 1962. — 93 с.

3. Бирюков А.В. П.А.Кропоткин и западноевропейские естествоиспытатели / А. В. Бирюков // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Выпуск 4. — М.: Институт экономики РАН, 2002. — 184 с.
4. Бодрова, Л.Н. Документы И.С. Тургенева в Российском государственном архиве литературы и искусства / Л. Н. Бодрова // Иван Сергеевич Тургенев и Москва : сборник статей / сост. Т. Е. Коробкина, Г. Н. Муратова. — М.: Русский путь, 2009. — С. 118–126.
5. Бонч-Бруевич, В. Вместо предисловия / В. Бонч-Бруевич // Неизвестный Толстой в архивах России и США: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. — М.: Техна-2, 1994. — 528 с.
6. Бородавкина Н.В. Ольга Новикова глазами современников / Н. В. Бородавкина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. — 2012. — №2, том 12. — С. 58-64.
7. Буланже, Н. Крестный путь духовоборов / Н. Буланже // Парламентская газета. — 2003. — 5 декабря.
8. Градировский, С. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой [Электронный ресурс] / С. Градировский // Диаспоры. — 1999. — № 2–3. — Режим доступа: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/5002.shtml
9. Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 3 т. / А. Д. Градовский. — СПб: Типография М. Стасюлевича, 1875. — 1 т. — 448 с.
10. Гринь, Л. В. Влияние американского иммиграционного законодательства на формирование еврейской диаспоры в США (середина XVII в. — 1914 г.) / Л. В. Гринь // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 365. — С. 65–68.
11. Гросул, В. Я. Лондонская колония революционных эмигрантов и Кропоткин (70–80-е г. XIX в.) / В. Я. Гросул // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Выпуск 4. — М.: Институт экономики РАН, 2002. — 184 с.
12. Гросул, В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-ой половине XIX века / В. Я. Гросул. — М.: РОССПЭН, 2001. — 407 с.
13. Гросул, В. Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. / В. Я. Гросул. — М.: РОССПЭН, 2008. — 701 с.
14. Деннис, Н. Израэль Липски, преступник или жертва: еврейская иммиграция в викторианской Англии [Электронный ресурс] / Н. Деннис // Еврейская старина. — 2006. — № 23. — Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer23/Dennis1.htm>
15. Диттрич, Т.В. Повседневная жизнь Викторианской Англии / Т. В. Диттрич. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 382 с.
16. Дегтеревская, В.Н. Политическая эмиграция в Великобритании в середине XIX века / В. Н. Дегтеревская. — Ярославль: Изд-во Ярославского государственного университета, 1994. — 112 с.
17. Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. / Н. А. Ерофеев. — М.: Наука, 1982. — 332 с.
18. Журавлева, В.И. Еврейская эмиграция из России в США на рубеже XIX-XX вв.: образ «чужого» в сознании американцев [Электронный ресурс] / В. И. Журавлева // Новый исторический вестник. — 2001. — № 2. — Режим доступа: http://www.nivestnik.ru/2001_2/index.shtml
19. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков : учебное пособие / под ред. Г. В. Жиркова. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. — 318 с.

20. Зашихин, А. Н. "Глядя из Лондона": Россия в общественной мысли Британии, вторая половина XIX-нач. XX в.: Очерки / А. Н. Зашихин. — Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогического университета, 1994. — 206 с.
21. Звонарев, К.К. Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Кн. 1 / К. К. Звонарев. — М.: БДИЦ-пресс, 2003. — 304 с.
22. Иванов, А. Е. Русское студенческое зарубежье. Конец XIX — начало XX вв. [Электронный ресурс] / А. Е. Иванов // Вопросы истории естествознания и техники. — 1998. — №1. — Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/IVANOV.HTM>
23. Иванова, Н. В. Из истории русско-английских культурных связей в 80-90-е годы XIX века / Н. В. Иванова // Учёные записки Курского педагогического института. Выпуск 26. — Курск: Изд-во Курского педагогического института, 1966. — С. 142–163.
24. Иванова, Н. В. Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей в 80–90-е годы XIX века / Н. В. Иванова // Учёные записки Курского Педагогического института. Выпуск 43, часть 1. — Курск: Изд-во Курского педагогического института, 1967. — С.81–114.
25. Иовчук, М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов / М. Т. Иовчук, И. Н. Курбатова. — М.: Молодая гвардия, 1977. — 352 с.
26. Ионцев, В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., О कोरोков А. В. Эмиграция и репатриация в России [Электронный ресурс] / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. О कोरोков. — М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. — 490 с. — Режим доступа: <http://www.cisdf.org/TRM/Ionzev/book-1.2.1.html>
27. История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. : сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 1996. — 173 с.
28. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. : сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 1997. — 191 с.
29. Итенберг, Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении / Б. С. Итенберг, Лавров . — М. : Наука, 1988. — 301 с.
30. Кабузан, В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа / В. М. Кабузан. — СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996. — 352 с.
31. Кабузан, В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века / В. М. Кабузан. — М.: Наука, 1998. — 270 с.
32. Казнина, О. А. Англия глазами русских / О. А. Казнина // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии 1646–1945 / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николюкин. — М.: РОССПЭН, 2001. — 648 с.
33. Казнина О. А. Всесветная держава. Англия глазами русских / О. А. Казнина // Родина. — 2003. — № 5-6. — С. 167-170.
34. Казнина, О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века / О. А. Казнина. — М. : Наследие, 1997. — 416 с.
35. Киперман, А. Я. Главные центры русской революционной эмиграции 70–80-х годов XIX в. / А. Я. Киперман // Исторические записки. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1971. — 88 т. — С. 257–295.
36. Киперман, А. Я. Разночинская революционная эмиграция. — Тамбов : Тамб. ГПИ, 1980. — 158 с.
37. Клевенский, М. Герцен-издатель и его сотрудники / М. Клевенский// Литературное наследство. Т. 41–42. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. — С. 572–620.

38. Козлов, С. А. Русские люди об англичанах в XIX – начале XX века / Козлов С. А. – М.: Новый хронограф, 2015. — 240 с.
39. Козьмин, Б. П. Герцен, Огарёв и «молодая эмиграция» / Б. П. Кузьмин // Литературное наследство. Т. 41–42. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. — С. 1–48.
40. Командорова, Н. И. Русский Лондон / Н. И. Командорова. — М.: Вече, 2011. — 368 с.
41. Комин, В. В., Червякова М. М. История российской революционной эмиграции : учебное пособие / В. В. Комин, М. М. Червякова. Калинин: Изд-во Калининского государственного университета, 1985. — 88 с.
42. Кондратьева, Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс] / Т. С. Кондратьева // Перспективы. — Режим доступа: [http://www.perspektivy.info/srez/val/diaspory v sovremennom mire evolucija javlenija i po natiya 2010-02-27.htm](http://www.perspektivy.info/srez/val/diaspory%20v%20sovremennom%20mire%20evolucija%20javlenija%20i%20po%20natiya%202010-02-27.htm)
43. Костиков, В. В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции) / В. В. Костиков. — М.: Международные отношения, 1990. — 464 с.
44. Кучер, Н.А. К вопросу о периодизации иммиграционной политики США в XIX в. / Н. А. Кучер // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 1–4 (76). — С. 144–148.
45. Ланской, Л. Р. Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена / Л. Р. Ланской // Литературное наследство. Т. 63. Герцен и Огарёв. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. — С. 793–831.
46. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1851–1858. Кн. 2 / под ред. С. Д. Гурвич-Лищинер, И. Г. Птушкиной. — М.: Наука, 1976. — 416 с.
47. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859–1864. Кн. 3 / под ред. С. Д. Гурвич-Лищинер, И. Г. Птушкиной. — М.: Наука, 1983. — 704 с.
48. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883) / сост. Н. Н. Мостовая. — СПб.: Наука-СПб, 2003. — 623 с.
49. Любина, Г.И. Русская научная эмиграция XIX века в Париже: общий взгляд и уроки [Электронный ресурс] / Г. И. Любина // Вопросы истории естествознания и техники. — 2002. — №2. — Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/PARIS_XIX.HTM
50. Маркин, В. А. Неизвестный Кропоткин: [1842–1921] / В. А. Маркин. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. — 446 с.
51. Матвиенко, Н.О. Нормативные основы пересечения границы российскими подданными / Н. О. Матвиенко // Вестник Пермского университета. — 2011. — № 1(11). — С. 58–62.
52. Мелихов, Г. В. Русские общины в США, Австралии, Китае. Общее и особенное / Г. В. Мелихов // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 2001. — 332 с.
53. Милитарев, А.Ю. О содержании термина "диаспора" (к разработке дефиниции) // Диаспоры. — 1999. — № 1. — С. 24–33.
54. Митрофанов, С. Кто вы, Ольга Новикова? [Электронный ресурс] / С. Митрофанов // Русский журнал. — Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/persons/99-03-08/mitrof.htm>
55. Мокин, К. С. Диаспора как политический конструкт [Электронный ресурс] / К. С. Мокин // Территория добра. Опыт социальной работы на территории Саратовской области : сборник научных статей / под ред. Т. И. Иванушкиной, С. М. Нечаева, Г. Н. Утёнкова. — Саратов: Изд-во Самарского государственного университета, 2006.
56. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 2001. — 332 с.

57. Никифорова, Т. «...Что может быть полезно людям». К истории собирания рукописного наследия Л.Н.Толстого [Электронный ресурс] / Т. Никифорова // Октябрь. — 1997. — №11. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/1997/11/tolstoi.html>
58. Норт, Г. Марксова религия революции. Возрождение через хаос / Г. Норт. — Екатеринбург: Екатеринбург, 1994. — 307 с.
59. Носырев, И. Ограниченные родиной. Русские вояжи в прошлые века [Электронный ресурс] / И. Носырев // The New Times. — 2010. — № 33. — Режим доступа: <http://maxpark.com/user/2878057251/content/541305>
60. Ободова, А.Б. Общество друзей русской свободы и Фонд вольной русской прессы: формирование архивного наследия (1890–1914 гг.) / А. Б. Ободова // Отечественные архивы. — 2006. — № 6. — С. 24–32.
61. Пирумова, Н. М. Пётр Алексеевич Кропоткин / Н. М. Пирумова. — М.: Наука, 1972. — 224 с.
62. Поляков, Ю. А. Адаптация и миграция — важные факторы исторического процесса / Ю. А. Поляков // История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. : сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 1996. — 173 с.
63. Попков, В. Д. Феномен этнических диаспор [Электронный ресурс] / В. Д. Попков. — М.: ИС РАН, 2003. — 320 с.
64. Попов, А. Генерал от толстовства [Электронный ресурс] / А. П. Попов // Мирт. — 2011. — № 3(76). — Режим доступа: <http://mbchurch.ru/publications/articles/15/6293/>
65. Попова, С. С. «Я левый из левых, демократ, социалист...»: Архивная справка на В. Л. Бурцева [Электронный ресурс] / С. С. Попова. // Исторический архив. — 2002. — № 2. — Режим доступа: <http://yroslav1985.livejournal.com/47015.html>.
66. Проблемы изучения истории российского зарубежья : сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 1993. — 103 с.
67. Пронин, А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг: библиометрический анализ / А. А. Пронин ; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. — Екатеринбург: Издательство Российского Государственного профессионально-педагогического университета, 2009. — 359 с.
68. Пушкарёва, Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н. Л. Пушкарёва // Отечественная история. — 1999. — №1. — С. 53–69.
69. Пушкарёва, Н. Л. Пути формирования русской диаспоры после 1945 г. / Н. Л. Пушкарёва // Этнографическое обозрение. — 1992. — № 6. — С. 18–30.
70. Рогачевская, Е. Библиотека Британского музея как центр интеллектуальной и культурной жизни российской политической эмиграции / Е. Рогачевская // Русское присутствие в Англии. — М.: Современная экономика и право, 2009. — 272 с.
71. Роговин, Л.М. Устав о паспортах / Л. М. Роговин. — СПб.: Законоведение, 1913. — 335 с.
72. Романюк, С. К. Русский Лондон / С. К. Романюк. — М. : АСТ, Астрель, 2009. — 479 с.
73. Русское присутствие в Британии — М.: Современная экономика и право, 2009. — 272 с.
74. Саломони, А. Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905 гг.) / А. Саломони // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли: сборник статей / под ред. Б. Ананьича, Ю. Шеррер. — СПб.: Европейский дом, 1997. — 242 с.
75. Семёнов, В. Л. Связи С. М. Степняка-Кравчинского с деятелями общественного движения Англии: автореф. дис. канд. истор. наук : 07.00.03 / Семёнов Владимир Львович. — Пермь, 1973. — 26 с.

76. Семёнов, Ю. И. Этнос, нация, диаспоры [Электронный ресурс] / Ю. И. Семёнов // Этнографическое обозрение. — 2000. — № 2. — Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_160.html
77. Синельников, А. В. Шифры и революционеры России [Электронный ресурс] / А. В. Синельников. — М.: Юрайт, 2006. — 486 с. — Режим доступа: <http://politazbuka.info/biblioteka/istoriya/438-sinelnikov-av-shifry-i-revolucionery-rossii.html>
78. Слэттер, Д. Искандер со товарищи. Русские революционеры и британские радикалы / Д. Слэттер // Родина. — 2003. — № 5–6. — С. 81–84.
79. Слэттер, Д. Письма Кропоткина как исторический источник / Д. Слэттер // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Выпуск 4. Идеи П. А. Кропоткина и естествознание. Вопросы биографии П.А. Кропоткина — М.: Институт экономики РАН, 2002. — 184 с.
80. Сондерс, Д. Отзвуки Русской революции 1905 года на берегах Тайна / Д. Сондерс // Русское присутствие в Британии — М.: Современная экономика и право, 2009. — 272 с.
81. Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.) : сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 1999. — 270 с.
82. Таратута, Е. А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель / Е. А. Таратута. — М.: Художественная литература, 1973. — 544 с.
83. Тишков, В. А. Исторический феномен диаспоры / В. А. Тишков // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сборник статей / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 2001. — 332 с.
84. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. — М.: Наука, 2003. — 544 с.
85. Тощенко, Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова // Социологические исследования. — 1996. — № 12. — С. 31–42.
86. Третьякова С.Н. Лондонский салон О.А. Новиковой: женщина в мире мужской политики [Электронный ресурс] / С. Н. Третьякова // Электронный научный журнал «Социальная история». — 2013. — Вып. 2. — С. 28–43. — Режим доступа: <http://www.icshes.ru/elektronnyj-nauchnyj-zhurnal-sotsialnaya-istoriya/soderzhanie-vypuskov/stati/item/485-londonskij-salon-o-a-novikovej-zhenshchina-v-mire-muzhskoj-politiki>
87. Тхоржевский, С. Испытание воли. Повесть о Петре Лаврове [Электронный ресурс] / С. Тхоржевский. — М.: Политиздат, 1985. — 301 с. — Режим доступа: http://az.lib.ru/l/lawrow_p_l/text_0030.shtml
88. Ульякина, Т. И. Российская научная эмиграция в Великобритании (1917–1940-е гг.) / Т. И. Ульякина // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.): Международная научная конференция, 29 июня — 2 июля 2000 г. — М.: Русский путь, 2002. — 446 с.
89. Федорченко, В. И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 томах. Том 1. М.—Красноярск: Бонус — Олма-Пресс, 2003. — 640 с.
90. Хевролина, В. М. Министерство иностранных дел России в 1856–1878 гг. / В. М. Хевролина // Новая и новейшая история. — 2002. — № 4. — С. 180–196.
91. Хендерсон, Р. Русская библиотека в Ист-Энде / Р. Хендерсон // Русское присутствие в Британии — М.: Современная экономика и право, 2009. — 272 с.
92. Ходнев, А. С. Изобретая велосипед: культурные практики, репрезентации и конструирование идентичности в конце XIX в. / А. С. Ходнев // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — № 4. Том I (Гуманитарные науки). — С. 94–97.

93. Чернов, С. Бейкер-стрит и окрестности. Эпоха Шерлока Холмса / С. Чернов. — М.: Форум, 2013. — 480 с.
94. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки: в 3 т. / Б. Н. Чичерин — М.: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. — 1 т. — 492 с.
95. Эйдельман, Н. Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII-XIX веков и Вольная печать / Н. Я. Эйдельман. — М.: Мысль, 1984. — 317 с.
96. Эндерлайн, Э. Русские женщины в Швейцарии в XIX веке / Э. Эндерлайн // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / под. ред. Г. А. Тишкина. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — 260 с.
97. Adam Matthew Publications. Russian journals [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/russian_journals/Publishers-Note.aspx
98. Alston, C. Tolstoy's Guiding Light [Электронный ресурс] / C. Alston // History Today. — 2010. — Vol. 60 (10). — Режим доступа: <http://www.historytoday.com/charlotte-alston/tolstoys-guiding-light>
99. Altick R. D. The English Common Reader: A Social History of the Mass Reading Public, 1800–1900 / R. D. Altick. — Columbus: Ohio State University Press, 1998. — 448 p.
100. Armytage, W. H. G. Heavens Below: Utopian Experiments in England, 1560–1960 / W. H. G. Armytage. — L.: Routledge, 2006. — 480 p.
101. Bade, K. J. Migration in European history / K. J. Bade. — Oxford: Blackwell, 2003. — 402 p.
102. Ball, M., Sunderland D. An economic history of London, 1800–1914 / M. Ball, D. Sunderland. — L.: Routledge, 2001. — 371 p.
103. Baylen, J. O. Bishop Strossmayer and Mme. Olga Novikov: Two Unpublished Letters, 1879 / J. O. Baylen // Slavic Review. — 1967. — Vol. 26 (3). — P. 467–473.
104. Beegan G. The Mass Image: A Social History of Photomechanical. Reproduction in Victorian London / G. Beegan. — Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2008. — 302 p.
105. Brown R. Racism and immigration in Britain [Электронный ресурс] // International Socialism. — 1995. — № 2. — Режим доступа: <https://www.marxists.org/history/etol/newspape/isj2/1995/isj2-068/brown.htm>
106. Burke D. Theodore Rothstein, Russian Emigre and British Socialist / D. Burke // From the Other Shore: Russian Political Emigrants in Britain, 1880-1917. Immigrants and Minorities / Ed. by John Slatter. — L.: Fran Cass and Co Limited, 1984. — 172 p.
107. The Cambridge Social History of Britain 1750–1950 / Ed. by F. M. L. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — Vol. 1. Regions and communities. — 608 p.
108. The Cambridge Social History of Britain 1750–1950 / Ed. by F. M. L. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — Vol. 2. People and their environment. — 392 p.
109. The Cambridge Social History of Britain 1750–1950 / Ed. by F. M. L. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — Vol.3. Social agencies and institutions. — 512 p.
110. Charles Booth online archive [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://booth.lse.ac.uk/cgi-bin/do.pl?sub=view_booth_and_barth&args=531000,180400,6,large,5
111. Cross, A. The Russian Theme in English Literature. From the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography / A. Cross. — Oxford: Oxford University Press, 1985. — 278 p.
112. Dauntton M. Wealth and Welfare: An Economic and Social History of Britain, 1851–1951 / M. Dauntton. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — 672 p.

113. Gainer, B. *The Alien Invasion: The Origins of the Aliens Act of 1905* / B. Gainer. — L.: Heinemann Educational Books, 1972. — 305 p.
114. Galton, D. *The Anglo-Russian Literary Society // The Slavonic and East European Review*. — 1970. — Vol. 48 (111). — P. 272–282.
115. Garrard, J.A. *The English and Immigration. A Comparative Study of the Jewish Influx 1880-1910* / J.A. Garrard. — London: Oxford University Press, 1971. — 244 p.
116. Gartner, L.P. *The Jewish Immigrant in England 1870-1914* / L.P. Gartner. — L.: George Allen & Unwin, 1960. — 320 p.
117. Grant R. *British radicals and socialists and their attitudes to Russia, c.1890-1917: PhD thesis* / R. Grant. — Glasgow, 1984. — 422 p.
118. Gray D. D. *London's Shadows: The Dark Side of the Victorian City* / D. D. Gray. — L.: Bloomsbury Academic, 2010. — 288 p.
119. Henderson, R. *Russian Political Émigrés and the British Museum Library* / R. Henderson // *Library History*. — 1991 — № 9. — P. 59–68.
120. Hollingsworth, B. *The Society of Friends of Russian Freedom: English Liberals and Russian Socialists, 1890–1917* / B. Hollingsworth // *Oxford Slavonic papers. New Series*. — 1970. — Vol. 3. — P. 45–54.
121. Holman, M. J. de K. *The Purleigh Colony: Tolstoyan Togetherness in the Late 1890s* / M. J. de K. Holman // *New Essays on Tolstoy* / Ed. by M. Jones. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. — 270 p.
122. Holman, M. J. de K. *Translating Tolstoy for the Free Age Press: Vladimir Chertkov and his English Manager Arthur Fifield* / M. J. de K. Holman // *Slavonic and East European Review*. — 1988. — Vol. 66 (2). — P. 184–196.
123. Holmes, C. *A Tolerant Country? Immigrants, Refugees and Minorities in Britain* / C. Holmes. — L.: Faber and Faber, 1991. — 127 p.
124. Holmes, C. *Introduction — A bibliographical and historical essay* / C. Holmes // V. F. Gilbert, D. S. Tatla. *Immigrants, minorities and race relations. A bibliography of theses and dissertations presented at British and Irish universities, 1900–1981* / V.F. Gilbert, D.S. Tatla. — N. Y.–L.: Mansell Publishing, 1984. — 153 p.
125. Holmes, C. *John Bull's island: immigration and British society, 1871–1971* / C. Holmes. — L.: Macmillan, 1988. — 302 p.
126. *Ivan Turgenev and Britain* / Ed. by P. Waddington. — Oxford–Providence: Berg Publishers, 1995. — 302 p.
127. Kendall, W. *Russian emigration and British Marxist socialism* / W. Kendall // *International Review of Social History*. — 1963. — Vol. 8 (3). — P. 352–378
128. Kimball, A. *The Harassment of Russian Revolutionaries Abroad: the London Trial of Vladimir Burtsev in 1898* / A. Kimball // *Oxford Slavonic papers. New Series*. — 1973. — Vol. 6. — P. 48–65.
129. Mellon, M. *Friend or Femme Fatale? Olga Novikova in the British Press, 1877–1925: Master's thesis* / M. Mellon. — Chapel Hill, 2010. — 67 p.
130. Mitchell S. *Daily Life in Victorian England* / S. Mitchell. — London: Greenwood Press, 2009. — 356 p.
131. Moser, T. C. *An English Context for Conrad's Russian Characters: Sergey Stepniak and the Diary of Olive Garnett* / T. C. Moser // *Journal of Modern Literature*. — 1984. — Vol. 11. — P. 3–44.
132. Musson A. E. *The Great Depression in Britain, 1873-1896: A Reappraisal* / A. E. Musson // *The Journal of Economic History*. — 1959. — Vol. 19 (2). — P. 199–228.
133. Peaker C. *Reading Revolution: Russian Emigres and the Reception of Russian Literature in England, c. 1890-1905* / C. Peaker. — Oxford, 2006. — 293 p.

134. Peaker, C. We are not Barbarians: Literature and the Russian Émigré Press in England, 1890–1905 [Электронный ресурс] / C. Peaker //19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century. — 2006. — № 3. — Режим доступа: <http://www.19.bbk.ac.uk/articles/abstract/10.16995/ntn.451/>
135. Porter, B. The British Government and Political Refugees 1880–1914 / B. Porter // From the Other Shore: Russian Political Emigrants in Britain, 1880–1917. Immigrants and Minorities / Ed. by John Slatter. — L.: Fran Cass and Co Limited, 1984. — 172 p.
136. Porter, B. The refugee question in mid-Victorian politics / B. Porter. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979. — 242 p.
137. Saunders, D. B. Stepniak and the London Emigration. Letters to Robert Spence Watson, 1887–1890 / D. B. Saunders // Oxford Slavonic Papers. New series. — 1980. — Vol. 13. — P. 80–93.
138. Senese, D. Felix Volkhovsky in London / D. Senese // From the Other Shore: Russian Political Emigrants in Britain, 1880–1917. Immigrants and Minorities / Ed. by John Slatter. — L.: Fran Cass and Co Limited, 1984. — 172 p.
139. Senese, D. J. S. M. Stepniak-Krachvinskii, the London Years / D. J. Senese. — Newtonville: Oriental Research Partners, 1987. — 156 p.
140. Service R. Russian Marxism and its London Colony before the October 1917 Revolution / R. Service // Personality and Place in Russian Culture: Essays in Memory of Lindsey Hughes / Ed. by S. Dixon. — L.: Modern Humanities Research Association, 2010. — P. 359–376.
141. Sherwell, A. Life in West London : A Study and a Contrast / A. Sherwell. — L.: Methuen, 1897. — 202 p.
142. Slatter, J. Bears in the Lion's Den: The Figure of the Russian Revolutionary Emigrant in English Fiction, 1880–1914 / J. Slatter // Slavonic and East European Review. — 1999. — Vol. 77 (1). — P. 30–55.
143. Slatter, J. Bertrand Russell and the Volkhovsky Letters, 1920–26 / J. Slatter // Russell: the Journal of Bertrand Russell Studies. — 1982/83. — Vol. 2 (2). — P. 7–19.
144. Slatter, J. Jaakoff Prelooker and «Anglo-Russian» / J. Slatter // From the Other Shore: Russian Political Emigrants in Britain, 1880–1917. Immigrants and Minorities / Ed. by John Slatter. — L.: Fran Cass and Co Limited, 1984. — 172 p.
145. Stanislawski, M. Zionism and the fin de siècle: cosmopolitanism and nationalism from Nordau to Jabotinsky / M. Stanislawski. — Berkeley: University of California Press, 2001. — 206 p.
146. Tolstoy, Utopians and Revolutionaries [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.flickr.com/photos/sludgeulper/2989643310/in/set-72157608886613587>
147. Vaughan, L. The spatial form of poverty in Charles Booth's London / L. Vaughan // Progress in Planning. 2007. — Vol. 67 (3). — P. 205–294.
148. Young, S. J. Lecturer in Russian at School of Slavonic and East European Studies [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sarahjyoung.com/site/category/russians-in-london/>

ПРИЛОЖЕНИЕ А



Рисунок 1. Динамика роста численности выходцев из Российской империи, проживавших в Англии и Уэльсе в 1871–1901 гг. (тыс. человек)⁵⁹¹.

BLACK: Lowest class. Vicious, semi-criminal.	PURPLE: Mixed. Some comfortable others poor
DARK BLUE: Very poor, casual. Chronic want.	PINK: Fairly comfortable. Good ordinary earnings.
LIGHT BLUE: Poor. 18s. to 21s. a week for a moderate family	RED: Middle class. Well-to-do.
	YELLOW: Upper-middle and Upper classes. Wealthy.

Рисунок 2. Маркировка домов на «картах бедности» согласно классификации Чарльза Бута⁵⁹².

BLACK: «чёрный» — низший класс. Социальные пороки, полукриминальные элементы. **DARK BLUE:** «синий» — крайняя бедность, неопрятность. Хроническая нужда. **LIGHT BLUE:** «голубой» — бедность. Недельный заработок — от 18 до 20 шиллингов на среднюю семью. **PURPLE:** «фиолетовый» — смешанный район. Некоторые семьи зажиточны, прочие — бедны. **PINK:** «розовый» — довольно комфортабельно. Достойный средний заработок. **RED:** «красный» — средний класс, состоятельность. **YELLOW:** «жёлтый» — высший-средний и высший классы. Богатство (подробное описание — см. с. 62).

⁵⁹¹ Census of England and Wales. 1881. General Report. [Электронный ресурс]; Census of England and Wales. 1891. General Report with summary, tables and appendices. [Электронный ресурс]; Census of England and Wales. 1901. General report with appendices. [Электронный ресурс].

⁵⁹² Charles Booth Online Archive. [Электронный ресурс].

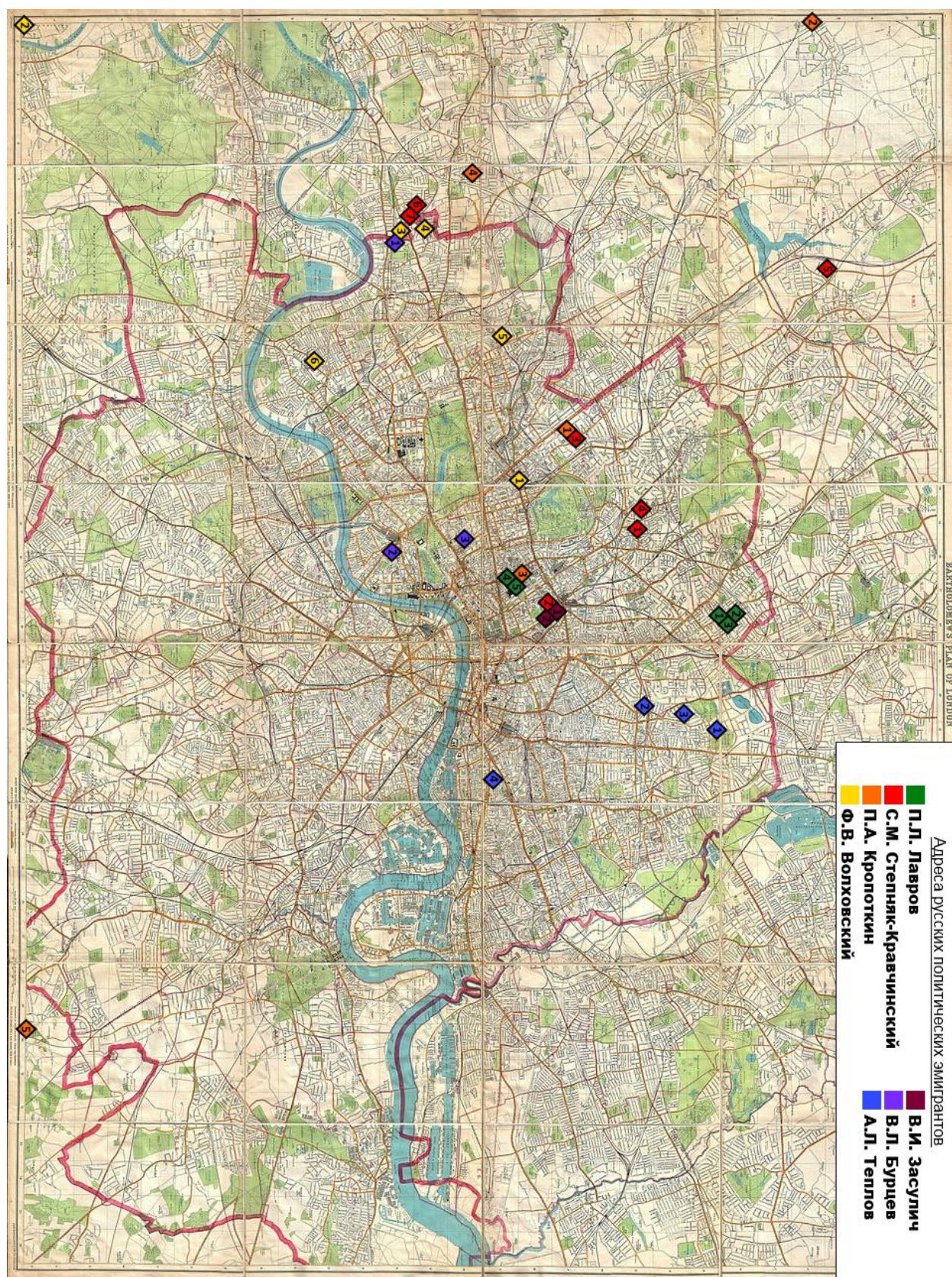


Рисунок 3. Лондонские адреса русских политических эмигрантов на плане Лондона (John Bartholomew & Son. LTD., Edinburgh, 1899 г.)

Год	П.Л. Лавров	С.М. Кравчинский	П.А. Кропоткин	Ф.В. Волховский	В.И. Засулич	В.Л. Бурцев	А.Л. Теплов
1874	1						
1875	1 2						
1876	2 3						
1877	3 4						
1878							
1879							
1880							
1881							
1882	5						
1883							
1884		1 2					
1885		2 3					
1886		3 4 5 1 2					
1887		5 2					
1888		5 2					
1889		5 2					
1890		5 2					
1891		5 6 2 1 2					
1892		6 2 3 4 2 3					
1893		6 4 3 1					1
1894		6 7 4 5 3 4 1 1 1 2					
1895		7 5 4 1 2 1 2 2					
1896		5 4 5 2 2 2					
1897		5 5 2 2 3 2					
1898		5 5					2
1899		5 5 2 3					
1900		5 5 6 3					
1901		5 6 3 3 4					

Рисунок 4. Сравнительная таблица лондонских адресов русских политических эмигрантов по классификации Чарльза Бута (см. Рисунок 2).

П.Л. Лавров: 1) 20, Moray Road (**PURPLE**); 2) 3, Evershot Road (**PURPLE**); 3) 57, Fonthill Road (**PURPLE**); 4) 21, Alfred Place (**PINK**); 5) 13, Alfred Place (**PINK**).

С.М. Степняк-Кравчинский: 1) 119, Prince of Whales Road (**PINK**); 2) 45, Regent Square (**PINK**); 3) 42, Alma Square (**RED**); 4) 2, Maitland Park Road (**PINK**); 5) 13, Grove Gardens (**Н/Д**); 6) 31, Blandford Road (**Н/Д**); 7) 45, Woodstock Road (**Н/Д**).

П.А. Кропоткин: 1) 12, Alma Square (**RED**); 2) 17, Roxborough Road (**Н/Д**); 3) 7, Alfred Place (**PINK**); 4) 13, Woodhurst Road (**Н/Д**); 5) 6, Crescent Road (**Н/Д**).

Ф.В. Волховский: 1) 229, Marylebon Road (**RED**); 2) Henhurst Cross (**Н/Д**); 3) 4, Stamford Brook Road (**RED**); 4) 56, Rylett Crescent (**PINK**); 5) 176, Lancaster Road (**PINK**); 6) 30, Arundel Mansions (**PINK**).

В.И. Засулич: 1) 2, Regent Square (**PINK**); 2) 46, Regent Square (**PINK**).

В.Л. Бурцев: 1) 16, Westcroft Square (**PINK**); 2) 24, Francis Street (**PINK**); 3) 70, Grafton Street (**RED**).

А.Л. Теплов: 1) 37, Bouverie Road (**PINK**); 2) 16, St. Paul's Place (**PINK**); 3) 89, Park Lane (**PINK**); 4) 106, Commercial Road (**RED**).